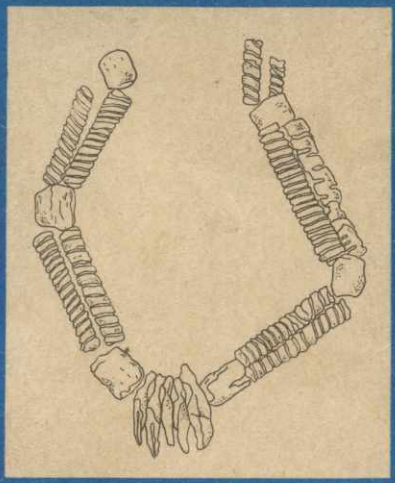
ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ

ВТОРОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР 18—19 МАЯ 1989 ГОДА

Тезисы докладов и сообщений



Полтава, 1989

ПОЛТАВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ПОЛТАВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ПОЛТАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

К 100-летию Полтавского
краеведческого музея

ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ

ВТОРОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР 18—19 МАЯ 1989 ГОДА

Тезисы докладов и сообщений

Полтава, 1989

Личная библиотека
2224

ББК 63.4 (2 Ук.).
0 92

Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Тезисы докладов и сообщений; Редкол.: **Белоус А. П., Бондаревский П. К. и др.** — Полтава, 1989. — 131 с.

Содержит тезисы докладов и сообщений по вопросам охраны и исследования памятников археологии Полтавской и смежных областей — Сумской, Черниговской и Черкасской, опыту подготовки археологической части «Свода памятников истории и культуры народов СССР» по Полтавской области. Часть докладов вводит в научный оборот новые, ранее не публиковавшиеся, археологические материалы, часть — посвящена истории археологического изучения края и его исследователям.

Для археологов, историков, учителей школ, краеведов, сотрудников государственных органов охраны памятников и музеев, студентов.

Редакционная коллегия:

Белоус А. П. (зам. отв. редактора), **Бондаревский П. К.**, заслуженный работник культуры УССР (отв. редактор), **Журавель Г. Г.**, **Кулатова И. Н.** (отв. секретарь), **Литвиненко Э. И.**, **Наливайко И. Н.**, **Прищепа И. З.**, **Супруненко А. Б.**

Художник **А. П. Грибан.**

На обложке: ожерелье из костей животных и птиц (с. Лахны Новосанжарского района, курган 1, погребение 1). Ямная культура.

Б. В. ЧИЧКАЛО

ПОДГОТОВКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЧАСТИ «СВОДА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ»

Среди важнейших направлений деятельности ученых-обществоведов, сотрудников музеев, краеведческого актива области — подготовка «Свода памятников истории и культуры народов СССР» — нового энциклопедического издания, призванного собрать и обобщить сведения обо всех недвижимых памятниках, расположенных на территории нашей Родины. Подготовка тома «Свода» по Полтавской области вступает в свою завершающую стадию.

Около трети объема этого издания будут составлять материалы о памятниках археологии — наиболее массовых объектах, свидетельствах жизни и деятельности наших далеких предков.

Подготовка археологической части «Свода памятников истории и культуры» потребовала проведения значительных полевых исследований на территории области. Эти работы велись силами археологов — сотрудников областного краеведческого музея, Полтавского государственного пединститута при участии Института археологии АН УССР и др. организаций. В работах приняли участие краеведы области.

За 1986—1988 гг. было проведено сплошное обследование территории Полтавской области, в результате чего картографировано до 4000 курганов, более 300 майданов, открыто свыше 50 древних поселений и стоянок, 2 новых городища.

При организации работ редколлегии тома «Свода» пришлось решить вопросы, связанные с обеспечением исследователей автотранспортом, картографическими материалами. Финан-

сирование обследований взяло на себя правление Полтавской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры, выделив на эти цели 30 тысяч рублей.

Наилучшие результаты дали разведки на территории Глобинского, Лубенского, Кобелякского и Новосанжарского районов, позволившие выявить здесь самое большое количество археологических памятников. Вместе с тем, на территории области остались участки, археологическое обследование которых еще необходимо продолжить.

В ходе подготовки материалов «Свода» начато создание серии каталогов-справочников «Археологические памятники Полтавской области», две брошюры из которых — по территории г. Полтавы и окрестностей и Машевскому району — уже увидели свет в 1988 г. В настоящее время завершается подготовка аналогичных реестров по Карловскому, Чутовскому и Шишакскому районам. Издание всей серии каталогов, впервые в республике, значительно облегчит доступ сотрудников государственных органов охраны памятников и их общественных помощников, исследователей и работников народного хозяйства к оперативной информации об археологических объектах Полтавщины, позволит ускорить постановку на учет и взятие под охрану государства большинства археологических памятников.

В ключе подготовки «Свода» в Полтавском краеведческом музее проведена конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. Я. Рудинского — известного советского археолога — исследователя памятников края и организатора музейного строительства на Полтавщине (1987 г.), начал работу постоянно действующий научно-практический семинар «Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины» (с 1988 г.). Была представлена археологическая тематика и на I Всесоюзной научной конференции по историческому краеведению в Полтаве (1987 г.). Планируется работа археологической секции на I областной краеведческой конференции, которая состоится весной 1989 г. в областном центре.

В состав авторской группы «Свода» по памятникам археологии вошли не только местные авторы, но и исследователи Москвы, Киева, Донецка, Харькова. Ими подготовлено более 40 статей по крупным и известным археологическим памятникам области. Эта работа продолжается.

В ходе подготовки археологической части «Свода» авторскому коллективу предстоит решить ряд задач. Прежде всего,

следует добиться полной унификации текста статей, подготовить, согласно издательским требованиям, иллюстративную часть материала, выдержать сроки сдачи материалов первой редакции в начале второго квартала 1989 г. Важно также подготовить содержательные вводные статьи по памятникам археологии районов, качественно исполнить иллюстративный материал. В этом во многом пригодится опыт подготовки сборника «Культурно-историческое наследие Полтавщины» (1987 г.).

Хочется высказать пожелание в том, что работа настоящего семинара будет способствовать решению возникших вопросов и завершению подготовки археологической части «Свода» и окажет содействие делу изучения и охраны памятников археологии Полтавщины.

А. П. БЕЛОУС

АРХЕОЛОГИЯ В ПОЛТАВСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Полтавский краеведческий музей — одно из старейших музейных учреждений краеведческого профиля на Украине. Основанный при участии видного почвоведа В. В. Докучаева в 1891 г., музей с первых лет существования начал формировать археологические коллекции. Первые из них были собраны полтавским краеведом И. А. Зарецким в окрестностях Полтавы. Первоклассными памятниками древнейших цивилизаций планеты пополнилось собрание в начале XX века, благодаря дару уроженца города П. П. Бобровского. «Краеугольным камнем», по образному выражению М. Я. Рудинского, современной археологической коллекции явилось поступление в земский музей собрания Лубенского музея Е. Н. Скаржинской в 1906 г.

С 1912 г. музей начал производить раскопки на Полтавщине. К сожалению, большая часть находок и документация масштабных исследований 1913—1916 гг. погибла в пожаре музейного здания, подожженного фашистами, в сентябре 1943 г.

Расцвет археологической деятельности Центрального пролетарского музея Полтавщины наступает в первые годы Советской власти. Активизация исследований была вызвана деятельностью известного советского археолога, директора музея М. Я. Рудинского, археолога А. К. Тахтая. В это время музей выпускает

свой «Збірник», появляется ряд публикаций в научных изданиях республики. Значительно вырастает собрание, пополнившееся ценными комплексами скифского времени из курганного могильника у с. Мачехи, неолетических стоянок Поворсклья, курганов конца IV—начала V вв. у с. Кантемировка. Значительные разведывательные работы осуществлены А. К. Тахтаем в конце 1920-х гг. в Поорелье и Поворсклье. Большая часть материалов этих разведок была выброшена музейными «новаторами» 1930-х гг.

Залечивая послевоенные раны, поднимался и Полтавский музей. Огромное количество депаспортизированных находок было заново описано и заинвентаризировано Г. А. Сидоренко. Несмотря на послевоенные трудности, сотрудники музея регулярно принимали участие в преобладающем большинстве экспедиций академических учреждений на территории области. Результаты этих исследований — коллекции находок работ 1940—1970-х гг. М. Я. Рудинского, И. И. Ляпушкина, Е. В. Махно, Б. А. Шрамко, О. В. Сухобокова и др. хранятся и экспонируются в музее. Среди наиболее известных — материалы раскопок курганов скифского времени в ур. Таранов Яр у с. Мачехи, городища роменской культуры у пгт. Опошня, черняховских могильников и поселений у сс. Кантемировка и Писаревка, Бельского городища, роменского и древнерусского городища у с. Решетники и др.

С 1977 г. музей возобновил самостоятельные археологические раскопки. К настоящему времени исследовано около 100 курганов различного времени, произведены разведки на значительной территории области, археологи музея активно включились в подготовку археологической части «Свода памятников истории и культуры народов СССР». Из наиболее интересных находок и открытий последних лет следует назвать массовое выявление погребальных памятников срубной культуры по Пслу и Ворскле (Луговая Л. Н.), открытие мезолитического поселения у с. Вязовок Лубенского района (Супруненко А. Б. и Гавриленко И. Н.), раскопки курганов скифского времени у сс. Васильевка и Олефирщина (Луговая Л. Н. и Кулатова И. Н.).

В музее работает научно-исследовательский сектор памятников археологии отдела охраны памятников музея, призванный наладить работу по учету и охране археологических объектов на территории области, вести аварийные и охранные ра-

боты. С 1987 г. музей регулярно проводит научные конференции, издает сборники тезисов, каталоги, справочники «Археологические памятники Полтавщины». Большая часть работы проводится в тесном контакте с областной организацией Украинского общества охраны памятников истории и культуры.

За вековую историю музея в нем работали многие археологи. Некоторые из них известны как исследователи древнейшего прошлого края и смежных территорий, другие — как экспозиционеры или фондовые работники: в дореволюционные годы — И. А. Зарецкий и В. М. Щербаковский (последний был автором первой археологической экспозиции музея); в советское время — М. С. Синицын, Н. А. Стан, Г. А. Сидоренко, В. И. Довженок, С. П. Юренко. Первую советскую экспозицию по археологии Полтавщины создал М. Я. Рудинский, современную — в 1963—1964 гг. — Г. А. Сидоренко. Ныне экспозиция дополнена новыми материалами, в разной степени полноты отражающими богатое собрание, насчитывающее около 40 тыс. предметов. Первый путеводитель по археологическому отделу музея издан в 1918 г.; недавно увидел свет и путеводитель по современной экспозиции.

В музее регулярно проводятся выставки, в т. ч. и археологические. По последним из них изданы три иллюстрированных каталога (1985, 1986, 1987). В настоящее время ведется сверка археологического собрания, готовится реэкспозиция археологического отдела.

Безусловно, эта работа невозможна без уточнения атрибуций ряда предметов, планомерного пополнения коллекций, в т. ч. и через фондово-закупочную комиссию. На очереди — решение вопроса о возвращении нескольких уникальных вещей из «разорванных» комплексов, в частности Кантемировки и др., бездумно переданных в музеи области и за ее пределы в 1950 — 1970-е гг. Необходимо и создание открытых фондов археологического собрания музея. Решение этих и ряда других вопросов возможно при возрождении археологического отдела музея.

Полтавский краеведческий музей и в дальнейшем будет уделять внимание совершенствованию археологической исследовательской деятельности и пополнению археологического собрания.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛТАВЩИНЕ

Из опыта охранной работы в соседних областях

В. Я. СЕРГИН

ГОНЦОВСКОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение расположено у места слияния сел Духовое и Гонцы Лубенского района. В 1871 г. Г. С. Кирьяковым здесь были случайно обнаружены кости мамонта, а в 1873 г. Ф. И. Каминский установил наличие на пространстве с костями разнообразных следов древнего поселения (Каминский, 1878). В 1891 г. невдалеке от этого места, при земляных работах, вновь встретилось много культурных остатков. Сохранился составленный тогда список костей животных и камней. Никаких письменных сведений не оставил о своих обширных варварских раскопках в 1904—1906 гг. Р. И. Гельвиг.

Значительный вклад в изучение памятника был внесен В. М. Щербаковским, исследовавшим его в 1914—1916 гг. (Щербаківський, 1919). Хотя ему и приглашенному на раскопки в 1915 г. В. А. Городцову не удалось понять сущность вскрытых объектов, их документация была настолько качественной, что в дальнейшем позволила найти ключ к памятнику другим археологам. Наиболее широкие раскопки в Гонцах провел в 1935 г. И. Ф. Левицкий (Левицький, 1949) при участии И. Г. Пидопличко, А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс. Им была исследована периферия основных комплексов и проверены некоторые определения В. М. Щербаковского. Лишь документация работ И. Ф. Левицкого дошла до нас практически полностью. Проводившиеся на небольших площадях раскопки 1977—1980 и 1985 гг. были сосредоточены на полном исследовании объектов, оставленных В. М. Щербаковским в 1915—1916 гг. (жилища, ямы), и выяснении характера остатков на ранее не вскрывающихся пространствах к северу и западу от них (Сергин, 1981).

Памятник связан с мысовидным участком второй надпойменной террасы правого берега р. Удай. Его остатки залегают в лессовидных суглинках на глубине 2,4—3,0 м. И. Ф. Левицкий выделил в Гонцах несколько культурных горизонтов. Помимо основного горизонта на изученном пространстве довольно большую площадь занимает лишь горизонт «к», в котором встречено много обломков костей животных и 1220 кремневых предметов, включая 124 орудия.

Основной горизонт культурного слоя распространен на всей разведанной площади памятника, ориентировочно равной до 4 тыс. кв. м. Здесь имелось несколько жилищно-хозяйственных комплексов. Остатки одного из них состояли из жилища, хозяйственных ям, очажков и кострищ. Жилище имело округлую в плане форму, внешний диаметр до 5,7 м, внутренний — около 3,5 м. По внешнему контуру имелось 28 черепов мамонта, в большинстве врытых носовыми частями вниз. Внутреннее пространство было заполнено бивнями и, в меньшей мере, лопатками и тазовыми костями мамонта, обвалившимися со стен и кровли жилища. Под ними залегали наслоения, типичные для пола жилища. В середине, по-видимому, был наземный очаг. В полу обнаружены четыре ямки. Жилище окружали семь крупных хозяйственных ям, одна из которых лишь зондирована. Второй жилищно-хозяйственный комплекс, по всей вероятности, находился непосредственно к югу от описанного, где Г. И. Гельвиг выкопал 30—40 черепов мамонта, множество других костей и встретил массу иных культурных остатков. Имеющиеся сведения позволяют предполагать наличие одного-двух жилищно-хозяйственных комплексов.

В изученном комплексе собрано 1599 кремневых предметов, включая 370 орудий. Основная часть кремневых предметов не внесена в отчеты и в целом их число, исходя из пропорции в раскопках 1970-х гг., должно было равняться около 3600 экземпляров. Все учтенное число кремня основного горизонта — около 2640 экземпляров, включая около 470 орудий. При введении в подсчет всех отщепов, осколков и пластин общее число кремня равнялось бы приблизительно 4700 экземплярам. Много кремня было пропущено при дореволюционных раскопках. Р. И. Гельвиг вовсе не собирал его. В фаунистических остатках наиболее широко представлены мамонт, медведь, песец, заяц, байбак, волк. Мамонт, по подсчетам И. Г. Пидопличко (Пидопличко, 1969), составлял около 93 особей. Наши подсчеты по

литературным, отчетным и раскопочным сведениям (по верхним челюстям) дали 67—77 особей, максимально 85. Едва их было более 80.

Исследование Гонцовского поселения еще содержит значительные перспективы. Причем в охранных наблюдениях нуждается его площадь, и соседний участок, занятый усадьбой В. И. Цебро, где с прошлого века, при земляных работах, попадаются кости мамонта.

И. В. САПОЖНИКОВ

М. Я. РУДИНСКИЙ И ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ УКРАИНЫ

В последние годы все более отчетливо проступает вклад М. Я. Рудинского, известного советского археолога, в 1920—1924 гг. директора Полтавского музея, в изучение древнейших периодов истории Украины. Однако, если его работы по культурно-хронологической интерпретации памятников мезолита (Рудинський, 1928; 1931) получили широкое признание (Колосов, 1971; Телегін, 1981; 1985), то роль теоретических построений М. Я. Рудинского в области изучения позднего палеолита остается не до конца осмысленной. Одним из основных методологических положений в историографии позднего палеолита Европейской части СССР является теория особой степной историко-культурной области, которая имела свои специфические этнографические и хозяйственные черты (Ефименко, 1960; Борисковский, 1964; 1984). Отметим, что П. И. Борисковский рассматривал работы М. Я. Рудинского как одни из основополагающих для разработки данного положения (Борисковский, 1961).

М. Я. Рудинский первым предложил изучать поздний палеолит юга Украины и Крыма, исходя не из традиционной в то время среднеевропейской периодизации, а с точки зрения классификационной схемы верхнего палеолита средиземноморско-причерноморской зоны. Выделяя «крымскую провинцию мустьеро-капсийской последовательности и непрерывности индустриального развития», ученый отметил, что особая роль в ее сложении принадлежит природному окружению, резко отличному

от более северных районов. По его мнению, для этой провинции характерно отсутствие типичных солютрейских и мадленских индустрий, а на смену «верхнеориньякским» комплексам здесь приходят индустрии «азильско-тарденуазского» круга (Рудинський, 1949, с. 18—20).

Хотя изложенное положение было сформулировано более 40 лет назад, когда поздний палеолит причерноморских степей и Крыма был представлен единичными памятниками, основные выводы М. Я. Рудинского не только подтвердились, но и до сих пор звучат актуально.

Благодаря работам целого ряда авторов (П. И. Борисковский, С. Н. Бибиков, А. А. Формозов, Н. О. Бадер, С. В. Смирнов, В. Н. Станко и др.), сейчас можно уверенно говорить о существовании в указанном регионе особой историко-культурной области. В ней на раннем и среднем этапах позднего палеолита прослеживается развитие ориньякоидных комплексов (Зеленый хутор, Анетовка I, Ненасытец III, Сюрень I — нижний слой и др.), причем более ранние из них сохраняют выразительные мустьерские черты. Во время позднеледниковья на рассматриваемой территории все более отчетливо проявляются признаки, характерные для граветтийских комплексов балкано-средиземноморского круга (Б. Аккаржа, Анетовка II, Сюрень I — верхние горизонты, Пидпорижный II, Любимовка III и др.). Финальными этапами позднего плейстоцена датируются комплексы с ранними формами геометрических микролитов — сегментами, прямоугольниками, трапециями с ретушированными верхними основаниями (Белолесье, Царинка, Леонтьевка, памятники крымского азиля типа Шан-Кобы, Рогалик I—V и др.).

Хозяйство населения крымско-степной историко-культурной области, в которую, по-видимому, не входили памятники Нижнего Подонья, по крайней мере со среднего этапа позднего палеолита, было основано преимущественно на сезонной специализированной охоте на бизонов и лошадей, которая в Крыму дополнялась охотой на сайгаков, и в других областях региона (Надпорожье) — зимней охотой на северных оленей.

Таким образом, современное состояние знаний в значительной мере подтверждает правильность взглядов М. Я. Рудинского на историко-культурную и хозяйственную интерпретацию позднего палеолита причерноморских степей и Крыма, хотя отдельные моменты его положения нуждаются в конкретизации и требуют дальнейшей разработки.

Н. А. МИЛОВАНОВА

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НАХОДКИ У СЕЛА КУЛЕШОВКА

В сентябре 1839 г. у с. Кулешовка Роменского уезда Полтавской губернии (сейчас Недригайловский р-н Сумской обл.) в имении графа Ю. А. Головкина на левом берегу маленькой речки Хусть (приток р. Сулы), при рытье канавы, было найдено большое количество костей и зубов мамонта, дикой лошади и слона.

Известный натуралист и профессор медицины Харьковского университета И. О. Калениченко, бывший в то время домашним врачом Головкина, организовал на месте находки небольшие раскопки: работы были прекращены из-за затопления ямы подземными водами.

Найденные кости оказались перемешанными, среди них встречались перебитые ребра, голени, лопатки, позвонки, челюсти. Вместе с костями залегали глыбы костяной брекчии.

Находки были подарены Харьковскому университету, и там через некоторое время утрачены.

На месте находки Ю. А. Головкин поставил памятник, который сохранился до наших дней (рис. 1).

Профессор И. О. Калениченко опубликовал короткое сообщение о проведенных им раскопках в 1840 г. в «Северной пчеле». Из его сообщения неясно, было ли найдено еще что-нибудь, кроме костей, были ли на костях следы огня и ряд других вопросов.

Кулешовская находка была надолго забыта. Редкие упоминания о ней встречаются в дореволюционной литературе, но никаких дополнительных исследований произведено не было.

Через 94 года появилась статья С. Ф. Козлова «Забытая находка близ с. Кулешовка», в которой автор формулирует вопрос: не имела ли здесь места случайно открытая палеолитическая стоянка? Вопрос этот до сих пор не получил окончательного ответа. Правда, в 1948 г. П. И. Борисковский и И. Г. Пидопличко заложили несколько шурфов на месте находки и, основываясь на отсутствии материала, сделали вывод, что все кости уже извлечены в 1839 г., и здесь нет следов палеолитического местонахождения (Пидопличко, 1949, 1952).

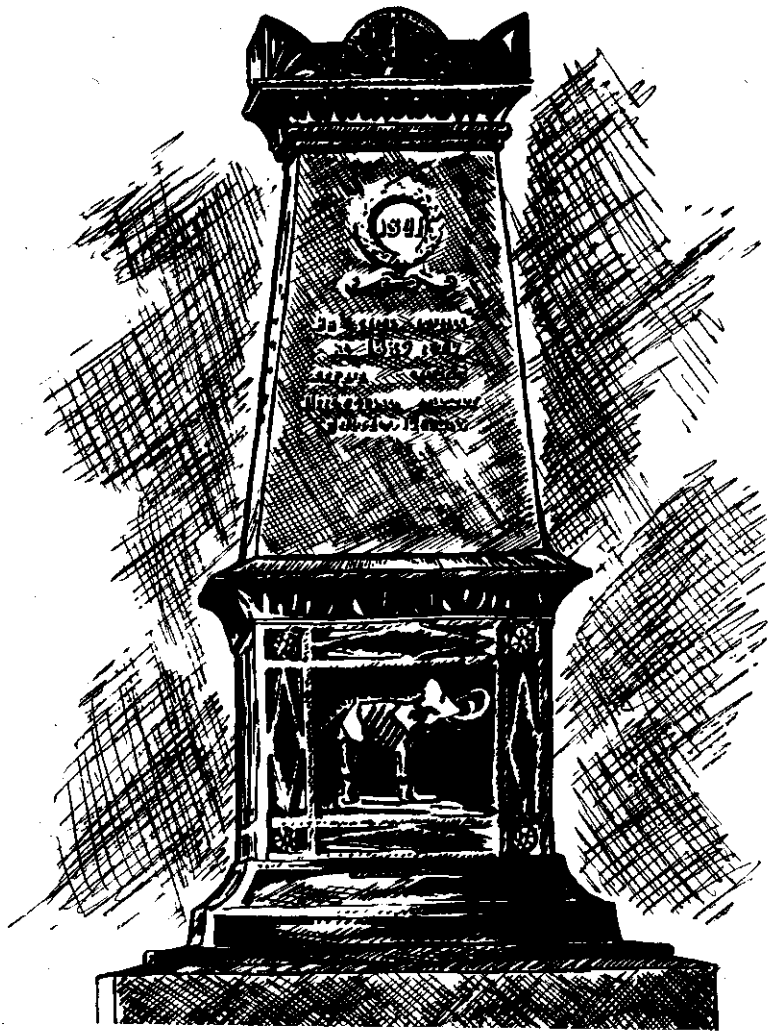


Рис. 1. Памятник мамонту в с. Кулешовка Недригайловского района Сумской области. Установлен в 1841 г.

Однако характер залегания и состав древней находки более всего напоминает искусственную костеносную яму хозяйственного назначения. Большое количество костей, принадлежащих, к тому же, различным животным, позволяет предположить долговременное их накопление.

Летом 1988 г. место находки и окрестности с. Кулешовки обследованы автором. В результате строительства дамбы река в районе давних раскопок сильно разлилась, образовав пруд. Линия воды находится в 2—3 м от места находки, закладка шурфа стала невозможной из-за высокого уровня подпочвенных вод.

В селе и на его окраинах были обследованы все лессовые обнажения. В виде подъемного материала встречаются куски черного кремня, небольшая их часть имеет следы искусственной обработки.

Вопрос о существовании палеолитического местонахождения в с. Кулешовка остается открытым.

И. Н. ГАВРИЛЕНКО

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В МЕЖДУРЕЧЬЕ СУЛЫ И ВОРСКЛЫ

Несмотря на многолетние исследования памятников каменного века в бассейнах рек Сулы, Псла и Ворсклы, эпоха мезолита оставалась практически неизученной. Л. Л. Зализняк (1980) имел все основания утверждать, что рассматриваемая территория является белым пятном на мезолитической карте Украины. Естественно, что никогда ранее мезолит междуречья Сулы и Ворсклы не становился предметом специального рассмотрения, хотя в общем плане высказывалось много предположений относительно него. Первооткрыватель мезолита в данном районе М. Я. Рудинский, выделив в пределах южнорусской (по П. П. Ефименко) мезолитической области лесостепной левобережный и степной регионы, датировал Ахтырку ранним, а Белую Гору поздним Тарденуазом (Рудинський, 1919, 1926). А. А. Формозов (1958), развивая мысль о неоднородности между собой памятников разных территорий в пределах южнорусской области, отметил присутствие в окрестностях г. Полтавы поселений (Яцынова Слободка), содержащих «типичные для се-

верных мезолитических стоянок наконечники из ножевидных пластинок». Позже Д. Я. Телегин (1968) выделил уже три группы мезолитических памятников и включил Сулу, Псел и Ворсклу, кроме верхних течений, в зону распространения лесостепной волынско-донецкой группы (днепро-донецкая по: Колосов, 1971). В 1973 г. Телегин детализировал разделение мезолитических памятников, и Ахтырка была включена в надпорожско-левобережную (ненасытецкую) группу. Впоследствии эта схема также потребовала уточнений и дополнений (Телегин, 1982). Ахтырка и Хухра-Зайцы были «условно зачислены» к кукрекской культуре Поднепровья, а Белая гора рассматривалась как памятник, отражающий культурное влияние на население бассейнов рек Сулы, Псла и Ворсклы с Надпорожья и Донбасса. Не исключалась возможность выделения в будущем в Степном Поднепровье и Левобережье Украины особой культуры, в которую вошли бы памятники типа Ненасытца и Моспино и «стоянки с трапециями Полтавщины (Белая гора)».

К настоящему времни в научный оборот введены как мезолитические 12 памятников (в том числе и не являющиеся таковыми):

1. **Ахтырка**. Открыта в 1916 г. на высоких дюнах в устье р. Ахтырки (левый приток Ворсклы) М. Я. Рудинским. В выдувах им была собрана большая коллекция изделий (свыше 500) из кварцита и кремня. Традиционно датируется мезолитом. Опубликована достаточно полно (Рудинский, 1919; Телегин, 1982, 1985).

2. **Хухра**. Большинство авторов (Рудинский, 1919; Непрна и др., 1986) относят пункт к неолиту. Д. Я. Телегин сперва (1957) был той же мысли, но в монографии «Мезолітичні пам'ятники України» (1982) назвал почему-то памятник Хухрой-Зайцами и, непонятно из чего исходя, рассматривал его как мезолитический. Правда, в свод мезолитических памятников (Телегин, 1985) Хухра не была включена.

3. **Яцынова Слободка**. 3 пункта с кремневой индустрией выявлены во время разведок Полтавского музея 1926—1928 гг. на левом берегу р. Ворсклы. На одном из них найден мезолитический наконечник на пластине (Тахтай, 1929). Данных о точном местоположении и топографии нет.

4. **Вакулинцы**. Г. А. Сидоренко и Д. Я. Телегин (Сидоренко и др., 1982; Телегин, 1985) включили в число мезолитичес-

ких стоянку с микролитическим инвентарем, размещенную на дюнных песках левого берега р. Ворсклы. Более конкретных данных не сообщалось.

5. **Белая Гора.** О причине ошибочного датирования мезолитом этого памятника подробнее см.: тезисы автора в материалах областной краеведческой конференции 1989 г.

6. **Между Белой Горой и с. Макуховкой** на дюне в пойме р. Коломака (левый приток Ворсклы) разведотрядом Полтавского краеведческого музея в 1983 г. собрана коллекция из 138 кремневых изделий при значительном преобладании заготовок и отходов производства. Предположительно отнесено к мезолиту (Гавриленко, 1987).

7. **Грицаевка.** На краю первой надпойменной террасы безымянного левого притока р. Днепр Л. Н. Луговой в 1980 г. и нами с А. Б. Супруненко в 1986 г. собрана небольшая коллекция кремня, состоящая исключительно из отходов производства. Возможно, как и предыдущий пункт, является остатками мезолитической стоянки-мастерской (Гавриленко, 1987).

8. **Андрияшевка.** В 1978 г. Д. Ю. Нужным на дюне в пойме р. Сулы выявлены кремни мезолитического времени. Описаны Д. Я. Телегиным (1985).

9. **Снитин.** О поспешности и недостаточной аргументированности утверждения о существовании тут мезолитического местонахождения (Сухобоков, Юренко, 1987) мы уже писали (Гавриленко, Гольник, 1988).

10. **Крутой Берег.** Г. А. Сидоренко (1982) и Д. Я. Телегин (1985) на основании сообщения краеведов утверждают о наличии возле села мезолитической стоянки. Конкретные данные отсутствуют.

11. На древнерусском городище Снепород совместными, с 1981 г., работами экспедиций Институтов археологии АН СССР и АН УССР выявлены каменные орудия. Рассматривается В. И. Неприной (1988) как мезолитическая мастерская, непосредственно связанная со следующим памятником.

12. **Вязовок.** В 1983 г. автором и А. Б. Супруненко на дюне в нижнем течении р. Слепород (правый приток р. Сулы) в ур. Слобидка выявлены переотложенные изделия из кремня (Вязовок-4). В следующем году шурфовкой установлено место их первоначального залегания: возвышение между новым и старым руслами Слепорода в урочище Данилов Островок (Вязовок-4а). В 1985 г. В. И. Неприной и А. Б. Супруненко тут бы-

ла исследована площадь 35 кв. м и вскрыты остатки мезолитического жилища (Неприна, 1988). В 1988 г. раскопки продолжены.

Таким образом, только три памятника (Ахтырка, Андриашевка, Вязовок) безоговорочно могут быть отнесены к мезолиту, остальные либо датированы этим временем ошибочно, либо приводимые о них сведения отрывочны и неполны.

Хронологический разрыв между памятниками позднего палеолита и позднего мезолита остается незаполненным. Позднемезолитические же памятники достаточно своеобразны, они не могут быть сопоставлены полностью ни с одним известным пунктом, хотя их материалам находятся широкие аналогии в комплексах близлежащих территорий. Последнее, видимо, отражает сложную картину этнокультурных процессов, протекавших в Сульско-Ворсклинском междуречье, бывшем в позднем мезолите зоной контакта (на границе лесостепи и степи) северных и южных культур.

В. Ю. КОЕН

О ЖИЛИЩЕ БУЗЬКОВСКОГО НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Неолитические жилища являются важным источником для решения проблем историко-этнографического содержания. Одна из них — связь жилища с этнокультурной традицией, изучение возможных заимствований навыков домостроительства. У исторически современных нам первобытных обществ одни и те же типы построек существуют у народов, связанных близкими формами хозяйства и культуры, и заимствования в этой области происходят редко (Соколова, 1957, Попов, 1961). Близкой точки зрения в отношении неолитического населения придерживаются и некоторые археологи (Хлобыстин, 1964). Вместе с тем, заимствования отдельных типов жилищ в неолите имели место, иногда даже на обширных территориях (Soudsky, 1969). Очевидно, решение данной проблемы требует конкретно-исторического анализа, с учетом материалов крупных поселений с неоднородной по составу материальной культурой. К кругу таких памятников относится днепро-донецкое Бузьковское поселение на Черкасщине.

Этот памятник исследовался Д. Я. Телегиным в 1957, 1958 гг. (Телегин, Драчук, 1958; Телегин, 1968). На раскопанной площади (802 кв. м) вскрыты остатки двух скоплений раковин Unio, пять очагов диаметром 0,5—1,2 м. Основная масса находок связана со скоплениями раковин в центральной части поселения. Здесь же обнаружены остатки очага и пекарской ямы. Наличие четко локализованного скопления с выразительными хозяйственно-бытовыми объектами позволяет рассматривать возможность существования на этом поселении остатков наземного жилища.

Скопления раковин находились на расстоянии около 4 м друг от друга. К меньшему по размерам овальному скоплению примыкала пекарская яма глубиной 0,3 м. В ее заполнении — белое зольное вещество, створки раковин. В раковинных кучах и на площади, примыкавшей к ним, обнаружены щитки черепахи, почти все найденные на поселении кремневые орудия и кости животных, развалы от 2 сосудов. Подобный состав скоплений в культурном слое неолитических поселений, нахождение в них развалов сосудов сопровождает, по нашим данным, остатки жилищ.

Скопление культурных остатков четко фиксировалось в плане. Оно четко ограничено с юго-западной, юго-восточной и северо-восточной сторон. Очертания пятна с северо-западной стороны несколько расплывчаты, что, очевидно, связано с существованием на этом месте выхода из постройки. Скопление культурных остатков имеет подпрямоугольную форму. Согласно его размерам, длина наземного жилища составляла 12—14 м, ширина — около 6 м, площадь — 75—85 кв. м (рис. 2).

Сравнение жилища Бузьковского поселения с другими постройками с раковинными кучами различных неолитических культур (Гришевка, Долгое, Сурской остров II, Сороки, Базьков остров, Сокольцы 2 и др.) показывают как наличие общих черт между ними, так и определенные особенности Бузьковского жилища. Показательно, что несмотря на существование связей между днепро-донецкой культурой на втором этапе ее развития и буго-днестровской на самчинском этапе, в характере жилищ со скоплениями раковин, обнаруживаются существенные различия. И, напротив, памятники неолита ямочно-гребенчатой керамики (Долгое, Гришевка) имеют жилища сходного с Бузьками типа при отсутствии контактов между этими группами населения на данном этапе развития. В частности, в соответствую-

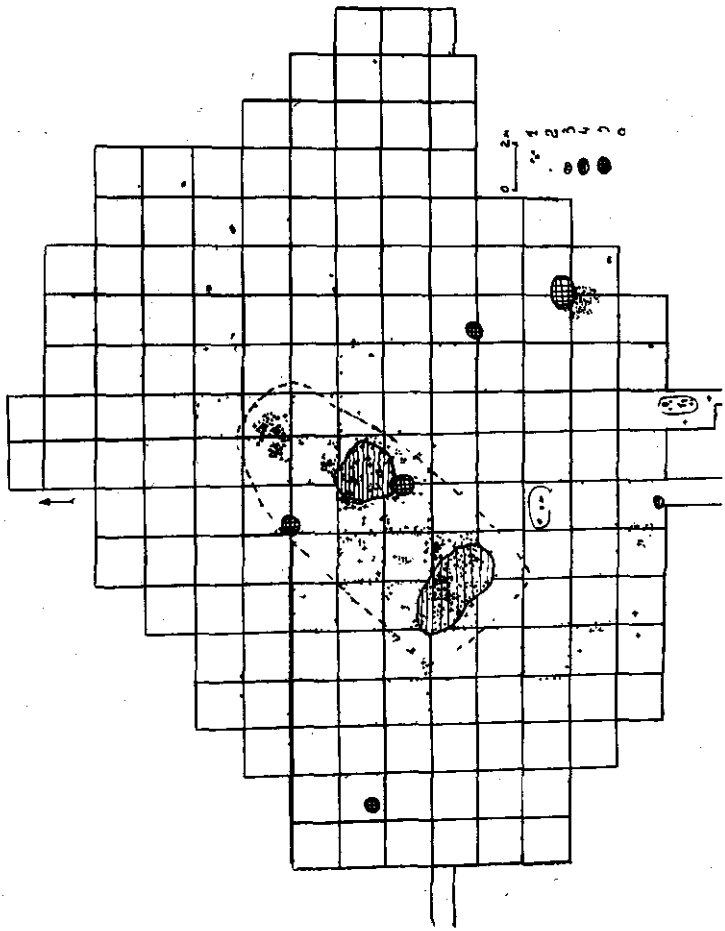


Рис. 2. План Бузьковского поселения.
1 — керамика; 2 — кремни, кости; 3 — печина; 4 — скопления раковин; 5 — кострища; 6 — граница жилища.

щих постройках буго-днестровской культуры раковины Unio концентрируются, главным образом, у очагов, наряду с другими остатками бытовой деятельности. В Бузьковском жилище скопления Unio составляют основу культурного слоя; среди створок раковин встречаются кремневые орудия, панцири черепах, кости животных, керамика. Аналогичная ситуация наблюдается в жилищах Долговского и Гришевского поселений. Близки эти жилища по форме (овально-удлиненные) и по площади (более 50 кв. м).

Сравнение Бузьковского жилища с другими постройками днепро-донецкой культуры разных этапов ее развития (х. Тетеревский, Вита Литовская, Мнево) показывает его своеобразный характер. Эти отличия не ограничиваются формальными признаками, а обусловлены различной структурой комплексов.

Таким образом, существование на Бузьковском поселении своеобразного жилища не может объясняться с позиций культурного влияния. Появление на ряде разнокультурных и разновременных памятников близких по конструкции жилищ с раковинными кучами следует связывать не с влиянием того или иного населения друг на друга, а с его хозяйственной спецификой. В данном случае употребление большого количества моллюсков в пищу, возможно, в течение всего года, отразилось на конструкции хозяйственно-бытовых и жилых комплексов.

И. Н. ГАВРИЛЕНКО, В. Ю. КОВИ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 1988 г. МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВЯЗОВОК НА ПОЛТАВЩИНЕ

Мезолитическое поселение Вязовок-4а находится вблизи с. Вязовок Лубенского района в урочище Данилов островок на правом берегу р. Слепород, в 4 км выше устья. Занимает сегментовидный мыс, образованный рекой. Древние очертания мыса обозначены с запада старым руслом, переходящим в заболоченную пойму. Судя по стратиграфии поселения и характеру местности, микрорельеф долины реки постоянно менялся. Не исключено, что к югу от поселения, на месте заболоченной поймы р. Слепорода, существовали небольшие озера.

В 1985 году исследование памятника проводила В. И. Не-

прина. Были вскрыты остатки мезолитического жилища с углубленным полом, площадью 12 м².

В 1988 году работы на поселении продолжены экспедицией АН УССР под руководством В. И. Неприной. От раскопа 1985 года в направлении с-ю была заложена траншея — 13 м длиной, выявившая в профиле остатки двух построек, которые и были исследованы. Стратиграфия памятника следующая: 1) слой серой почвы — до 0,3 м, 2) слой песка — до 0,3 — 0,4 м, 3) столбчатый суглинок — 0,4 — 0,6 м, 4) палевый суглинок — материк — с 0,6 м.

Постройки выделялись темной массой гумусированного заполнения. Пятна жилищ были приурочены к нижнему горизонту столбчатого суглинка, а пол углубленного жилища 2 впущен в материк. Траншея перерезала жилище 2 в центральной части и край жилища 3. В западной стенке траншеи очертания жилища 3 не прослеживались. Раскоп (78 м²) позволил исследовать два разных по типам жилища, располагавшихся на расстоянии менее 1 м друг от друга по линии с-ю. Жилище 3 представляло собой округлую в плане наземную постройку с незначительно углубленным (до 0,15 м) полом. Очертания жилища прослежены по концентрации материала и темному гумусированному пятну заполнения на фоне желто-коричневого суглинка. Пол жилища относительно ровный, профиль корытообразный. Верхняя и нижняя границы не совпадают. Стенки котлована в северной части — крутые, в южной — пологие. На полу обнаружены кремневые и костяные орудия, кости животных и рыб, кусочки охры. Основная масса находок встречена в заполнении очага. Очаг имел овально-вытянутую форму и отличался крупными размерами 1,6 х 1,3 м. Он углублен в материковый суглинок на 0,4 м. Неровное дно наклонено в южном направлении. В придонной части заполнения очага обнаружены 2 горизонтально залегающие линзы прокала. Очаг был несколько смещен к северу от центра жилища, которое представляло собой наземную постройку с коническим каркасным перекрытием из жердей и лозы, возможно, покрытых органическими материалами: корой деревьев и шкурами животных. В центре находилось вентиляционное отверстие. Необходимость защиты жилища от пожара обусловили местоположение очага — недалеко от входа в северной части постройки. Площадь жилища 3 — 10 м².

Жилище 2 округло-многоугольной формы имело большую площадь — 22 м². Оно также выделялось по темному гумуси-

рованному пятну заполнения. Вход — с западной стороны — четко прослеживался полосой, шириной 1,5 м. Подобный вход типа «сеней» характерен для долговременных «зимних» жилищ. На это указывает углубленный пол, достигавший в центральной части 0,45 м. Жилище имело линзовидный профиль. Котлован жилища 2, сложной конструкции, был вырыт с одним уступом, имевшим относительно ровную поверхность, шириной от 0,3 до 1,5 м. Таким образом, жилая поверхность или «полезная площадь» была ограничена полом овально-вытянутых очертаний (4 х 2,9 м).

Пол выделялся по черному рыхлому слою толщиной до 0,15 м. В древности он был устлан сухой травой, перетлевшей со временем. Недалеко от центра находилось небольшое слабоуглубленное кострище, диаметром 0,4 м. Находки ограничивались полом жилища, а также встречались в его заполнении. Своеобразная многоугольная форма, наличие уступа, мелкой, но широкой ямы в центре жилища определили несущую конструкцию перекрытия. Короткие столбы ставились на уступ и заклинивались в углах, являясь частью столбово-каркасного конического или конькового перекрытия. За пределами построек, на уровне их дневной поверхности, находок почти не обнаружено.

Таким образом, на поселении уже известно 2 типа жилищ: долговременные углубленные (ж. 1 и ж. 2) и наземное. Конструктивные особенности и размеры показывают, что первая группа также неоднородна. Жилища располагались в одну линию вдоль старого русла реки. Второе и третье примыкали друг к другу и, очевидно, были связаны конструктивно, что имеет важное значение для их социальной интерпретации. Жилище 1 находилось на расстоянии 7 м от этого комплекса. Судя по материалу, все жилища одновременны и однокультурны. Возможно, что поселение Вязовок имело линейно-групповую планировку жилищ, предполагаемую для поселения Игрень VIII (Телегин, 1982). Наличие долговременных жилищ, а также существование на Вязовке построек нескольких типов позволяет рассматривать это поселение как базовое и долговременное.

Материал встречается во всех слоях памятника, кроме материкового суглинка и белого песка. Мезолитические комплексы, залегавшие в столбчатом суглинке и в заполнении жилищ, отделены стерильной прослойкой от края почвы, содержащего смешанные материалы неолита, бронзы и раннежелезного века.

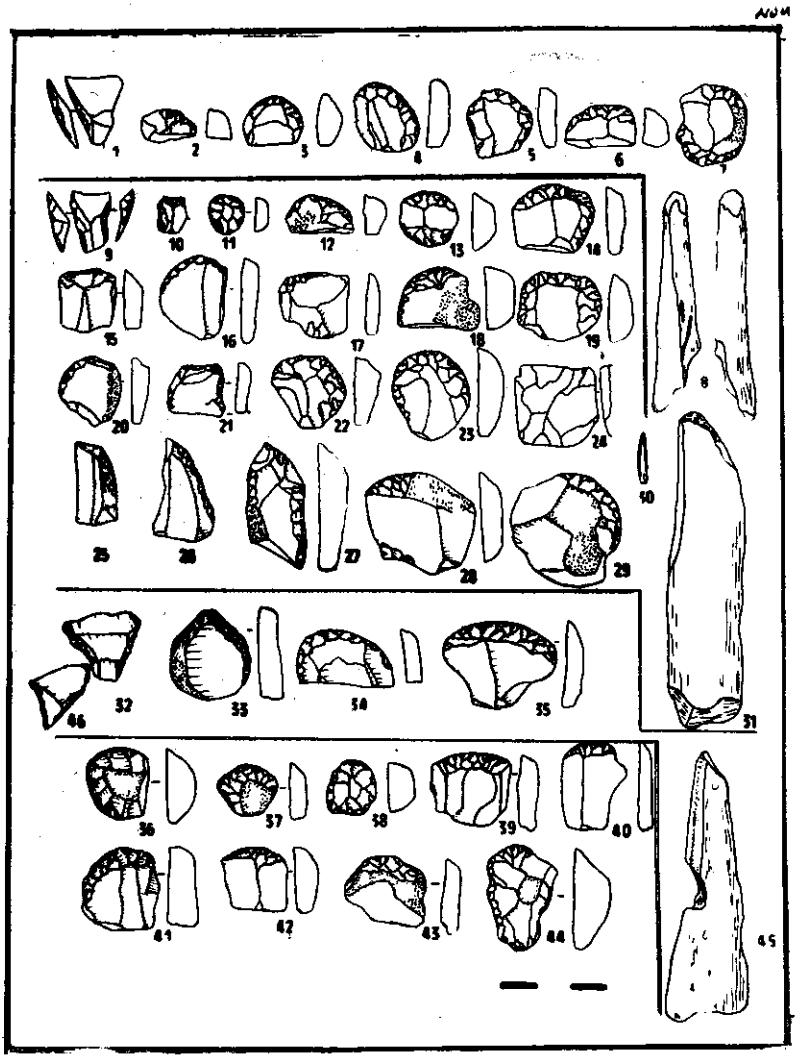


Рис. 3. Комплексы кремневых и костяных изделий поселения Вязовок. Раскопки 1988 года: 1—8 — жилище 2, пол; 9—31 — жилище 2, заполнение; 32—35, 45, 46 — жилище 3; 36—44 — столбчатый суглинок.

В закрытых комплексах поселения собрана выразительная коллекция кремневого и костяного инвентаря (рис. 3). Кремневый комплекс характеризуется своеобразными технико-типологическими чертами. Техника обработки отщеповая. Орудия на пластинах единичны. Нуклеусы многоплощадочные для отщепов и пластинчатых отщепов, представлены в основном остаточными формами. Набор орудий типологически слабо расчленен. Это, главным образом, скребки на отщепах: укороченные концевые, со скошенным лезвием, подокруглые ногтевидные, округлые типа кизлевый, округлые микролитические, реже двойные микролитические. Ретушь крутая, реже, пологая. Техника резцового скола применялась редко. Геометрические микролиты немногочисленны. Это, главным образом, высокие асимметричные трапеции со скошенным основанием и треугольники песочноровского типа.

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности памятника до получения датировок методами точных наук однозначно решить нельзя. Ограниченный сравнительно-типологический метод дает право лишь на предварительное заключение.

Универсальный для мезолита Украины резцово-скребковый показатель (Телегин, 1982), наличие в комплексе высоких трапеций, косвенный показатель — прочная оседлость позволяют датировать памятник поздним мезолитом. Отщеповая техника, геометрические микролиты сближают Вязовок с памятниками лесной зоны типа Песочного Рва. Однако макролитизм, развитая техника резцового скола, крупные скребки и скребла типа рабо, аренсбургские традиции в комплексе Песочного Рва (Зализняк, 1984) не позволяют отнести Вязовок к песочноровской культуре. Напротив, скребковый комплекс этого поселения близок памятникам надпорожско-приазовского круга и, возможно, продолжает традиции памятников типа Сурской V, датируемого границей плейстоцена-голоцена (Нужный, 1986).

Судя по имеющимся данным, мы столкнулись с комплексом прямо не тождественным культурам лесной и степной зоны мезолита Украины, содержащим как северные, так и южные черты (Неприна, 1988). Правомерно выделить комплексы этого поселения в отдельную группу памятников типа Вязовок. Не исключено, что с получением точной датировки появятся основания рассматривать их как своеобразное этнокультурное явление, сложившееся на базе контакта песочноровской культуры и, возможно, традиции памятников типа Сурского острова V.

Ю. В. КОСТЕНКО

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В УРОЧИЩЕ БЕЛАЯ ГОРА ВБЛИЗИ ПОЛТАВЫ

Открытое в начале 1920-х гг. М. Я. Рудинским неолитическое поселение в ур. Белая Гора, вблизи Полтавы, неоднократно было предметом исследований. Однако, учитывая, что ныне этот интересный памятник уничтожен песчаным карьером, публикация обнаруженных на нем материалов может представлять определенный интерес.

В 1956—1957 гг. автором собирался подъемный материал на краю высокой боровой террасы левого берега р. Коломак. Небольшая коллекция насчитывает 43 кремня и 29 фрагментов керамики.

Орудия труда изготовлялись в основном из непрозрачного светло-серого кремня с белыми, темно-серыми вкраплениями или полосами. Иногда попадается кремень с патиной. Пластин, их обломков вдвое больше, чем отщепов. Преобладают правильно ограненные пластины, но есть и ребристые. Особый интерес представляют впервые найденные на этом пункте вкладыши кукрекского типа на коротких пластинах с подтесыванием по брюшку и заокругленными краями. Из орудий геометрических форм обнаружены сегмент и небольшая средневысокая трапеция. Отщепов с несистематической ретушью немного. Один из них пластинчатый, микролитический. Концевобоковой скребок на отщепе с плоским режущим краем изготовлен из черно-коричневого кремня.

Керамика принадлежит тонкостенным (0,5—0,8 см) сосудам, поверхность которых снаружи и изнутри имеет расчесы гребенкой с примесями в тесте песка и зерен кровавика. Ее можно разделить на три группы. Первая — фрагменты, орнаментированные рядами отпечатков мелкозубчатого штампа и глубоких ямочных наколов. Вторая группа — обкатанные обломки стенок с орнаментом в виде отдельно нанесенных овальных ямок или отпечатков крупнозубчатого штампа. Наиболее многочисленной является третья группа — 14 фрагментов стенок сосудов с часто подлощенной внешней и неровной от негативов ямок внутренней поверхностями, украшенных густо нанесенными вытянутыми, овальными и подкововидными ямками.

В целом, данные материалы не выходят за рамки уже известных с этого поселения раннего этапа неолита ямочно-гребенчатой керамики. В то же время, они дополняют представление об этом памятнике. В первую очередь это касается вкладышей с кукрекскими чертами, также сегмента.

И. Н. КУЛАТОВА, А. Б. СУПРУНЕНКО

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В НИЖНЕМ ПОВОРСКЛЬЕ

В 1987—1988 гг. отрядом Полтавского музея проведены исследования шести курганов в Нижнем Поворсклье. Обнаружено 10 погребений: 4 — ямных, 2 — катакомбных, 1 — скифское, 1 — неопределенное и 2 — XVIII века.

У южной окраины с. Стенка Чутовского района, в составе группы курганов из 20 насыпей высотой 0,15—1,8 м и диаметром 7,5—45 м, расположенной на мысу правого коренного берега р. Коломак, исследовано 4 кургана, оказавшихся в зоне отчуждения карьера. Курганы имели высоту 0,6—0,7 м при диаметре 7,5—11 м. Их задернованные насыпи круглой в плане формы чудесно сохранились. Они возведены в один прием из однородного чернозема. В одном случае основным является погребение ямной культуры (к. 6, п. 2), совершенное в яме размером 1,2 х 1,6 м и глубиной 1,3 м от уровня древней поверхности, ориентированной по длинной оси с СВ на ЮЗ. Положение остатков скелета женщины зрелого возраста* позволяет принять СВ ориентацию погребенной. В заполнении ямы обнаружены фрагменты деревянного перекрытия, обломок челюсти полувзрослой и зубы молодой особи домашней овцы (рис. 4).

В двух других случаях (к. 4, п. 1; к. 9, п. 2) основными были погребения катакомбного времени, совершенные в ямах, состоящих из овальных в плане шахт размером 1,15 х 2,05 и 1,2х1,4 м, и подбоя, сооруженного в северной стенке колодца, ориентированных по длинной оси в широтном направлении. Ямы имели по две ступеньки, вырытые в материковом суглинке у южной стенки камеры. Глубина ям от древней поверхности —

* Антропологические определения произведены сотрудником ИА АН УССР Л. В. Литвиновой, остеологические — сотрудником ИЗ АН СССР А. Н. Тихоновым.

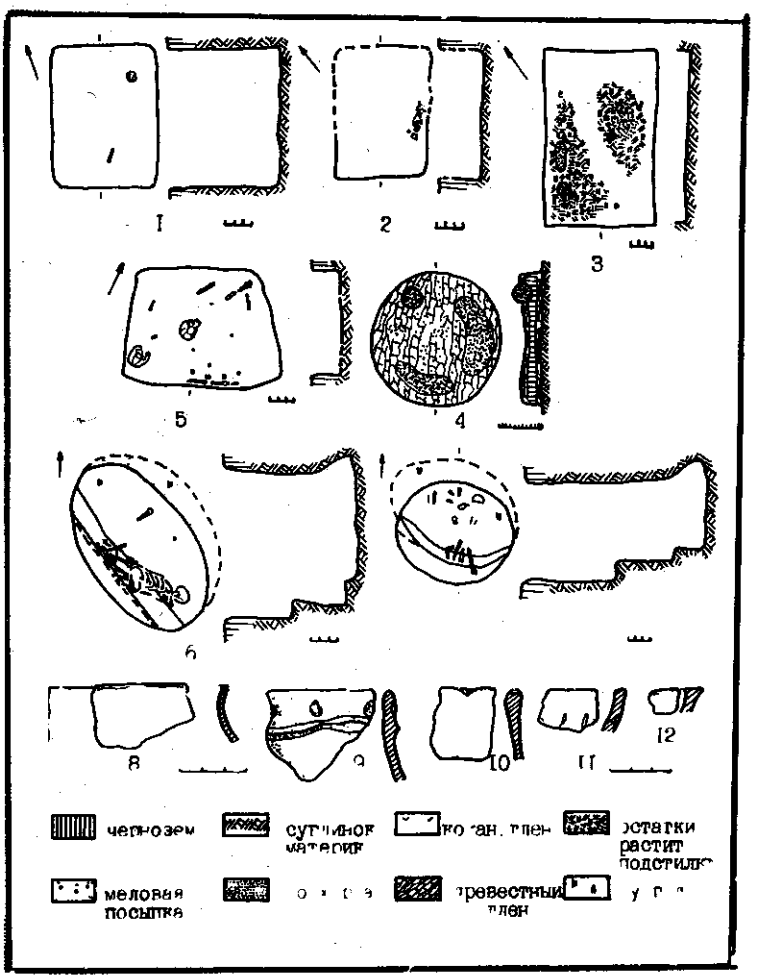


Рис. 4. Ямные погребения: 1 — Стенка, к. 6, п. 2; 2—5 — Лахны: к. 1, п. 1 (2); к. 1, п. 2 (3); остатки деревянного сосуда в к. 1, п. 2 (4); к. 2, п. 1 (5). Катакомбные погребения: 6—7 — Стенка, к. 4, п. 1 (6); к. 9, п. 2 (7). Керамика из погребений; 8 — Лахны, к. 2, п. 1; 9—11 — Стенка, к. 4, п. 1; 12— Стенка, к. 9, п. 2.

1,5 и 2,15 м; размеры овальных в плане камер-подбоев — 1 х 2,1 и 1 х 1,6 м.

Первый погребенный — мужчина в возрасте 40—45 лет, лежал вытянуто на левом боку, головой к востоку и лицом ко дну ямы; руки вдоль туловища, ноги находились на ступенях. Вторая — женщина 25—35 лет — находилась вытянуто на спине (?) головой на север, ноги запрокинуты вверх на ступени. В заполнении колодца первого из погребений — фрагменты керамики от пяти лепных сосудов (горшков и миски), лопаточная кость бычка, вероятно, служившая землеройным инструментом, песчаниковый пестик. На дне камер — посыпка мелом и угольки.

В насыпи одного из курганов обнаружено впускное погребение скифского времени (к. 9, п. 3), сопровождавшееся развалом амфоры и перекопанное грабителями. Разрушенным землеройами оказалось основное погребение кургана 10. Территория могильника использовалась под сельское кладбище в XVIII в., о чем свидетельствуют находки в насыпях погребений с западной ориентацией в выдолбленных из цельного ствола дерева гробах (к. 6, п. 1; к. 9, п. 1).

Группа из 2 распахиваемых курганов высотой 2,05 и 0,55 м, диаметром 36 и 23 м исследована в 0,6 км СЗ с. Лахны Новосанжарского р-на, на возвышении плато в междуречье рр. Ворскла, Малый Кобелячек и Ворона. Их насыпи состояли из чернозема; насыпь большего кургана была разрушена земляными работами. В первом кургане обнаружено 2 нарушенных современными кладоискателями ямных захоронения, совершенных в прямоугольных ямах размером 1,1 х 1,5 и 1,3 х 2,1 м, ориентированных по оси СВ-ЮЗ, с мощным деревянным накатником, состоящим из поперечно уложенных плах. В яме основного погребения (к. 1, п. 1), глубиной 0,5 м, кроме скелета взрослого человека с ЮЗ ориентацией и посыпкой охрой, выброшенного грабителями, у ЮВ стенки обнаружен костяк ребенка в возрасте до 6 лет. Погребенный лежал головой к ЮЗ, лицом к ЮВЮ, на правом боку. Руки находились вдоль туловища, ноги — согнуты в коленях. Развал черепа перекрывало округлое пятно мела. Под костями сохранились остатки подстилки в виде кожаного тлена, покрытого мелкими комочками мела. У груди и живота ребенка находилось ожерелье, состоящее из костяных чередующихся длинных пронизей со спиральной нарезкой и уплощенных коротких бусин. Первые изготовлены из труб-

чатых костей птиц, вторые — сечений ребер и трубчатых костей животных и птиц. Ожерелье дополняли 5 амулетов из просверленных в основании клыков хищников. Украшения крепились при помощи двух шнуров (рис. 5).

Впускное погребение (к. 1, п. 2), имевшее заплечики размером 2 х 2,5 м, изрыто землеройами. Судя по сохранившимся костям кисти руки, обильно посыпанным охрой, погребенный был ориентирован на ЮЗ. На дне ямы сохранились следы растительной подстилки и посыпки мелом, у СЗ стенки обнаружено крупное пятно охры. Здесь же находились остатки истлевшего деревянного сосуда диаметром 15 см, перекрытого тонкой прослойкой чернозема, посыпанной сверху слоем алой охры, у края которого лежал шарик из охры диаметром 2,8 см.

Единственное ямное погребение меньшего кургана (к. 2, п. 1) было совершено в трапециевидной в плане яме размером 1,3 х 1,8 м и глубиной 0,6 м, ориентированной длинной осью с СВ на ЮЗ. В заполнении ямы, изрытом сурками, обнаружены остатки легкого деревянного перекрытия из жердей, уложенных на две поперечные плахи, угли, остатки скелетов мужчины в возрасте 40—45 лет и человека старческого возраста. Судя по одинаковому положению черепов, можно предположить ЮЗ-Ю ориентацию скелетов. На дне ямы найден астрагал, в заполнении на поверхности выкида выявлены обломки двух лепных горшков, расколотые кости животных, позвонок крупной рыбы. В 1,6 м к югу от погребения, на краю выкида, обнаружены остатки кострища площадью 0,6 х 0,9 м.

Исследованные курганы дополняют небольшую группу известных в Нижнем Поворсклье погребальных памятников эпохи энеолита — ранней бронзы. Они представляют наиболее характерный для этого региона тип погребальных сооружений — небольшие курганные насыпи, возведенные над 1—2 погребениями. Большинство таких курганов в настоящее время безвозвратно утрачено, вследствие разрушения интенсивной распашкой.

Курганы у с. Лахны принадлежат к позднеямному времени. Для них характерны все признаки погребений третьего стратиграфического горизонта курганов Орельско-Самарского междуречья (Ковалева, 1984, с. 73—75), что позволяет датировать их началом II тыс. до н. э. Обращает на себя внимание наличие в одном из курганов, впервые для Ворсклы, трапециевидной ямы. СВ сектор ориентации единственного ямного погребе-

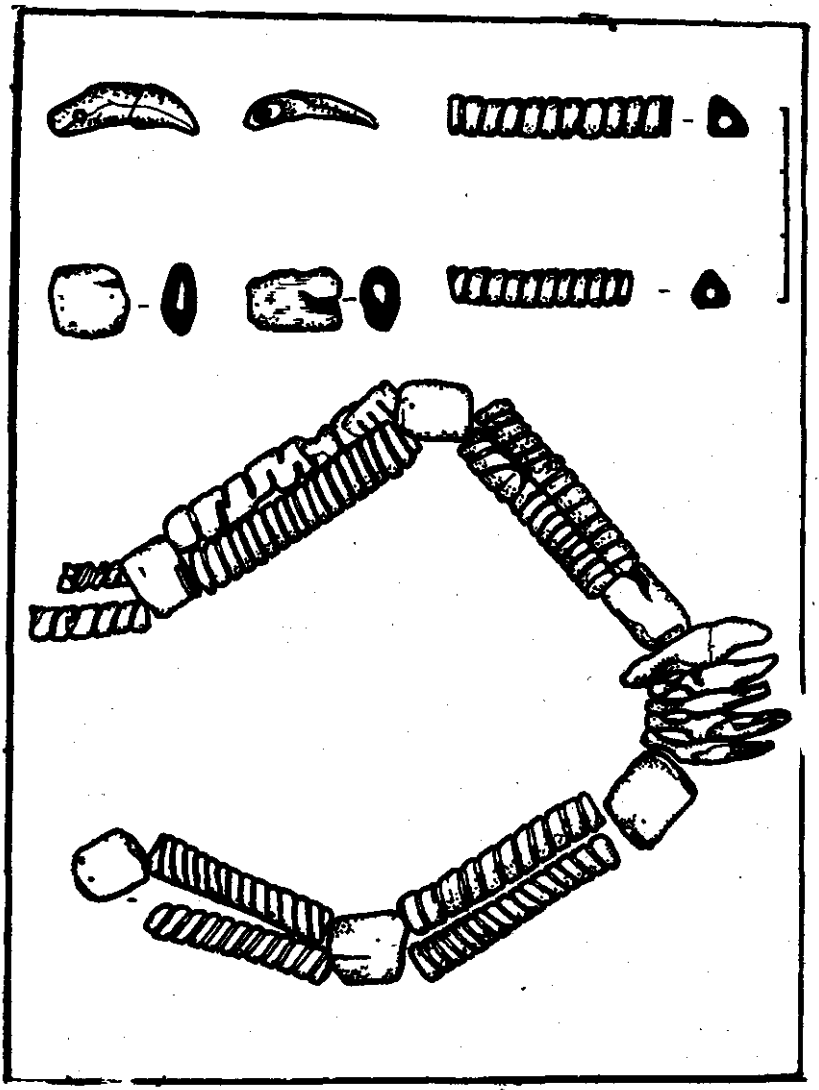


Рис. 5. Лахны, курган 1, погребение 1. Ожерелье из костей и клыков животных и птиц.

ния у с. Стенка (к. 6, п. 2) не может пока являться надежным основанием для его отнесения к наиболее ранним памятникам. Катакомбные погребения впервые исследованы в Нижнем Поворсклье, исключая несколько памятников, разрушенных случайно (с. *Орлик*). *Положение погребенных*, наличие овальных в плане шахт и катакомб, посыпка мелом являются характерными признаками развитой катакомбной культуры. Местное же своеобразие погребального обряда проявляется в положении ног погребенных на входных ступенях колодцев катакомб. Катакомбные курганы у с. Стенка датируются концом первой трети II тыс. до н. э.

М. П. СИВОЛАП

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЧЕРКАСЩИНЫ

Летом 1987 года при Черкасском областном краеведческом музее была образована хоздоговорная новостроечная археологическая экспедиция, призванная осуществлять охранные работы на всей территории Черкасской области. Создание подобной экспедиции стало важным этапом в области охраны памятников археологии Черкасщины.

Вновь образованная Черкасская Лесостепная археологическая экспедиция в 1987 г. проводила раскопки курганов в междуречье левых притоков Днепра — рр. Ирклий и Коврай, в зоне сооружения Ирклиевской оросительной системы у сс. Ирклиев и Приднепровское Чернобаевского района Черкасской области (Григорьев, Сиволап, 1988). В геоморфологическом отношении район раскопок представляет уплощенный участок обширного слабо расчлененного плато Левобережной Приднепровской террасовой равнины. Исследованные курганы относятся к трем пространным, довольно близко расположенным группам; 1-я группа вытянута редкой цепью по самому краю возвышенного коренного берега Днепра, II-я и III-я — удалены от него на несколько километров.

Исследовано 7 курганов ямной культуры высотой от 0,6 до 1,3 м, в которых обнаружено 16 погребений, из них 12 собственно ямных разной степени сохранности. Все исследованные погребения ямной культуры совершались в простых грунто-

КГ	Погребение	Р							Ф	
		п					г			
		ЮЗ	З	Ц	В	ЮВ	а	б	а	б
I	Ир. 1/2			+			+			+
I	Ир. 1/3				+			+		+
I	Ир. 2/2			+			+			+
I	Ир. 2/4				+			+		+
II	Ир. 3/1			+			+		+	
II	Ир. 3/2		+					+		+
III	Пр. 1/1			+			+		+	+
III	Пр. 2/1	+						+	0	0
III	Пр. 2/2			+			+		+	
III	Пр. 3/1					+		+		+
III	Пр. 3/2				+		+		+	
III	Пр. 4/1			+			+		+	

ПРИМЕЧАНИЕ: «+» — наличие признака, «—» — отсутствие призна ев, курган I, погребение 2; Р — расположение погребений в кургане, п — в ЮЗ — юго-запад, З — запад, Ц — центр и т. д.; г — глубина, а — основ сильно заокругленные углы; П — перекрытие, п — деревянные плахи: а — поперек, д — неопределимо; ПМ — параметры могильной ямы: а — глубина р — руки вытянуты, н — положение ног: а — колени подняты вверх, б —

Таблица 1.

П							ПМ		ПП					
п		к									н			
а	б	в	г	д	а	б	с	р	а	б	в			
+		—	—	—	0,91	1,76	+	+		+				
+		—	—	—	0,92	1,85	+	0	+					
+		—	—	—	0,85	0,97	+	+	0	0	0			
+		—	—	—	0,92	1,25	+	+			+			
+		+			0,94	2,17	+	0	0	0	0			
+		+			0,84	3,97	+	+		+				
			+		1,02	2,59	+	+			+			
+				+	0	0	0	0	0	0	0			
	+		+		1,01	2,90	+	+	+					
	+	+			1,24	4,02	+	+	+					
—	—	—	—	—	0,95	2,02	—	—	—	—	—			
+		—	—	—	0,60	1,27	0	0	0	0	0			

ка; «0» — отсутствие данных; КГ — курганная группа; Ир. 1/2 — Иркли-
плане (от основного погребения или центра первоначальной насыпи):
ное, б — *впускное*; Ф — *форма ямы*: а — слабо заокругленные углы, б —
вдоль, б — поперек; к — камыш: в — вдоль и поперек (в 2 слоя), г —
(м), б — площадь (м²); ПП — положение погребенного: с — *лежа на спине*,
колени повернуты влево, в — колени повернуты вправо.

вых ямах прямоугольной формы, перекрытых сверху продольным или поперечным накатом из плах. В 50% случаев над деревянным перекрытием уложен камыш в 1 или 2 слоя, общей мощностью от 1,2 до 3 см. В одном случае (Ир. 3/2) многие плахи частично обуглены. Для всех погребений характерен ряд общих признаков: вытянутость могильных ям длинной осью по линии восток—запад, иногда с крайне незначительными отклонениями; западная ориентация погребенных; подстилка из коры; положение лежа на спине с вытянутыми руками; окраска костей скелета охрой. Все погребения одиночные, кроме Ир. 3/2 (парное), имеется 1 кенотаф (Пр. 3/2). Хотя антропологическое обследование не проводилось, большинство скелетов, очевидно, принадлежат взрослым мужчинам; в погребении Пр. 4/1 обнаружен скелет ребенка или подростка. Все погребения, кроме двух, безинвентарны — в погребении Ир. 3/2 под коленом у мужчины (первоначально между погребениями) найдено три кремневых орудия: нож на пластине и два скребка на пластинчатых отщепах; в заполнении ямы у дна погребения Ир. 3/1 обнаружены фрагменты раковин Unio. В погребении Пр. 1/1 под камышовым перекрытием прослежены отпечатки циновки. В двух погребениях — Ир. 3/2 и Ир. 1/2 ступни погребенных обильно посыпаны темно-красной охрой, а в последнем — посыпка имеется и в районе грудной клетки. (Данные о погребениях см. в таблице 1).

Особый интерес представляет погребение Пр. 3/2. Полное отсутствие следов перекрытия, подстилки, инвентаря и самих костей погребенного позволяет предполагать, что яма, возможно, имела культовый характер или являлась кенотафом. С этим погребением связана первоначальная насыпь, имеющая сложную форму — в виде «ступни» или боевого топора-молота с перехватом посредине. Первая досыпка, повторяющая очертания первоначальной насыпи, перекрывает ее и кенотаф. Вторая досыпка, связанная с погребением Пр. 3/1, в общих чертах, повторяет форму двух предыдущих.

Исходя из совокупности признаков вышеупомянутых 12 погребений их можно отнести к среднеднепровскому варианту ямной культуры, обычному для данной территории.

А. С. ОСТРОВЕРХОВ

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФАЯНСОВ ИЗ КАТАКОМБНОГО ПОГРЕБЕНИЯ У СЕЛА КАМПАНИЙЦЫ

Одним из древнейших искусственных поделочных материалов является так называемый египетский фаянс. На Ближнем Востоке и в Египте изделия из него появляются еще в V—IV тыс. до н. э. В Восточной Европе фаянсовые украшения встречаются, начиная с катакомбного времени, и получают дальнейшее распространение в эпоху поздней бронзы. Для II тыс. до н. э. установлено наличие фаянсовых мастерских не только на Переднем Востоке и в Египте, но и Эгеиде, Британии, Центральной Европе и в Индии. Недавно Е. В. Махно и С. Н. Братченко (1974), основываясь на стилистическом анализе фаянсовых украшений из катакомбного погребения у с. Кампанийцы, высказали предположение о возможности существования подобных центров и в Восточной Европе. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу могут либо открытие производственных комплексов, либо массовое химико-технологическое исследование восточноевропейских фаянсов, с учетом их региональных и хронологических особенностей.

Химический состав и технология изготовления древнейших фаянсов, находимых в археологических памятниках Восточной Европы, еще не исследовались. В связи с этим, особое значение приобретают данные количественного спектрального анализа фаянсов, происходящих из катакомбного погребения у с. Кампанийцы (табл. 1). Они произведены в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР (аналитик В. А. Галибин).

Состав фаянсов следующий: SiO_2 90—98%; Al_2O_3 0,25—1,9%; Fe_2O_3 0,3—0,9%; CaO 0,6—2,5%; MgO 0,60—0,2%; NaO 0,04—1,8%.

Следует полагать, что первоначальное объемное содержание оксидов натрия в фаянсах было большим, но в процессе патинизации значительная часть натрия была утрачена либо заменена оксидами кальция или магния.

С точки зрения объемного содержания щелочей и щелочных земель в фаянсах они подразделяются на обыкновенные и стекловидные (варианты Е и Ф по А. Лукасу). В качестве основы использовался как толченый кварц, так и более широ-

Таблица 1.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАЯНСОВ ИЗ КАТАКОМБНОГО ПОГРЕБЕНИЯ У с. КОМПАНИЙЦЫ

№№ п-п.	Название украшения	Цвет вещества	Na_2O	K_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	CuO	TiO_2	Шифр ЛО ИА
1	сдвоенная	белый	0,04	—	1,0	0,07	0,4	0,45	0,03	0,045	240/43
2	бисер мелкоцилиндрический	белый	0,06	—	2,5	0,17	1,9	0,9	0,05	0,11	240/44
3	бусина «рогатая»	белый	0,09	—	1,4	0,13	1,1	0,3	0,6	0,07	240/45
4	бусина биконическая	белый	0,04	—	0,6	0,06	0,25	0,4	0,03	0,035	240/46
5	бисер мелкоцилиндрический	бирюзовый	1,8	—	1,3	0,2	0,9	0,5	3,3	0,04	240/47

Примечание: основу составляет кремнезем и вычисляется по разности.

кие категории кремнеземного сырья, с высокими концентрациями глинозема и железа. В качестве красителя бирюзового цвета использовались соединения меди. Иногда довольно высокие концентрации этого металла фиксируются и в фаянсах, основа которых в настоящее время имеет белый цвет (ан. №№ 3 и 4). Очевидно, в древности эти бусы были покрыты глазурью бирюзового цвета, которая с течением времени и под действием земельных растворов, разложилась.

По своему химическому составу фаянсы из катакомбного погребения у с. Кампанийцы довольно близки к египетским, ближневосточным и кавказским. Очевидно, технология производства фаянсов в различных регионах древнего мира во II тыс. до н. э. была довольно унифицированной и сводилась к прокаливанию толченого кварца или песка, смоченного в растворе натуральной соды или соли с примесями мела и красителя (чаще всего меди). Такая технология была доступна и вполне могла быть освоена племенами катакомбной культуры, находившимися на довольно высокой ступени общественного развития (Березанская, 1982).

И. В. БОВКУН, В. А. МОКЛЯК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСАНЖАРСКОГО РАЙОНА

В 1988 году членами секции памятников археологии правления Полтавской областной организации общества охраны памятников истории и культуры были обследованы участки левого и правого берега р. Ворсклы в поселке Новые Санжары, а также левый берег реки у с. Клюсовка.

В ходе разведок выявлены местонахождения фрагментов неолитической керамики в черте поселка Новые Санжары на левом берегу (напротив дома по улице Пионерской, 22), а также ниже по течению, на правом берегу, напротив санатория, где найдены фрагмент венчика (рис. 6; 8) и стенки позднеолитического сосуда.

При обследовании левого берега р. Ворсклы, возле с. Клюсовка, были выявлены остатки разновременного поселения катакомбной культуры и культуры многоваликовой керамики, а также поселений периода ранней бронзы и ямной культуры.

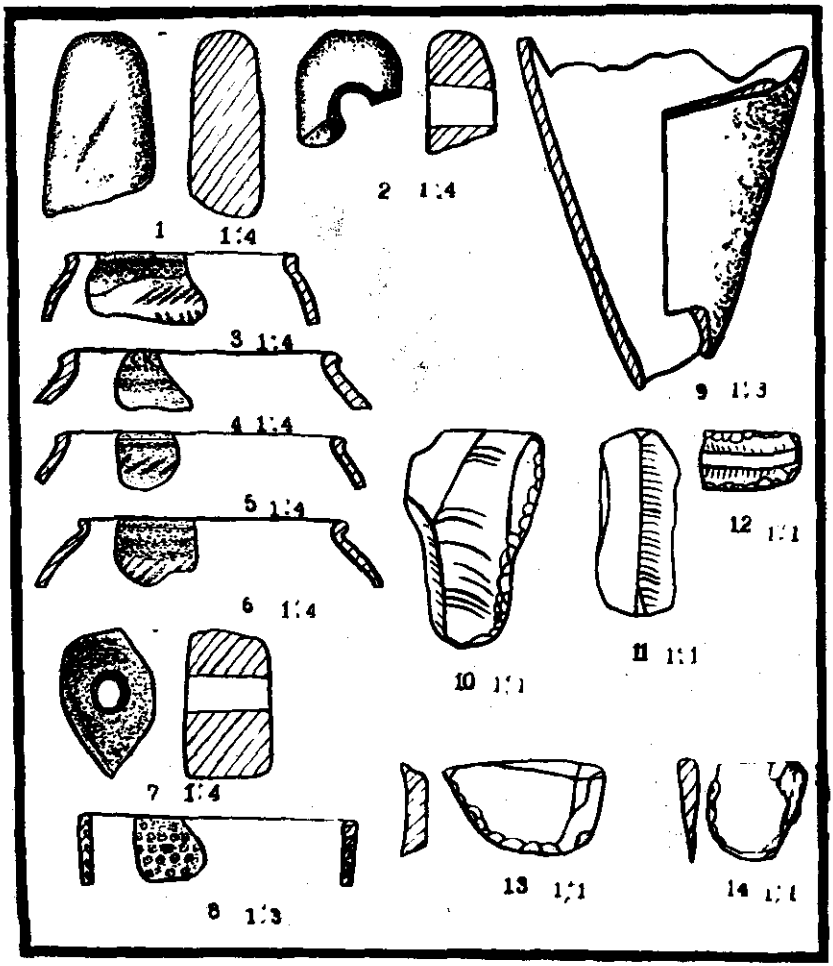


Рис. 6. Находки из окрестностей Новых Санжар:
1—2, 13—14 — поселение культуры многоваликовой керамики у с. Клюсовка, ур. Живиловка; 10—12 — поселение эпохи ранней бронзы у с. Клюсовка; 3—7, 9 — поселение в ур. Татарский бугор; 8 — Новые Санжары. 1, 2, 7 — камень, 3—6, 8, 9 — керамика, 10—14 — кремень.

Поселение катакомбной культуры и культуры многоваликовой керамики находится на мысу первой террасы левого берега р. Ворсклы, возле бывшего хутора Живиловка, на юго-восточной окраине села, близ усадьбы Нимченко Б. М. Оно вытянуто в широтном направлении, занимая площадь до 0,5 га. Здесь собраны фрагменты измельченной вспашкой керамики, половина из которых принадлежит катакомбной культуре. Также найдены обломок песта из серо-зеленого гранита (рис. 6; 1); два концебоковых скребка из кремня (рис. 6; 13—14), сильно измельченные фрагменты неолитической керамики и амфор. Кроме того, к северу от поселения, в старице Рашна, найден обломок каменного сверленого полированного топора ромбической формы эпохи ранней бронзы из камня черного цвета (рис. 6; 2).

Следы поселения ранней бронзы были обнаружены в 0,8 км к западу от бывшего хутора Живиловка. Его площадь составляет 0,3 га (20 х 150 м). Подъемный материал представлен фрагментами керамики и кремнями (рис. 6; 10—12).

Известное поселение ямной культуры (Супруненко, 1987, с. 418) расположено на левом берегу р. Ворсклы, в урочище Татарский бугор. При обследовании собраны обломки керамики ямной культуры (рис. 6; 3—6), кремневый скребок, сверленый полированный топор из черного камня (рис. 6; 7).

В 0,2 км к северу от Татарского бугра, в обрыве левого берега, найден развал нижней части античной амфоры (рис. 6; 9).

Материалы разведок дополняют археологическую карту Поворсклья, а также дают представление о плотности заселения берегов р. Ворсклы в районе с. Клюсовка и пгт Новые Санжары в III тыс. до н. э.— I тыс. н. э.

Б. А. ШРАМКО

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Изучение археологических памятников, расположенных в лесостепной зоне Днепровского Левобережья, в основном на территории нынешней Полтавской и соседних областей дает возможность выявить ряд елементов культуры, которые уходят

в доскифский период. Они позволяют наметить культурно-исторические связи, отражающие сложный процесс формирования нового этнического объединения на этой территории в раннем железном веке.

В предшествующий период конца бронзового и самого начала железного века здесь обитали племена позднесрубной (сабатиновского и белозерского этапов) и бондарихинской культур. Некоторые элементы лесостепной культуры VII—III вв. до н. э на Левобережье связаны с культурой этих предшественников. К таким элементам относятся некоторые типы глиняной посуды, культовой керамики, изделий из кости, развитая деревообработка срубной культуры, а также ряд типов глиняной посуды, культовых изделий, традиция использования глиняных вальков и грузил в бондарихинской культуре. Эти местные элементы фиксируют участие населения данных культур в формировании лесостепной культуры скифской эпохи.

Отмечен также ряд элементов, которые по своему происхождению не могут считаться местными. Среди них особенно выделяются имеющие западное происхождение, связанные с кругом балкано-дунайских и молдавских фракийских культур или культур, сформировавшихся под фракийским влиянием (чернолесская, жаботинская). На это обращали внимание многие исследователи, но, говоря о памятниках бассейна Ворсклы, они отмечали, главным образом, распространение на поселениях типа Западного укрепления Бельского городища, селища Мачухи, селища Пожарная Балка и подобных им своеобразной чернолощеной глиняной посуды, которая нередко украшена геометрическим орнаментом (черпаки, круглотелые кубки, корчаги и т. д.).

Накопившийся в результате новых раскопок материал показывает, что с культурами фракийского круга на Левобережье связана не только чернолощеная керамика и не только поселения, на которых она в изобилии встречается. Элементы фракийской культуры имеются и на многих других поселениях типа Восточного укрепления Бельского городища, для которых чернолощеная керамика и в архаический период не является характерной. К фракийским типам керамики здесь относятся сосуды с ручками-упорами, корчаги с сосковидными налепами, миски с загнутым внутрь бортиком, украшенные иногда налепами по краю, миски-вазы на высокой ножке. Из металлических изделий к фракийским типам можно отнести кольца с выступами из ша-

риков, серьги и браслеты с коническими головками на концах, пропеллеровидные навершия, некоторые псалии и другие предметы. Бронзовый меч Бельского городища также имеет западное происхождение и попал на это поселение, скорее всего, при посредстве фракийцев.

Особую группу образуют культовые сооружения и предметы. В. П. Андриенко и А. И. Мелюкова отметили западное происхождение орнаментированных жертвенников Бельского городища. Весьма широкий круг аналогий имеют и многочисленные культовые глиняные статуэтки в виде зооморфных, антропоморфных, орнитоморфных фигурок и фигурок, изображающих фантастические существа. К этой же группе относятся миниатюрные глиняные сосудики, глиняные лепешки разных форм, фигуры птиц на подставке-ножке и фигурки плавающих птиц в бассейне в виде миски. Подобные изделия встречаются не только в памятниках фракийского круга, но также в белогрудовской, лужицкой, высоцкой, чернолесской, жаботинской, милоградской, юхновской культурах. Такое явление может быть связано как с общими очень древними индоевропейскими корнями религиозных верований, так и с непосредственными контактами и переселениями.

Своеобразные изделия в виде разнообразных глиняных конусов, вальков, грузил, погремушек, рогатых кирпичей имеют прямые аналогии среди находок на поселениях северных соседей лесостепных племен (юхновская, дьяковская и др. культуры). Следы взаимодействия с населением степей юга Восточной Европы и Кавказа рассматриваются отдельно и в данном докладе специально не исследуются.

Таким образом, археологический материал свидетельствует об очень разнообразных культурно-исторических связях лесостепных земледельческих племен Днепровского Левобережья и о сложности процесса формирования нарождавшейся здесь народности, который был прерван сарматским вторжением. В переселении с запада на территорию Левобережья принимало непосредственное участие, видимо, не только жаботинское население, но в какой-то мере и население белогрудовской и высоцкой культур, а возможно и других, прекращающих свое существование в раннескифское время на территории к Западу от Днепра. Эти поселенцы смешались с местным населением и создали своеобразную культуру лесостепных земледельцев VII—III вв. до н. э. при участии выходцев с юга — гелонов. Лесостепная

культура испытывала влияние и степных скифских племен, которые сами были заинтересованы в обмене с местными земледельцами и ремесленниками. Но политически лесостепное население оставалось независимым от степных скифов. Внешним проявлением этой независимости были многочисленные городища и своеобразная культура, все время сохранявшая много особенностей, отличавших ее от скифской.

В. П. ГРИГОРЬЕВ

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ СКИФОВ В ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ПРИДНЕПРОВСКОЙ ТЕРРАСОВОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАНОВ У сс. ГЛАДКОВЩИНА И ПРИДНЕПРОВСКОЕ)

1. Левобережная Приднепровская Лесостепь — один из районов сосредоточения наиболее древних и ярких памятников скифской эпохи в пределах Северного Причерноморья. Особая значимость, и вместе с тем, феномен этого региона состоит в том, что, являясь своеобразным степным коридором, он был не только непосредственной зоной контактов племен Лесостепного Правобережья, но и, собственно, скифо-иранского населения Степного Юга. Для выяснения роли и степени участия этих этнокультурных компонентов в сложении культуры региона существенное место занимает вопрос о времени появления и характере пребывания здесь скифов.

2. Одним из наиболее важных источников в решении этой проблемы являются археологические погребальные памятники VII—VI вв. до н. э. Значительная их часть происходит из дореволюционных раскопок В. В. Хвойки и Н. Е. Бранденбурга. Ограниченный характер такого рода источников общеизвестен. В связи с этим особый интерес представляют материалы охранных раскопок Черкасской Лесостепной археологической экспедиции.

3. Среди исследованных нами памятников исключительно важное значение имеет впускное погребение 1 кургана 3 у с. Гладковщина (рис. 7). Несмотря на ограбление погребения, в нем был обнаружен яркий по своему составу набор вещей, включающий уникальные культовые навершия раннескифского

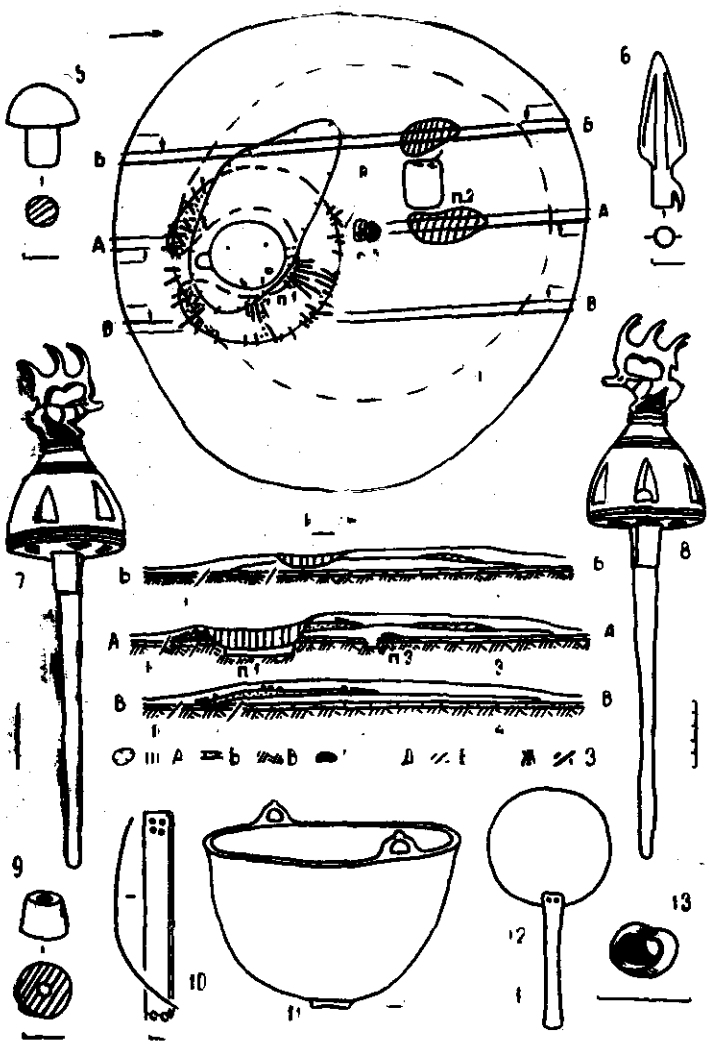


Рис. 7. Гладковщина, курган № 3: 1—4 — план и разрезы кургана (I, II — насыпи, А — современная яма, Б — погребенная почва, В — материк, Г — выкид из погребения 3, Д — выкид из погребения 1, Е — выкид из погребения 2, Ж — грабительский ход, 3 — шатровое надмогильное сооружение); 5—13 — вещи из погребения 1.

(кубанского) типа, бронзовое зеркало с боковой железной ручкой, литой бронзовый котел, двухлопастный наконечник стрелы келермесского типа, детали защитного доспеха и др. Анализ инвентаря позволяет датировать погребение ранним VI в. до н. э.

4. Характерной особенностью указанного комплекса является наличие деревянного шатрообразного надмогильного сооружения и очень большой (7,8х6,95 м) округлой ямы с дромосом, близких по конструкции и размерам обнаруженным Н. Е. Бранденбургом в кургане 449 у того же с. Гладковщина. Некоторые исследователи (С. А. Скорый), отмечая неместный (общеиранский) характер подобных шатровых сооружений, связывают их появление в Лесостепи с проникновением на эту территорию скифского этнического элемента.

5. Особенности погребального обряда (шатровая надмогильная конструкция, глиняный кольцевой вал вокруг могильной ямы, наличие напутственной мясной пищи, бронзового котла), сходство его по ряду признаков с обрядом ранних Келермесских, Ульских и Костромского курганов, а также присутствие в составе инвентаря наверший, характерных для северокавказской продукции, дают основания отнести исследованный гладковщинский комплекс к кругу древностей пришлых ираноязычных номадов, продвинувшихся в Лесостепное Поднепровье с территории Прикубанья и Северного Кавказа.

6. Большие размеры могильной ямы, сложность и монументальность погребального сооружения, воплотившие в себе огромные затраты живого труда, сопровождение основного погребенного захоронением слуги или раба, наличие среди разнообразного инвентаря престижных изделий — все это позволяет видеть в гладковщинском комплексе усыпальницу одного из представителей скифской кочевой аристократии эпохи архаики.

7. Согласно традиционной точке зрения, проникновение скифов в Левобережную Приднепровскую террасовую Лесостепь происходит в сравнительно позднее время — в V—IV вв. до н. э., когда здесь появляются захоронения в подбойных могилах и катакомбах, совершенные по обряду, характерному для памятников Степной Скифии.

8. Предложенная нами датировка погребения 1 кургана 3 у с. Гладковщина дает основания отодвинуть нижнюю хронологическую границу процесса инфильтрации скифо-иранского этнического элемента на указанную территорию ко времени не позд-

нее начала VI в. до н. э. Проникновение скифов и освоение ими Левобережной Приднепровской террасовой лесостепи в столь ранний период подтверждается также находкой уникальной для Украинской Лесостепи архаической [illegible] из кургана Роблена могила у с. Приднепровское.

В. П. АНДРИЕНКО

О МАТЕРИАЛАХ РАСКОПА 11 ПОСЕЛЕНИЯ ПОЖАРНАЯ БАЛКА 2

В ходе полевых исследований поселения у с. Пожарная Балка очень своеобразный комплекс материалов дал раскоп 11. Этот раскоп был заложен в необычном для поселения месте — не на плато, а на довольно крутом склоне, ведущем в долину р. Ворсклы. На одном из участков раскопа шел мощный культурный слой, состоящий из серой аморфной золы без каких-либо заметных прослоек. Близ края плато встретилась большая круглая яма диаметром около 7 м. Одна из ее сторон сильно обожжена. Другая яма имеет гораздо меньшие размеры. Ее верхний диаметр 130 см, нижний 100 см, а глубина 120 см. Заполнение состояло из золы, в которой, кроме керамики, встретилось два крупных фрагмента человеческих черепов.

В культурном слое раскопа обнаружены вещи, изготовленные из различных материалов. Металлических находок немного. Это обломок железного ножа (серпа?), звено бронзовых удил с треугольным в плане внешним концом, бронзовая бляшка, украшенная ромбовидным знаком.

Среди роговых и костяных изделий имеется обломок псалия, столбик для перекрещивающихся ремней, украшенный изображением головки «рогатого грифона», два пряслица, одно из которых орнаментировано.

В коллекции материалов раскопа 11 представлены различные изделия из камня. Это обломки кварцитовых зернотерок, терочников, оселки, точильные камни, кремневые скребки, лощило из гальки. Отдельно отметим находку подвески из раковины *морского гребешка*.

Ассортимент керамических изделий относительно широк: пряслица различных форм, размеров и качества, небольшие блоки, грузики, бусы, обломки антропоморфных и зооморфных

фигурок, обломки конусов и больших толстостенных жаровен, куски ошлакованной глины, фрагмент крупного изделия цилиндрической формы с крестовидным знаком и др. Значительным количеством фрагментов представлены различные категории сосудов. На первом месте среди них идут горшки. Стенки некоторых из них украшены пальцевыми вдавлениями или налепным валиком с защипами. Среди венчиков количественно преобладают экземпляры, украшенные валиком, но значительная часть венчиков горшков налепного валика не имеет. Они украшены только сквозными проколами или редкими защипами и проколами, а в отдельных случаях косыми палочными вдавлениями.

Второе место по количеству занимают миски. Среди них есть мелкие и глубокие (вазы). Последние обычно, как и горшки, украшены налепным валиком. Часть мисок имела поддон. Встречены фрагменты с проколами, различного рода выступами. В одном случае на бортике миски сохранились оттиски зубчатого штампа. Многие миски имеют лощение.

На третьем месте стоят черпаки. На большинстве фрагментов хорошо заметно лощение. Многие стенки и венчики украшены орнаментом в виде различных геометрических фигур: заштрихованных в одном или двух направлениях треугольников, квадратов, прямоугольников, ромбов. Углы некоторых из них отмечены точками. Нередко внутренняя поверхность геометрических фигур заполнена зерновидными наколами. На двух фрагментах венчиков черпаков сохранились отпечатки S-видного штампа.

Корчаги вилланова и другие категории сосудов представлены единичными фрагментами. Импортная керамика отсутствует.

Изучение комплекса находок раскопа 11 и сопоставление их с материалами других раскопов данного поселения позволяет сделать ряд выводов. Вот некоторые из них:

1. В системе относительной хронологии поселения Пожарная Балка II материалы раскопа 11 занимают промежуточное положение между комплексами позднечернолесско-новочеркасского времени и комплексами с ориентализирующей керамикой.

2. Находка столбика с головкой «рогатого грифона», бляшки с ромбовидным знаком, совпадение ряда иных сюжетов и орнаментальных приемов позволяет синхронизировать вещи раскопа 11 с материалами Келермесских курганов. О том, что в данном случае это не просто случайное совпадение, свидетель-

ствует и одинаковое место обоих комплексов в системе относительной хронологии.

3. Синхронизация материалов раскопа 11 и Келермесских курганов с одной стороны дает возможность расширить наши представления об ассортименте изделий келермесского времени на территории лесостепной Скифии, известных нам, главным образом, по курганам, а с другой стороны, благодаря Келермессу, позволяет установить абсолютную дату раскопа 11 и одновременных ему памятников.

П. А. ГАВРИШ

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА С ПОСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. САРАНЧЕВКА

Район Днепровского лесостепного Левобережья в раннем железном веке (VII—III вв. до н. э.) был густо населен местными земледельческо-скотоводческими племенами. Их многочисленные городища и селища, могильники и отдельные курганы располагаются, в основном, по берегам рек Сула, Псел, Ворскла и их притоков. Археологами в результате многолетних исследований установлено, что материальная культура населения в бассейнах названных рек имеет некоторые отличия, которые особо проявляются в формах и орнаментации местной керамической посуды.

Бассейны Псла и Ворсклы тесно граничат между собой. Левобережные притоки Псла (Грунь, Сухая Грунь, Мужева Долина, Говтва и другие) берут свое начало почти у самого коренного берега Ворсклы, где расположены памятники скифского времени так называемого правобережного типа. Материальная культура населения среднего течения Псла резко отличается от ворсклинской, поэтому вызывает интерес место соприкосновения двух различных культурных ареалов. Например, основная площадь Бельского городища занимает плато коренного берега Ворсклы, а между тем, Западное укрепление этого городища расположено на высоком правом берегу р. Сухая Грунь, которая относится к бассейну Псла. Наши исследования показывают, что культура правобережного типа на Ворскле не ограничилась собственно бассейном этой реки. Селища с яркими признаками ворсклинской культуры (наличие зольников, оби-

лие чернолощеной керамики и проч.) имеются в бассейне Псла, по берегам его левых притоков, примерно до меридиальной линии через г. Зеньков. Это селища Грунь, Шенгариевка, Ступки, Довжик, Саранчевка, Васильевка и др. Особенно заметно влияние ворсклинской культуры в округе Западного укрепления Бельского городища — примерно в радиусе 10—15 км. Местная керамика с поселений, как массовый археологический материал, широкоупотребляемый и имеющий глубокие традиции вид домашней утвари, является ярчайшим показателем культурного круга местного населения.

Исследования селища скифского времени у с. Саранчевка Зеньковского района Полтавской области, которое расположено в 3—4 км от Западного укрепления Бельского городища, дали новые материалы в пользу нашего предположения. На поселении, в результате разведок и раскопок (503 кв. м), выявлено около 4 тыс. находок, в подавляющем большинстве являющихся фрагментами лепной керамической посуды. Из них более сотни фрагментов орнаментированы. Целых сосудов не обнаружено. Керамический комплекс поселения составляют горшки, миски, кубки, черпаки, корчаги.

Наибольшее количество керамических обломков принадлежит горшкам, описанию которых мы и уделим основное внимание. По профилю венчика, шейки и части корпуса горшки можно разделить на следующие группы:

1) с ровным профилем венчика и корпуса; 2) горшки с небольшим уклоном венчика во внутрь; 3) слабопрофилированные горшки, т. е. небольшой загиб венчика наружу и выделяется шейка; 4) профилированные горшки с округлым корпусом; 5) яркопрофилированные горшки.

Явное преимущество имеют горшки четвертой группы (их около половины, реже встречается первая группа — около 20%. Размеры горшков (судя по диаметру венчика) были различны. Некоторые из них имели внутренний диаметр венчика 30—35 см. От величины сосуда, в основном, зависела и толщина стенок.

Важной деталью в типологической характеристике керамической посуды является орнамент. Орнаментация горшков представляет собой сочетание различных видов орнамента в виде сквозных проколов, пальцевых вдавлений или защипов, налепного валика, насечек или штампов, прочерченных линий. Почти всегда сочетается 2—3 вида орнамента, редко — один или бо-

лее трех. Наиболее часто, как один из компонентов орнаментации горшков, встречаются пальцевые вдавления — в 80% венчиков. Пальцевые вдавливания наносились по налепному валику (в 75% от числа встречаемости), по наружному краю венчика (31%), по внешнему краю венчика и по налепному валику одновременно (10%), на шейке сосуда (около 3%). Пальцевые защипы, как близкий вид орнамента, встречены лишь в четырех случаях — и всегда по внешнему краю венчика.

Таким же распространенным компонентом в орнаментации горшков являются сквозные проколы, выполненные округлой палочкой. В подавляющем большинстве проколы наносились с внутренней стороны венчика (75%), реже — по наружному краю венчика (7%), по налепному валику (7%), на шейке (3%).

На половине орнаментированных фрагментов горшков имеется налепной валик. Почти всегда по нему наносились пальцевые вдавления и лишь в одном случае валик был украшен косыми насечками, а в другом остался гладким. Надо заметить, что два последних валика располагались на корпусе сосуда. В 77% фрагментов налепной валик расположен на шейке горшка, в 15% — по внешнему краю венчика, в 9% — на плечиках или в средней части корпуса.

Редкими являются такие виды орнамента как наколы или штампы — всего 11 фрагментов. У половины из них наколы наносились с внутренней стороны венчика, образуя на поверхности «горошины», а в остальных — на шейке горшка. Косые насечки в орнаменте встречались три раза: по венчику сверху, по наружному краю венчика, по валику.

Среди найденных на поселении Саранчевка фрагментов венчиков горшков пять оказались без орнамента. Остальные имеют хотя бы один вид орнамента. Среди них наиболее популярная орнаментация в следующем сочетании: сквозные проколы и налепной валик с пальцевыми вдавлениями — 27%, сквозные проколы и пальцевые вдавления — 15%, наколы и налепной валик с пальцевыми вдавлениями — 13%, налепной валик с пальцевыми вдавлениями — 10%.

Фрагменты остальных видов керамической посуды найдены на селище Саранчевка в небольшом количестве. Почти все они покрыты темным лощением, есть фрагменты с резным геометрическим орнаментом. Как и горшки, все виды чернолощеной посуды селища Саранчевка имеют аналогии на Западном Бель-

ском городище и на других памятниках (Олефирщина, Пожарная Балка, Таранов Яр, Шевченки) ворсклинского культурного ареала. Этнокультурная близость этих памятников находит подтверждения и среди других данных.

И. Б. ШРАМКО

СПОСОБЫ УПРОЧЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ РЕМЕСЛЕННИКАМИ БАССЕЙНА ВОРСКЛЫ В VII—IV вв. до н. э.

Кузнецы раннего железного века располагали черным металлом, полученным в сыродутных горнах. Однако простое кричное железо малопригодно для изготовления орудий и оружия с острыми рабочими частями из-за своей мягкости. Поэтому применение простого кричного железа было ограничено. Металлографические исследования 320 различных изделий (орудия производства, оружие, детали конской упряжи, украшения и проч.) VII—IV вв. до н. э., происходящих из поселений и могильников бассейна Ворсклы, показало, что только 33% вещей сделано из простого железа. В остальных случаях применялся более твердый металл различного качества.

Материалы показывают, что местные ремесленники уже знали несколько способов изготовления изделий с рабочей частью повышенной твердости. Найдены предметы целиком выкованные из стали, изготовленные с применением цементации железа, сделанные путем кузнечной сварки железа и стали, имеющие рабочую часть, которая упрочена при помощи наклепа. По существу, во всех этих случаях, кроме последнего, основную роль играл химико-термический процесс цементации.

Делать целиком стальные вещи было нецелесообразно из-за повышенного расхода стали. Кроме того, вырабатывавшаяся в небольшом количестве в самом сыродутном горне сырцовая сталь отличалась низким качеством из-за очень неравномерного распределения углерода, что хорошо заметно на металлографических шлифах заготовок и готовых изделий. Так, например, шило № 465/XIX-67 из Бельского городища выковано из стали, количество углерода в которой очень неравномерно в разных местах и колеблется от 0,2 до 0,4%. Поэтому основным способом получения высококачественной стали была сквозная цементация заготовок в тиглях при помощи древесного угля.

Кузнецы скифской эпохи в бассейне Ворсклы располагали различными сортами стали. Исследования показывают, что 71 изделие было сделано из сравнительно мягкой, малоуглеродистой стали, 66 — из среднеуглеродистой стали и 58 — из твердой высокоуглеродистой стали. В 31 изделии отмечено использование неравномерно науглероженной сырцевой стали.

Чисто стальные изделия делать было не всегда выгодно еще потому, что твердость в них при большом количестве углерода сочетается с хрупкостью. Это учитывали местные кузнецы раннего железного века. При изготовлении ножей, серпов, тесел, шильев, сверл, кинжалов, дротиков, пластинок для панциря и других предметов они широко применяли цементацию изделий древесным углем. При этом науглероживался лишь поверхностный слой. В получаемых изделиях вязкость железа сочеталась с твердостью стали по всей поверхности или на рабочей части изделия. Цементация обнаружена в 14,6% изделий, среди которых особенно много ножей. Например, в этой технике сделан нож из Вост. Бельского городища, на шлифе которого видно, как ферритная структура одной стороны ножа постепенно переходит с другой стороны в мелкозернистый перлит. Содержание углерода до 0,4%. Один из серпов того же городища выкован из железа и также подвергнут односторонней цементации. При этом количество углерода в цементированной зоне доведено до 0,5%. На шлифе виден феррит, переходящий на другой стороне в сорбитообразный перлит.

Наиболее высоким качеством отличались стальные изделия, которые подвергались последующей термической обработке — закалке. Среди исследованных образцов таких оказалось 10,9%. Ассортимент их довольно разнообразен. Это — ножи, серпы, зубила, пробойники, тесло, пила, бритва, меч, боевой нож и др. В качестве примера можно указать цельностальной закаленный нож Вельского городища № 58/XIV-67, имеющий структуру мартенсита с твердостью 612 кг/мм². Отпуск стали после закалки в это время применялся очень редко и зафиксирован лишь в 4 случаях (2 ножа, пробойник, меч).

Цементация железа при помощи древесного угля производилась при сравнительно высокой температуре порядка 900—950°С и требовала много времени для обеспечения необходимой глубины цементации. Кроме способа такой химико-термической обработки железа, в древности применялся и другой — азотирование путем нагревания железа в тиглях, в которых имелась

смесь рогов и копыт животных с солью. Археологические находки позволяют полагать, что этот метод применялся уже местными ремесленниками скифской эпохи. Он был прост и выгоден, так как азотированный слой изделий даже без последующей термообработки обладает более высокой твердостью, чем при цементации древесным углем, а для получения его нужна была более низкая температура — порядка 500—520°С. Азотирование повышало также стойкость металла по отношению к коррозии. Развитое скотоводство и охота позволяли местным ремесленникам иметь в достаточном количестве сырье в виде рогов и копыт животных. В культурных слоях населения нередки находки копытных фаланг и костных оснований рогов крупного и мелкого рогатого скота со следами надрезов, получавшихся при отделении роговой части от кости. Азотированием можно объяснить и высокую коррозийную стойкость изделий лесостепных кузнецов, которые хорошо сохраняются, несмотря на длительное пребывание в земле.

И. Н. КУЛАТОВА

РАЗВЕДКИ В ЛУБЕНСКОМ РАЙОНЕ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе подготовки материалов к написанию археологической части «Свода памятников истории и культуры народов СССР» по Полтавской области отрядом областного краеведческого музея летом 1988 г. было произведено обследование территории Лубенского района на предмет выявления памятников археологии. Учитывая довольно широкую известность ряда археологических объектов Лубенщины, наличие уже проверенных сплошных обследований и тематических разведок (Горюнов Е. А., Копылов Ф. Б., Ляпушкин И. И., Моргунов Ю. Ю., Неприна В. И., Сухобоков О. В., Супруненко А. Б. и др.), основное внимание было сосредоточено на сплошном картографировании курганов и осмотре охраняемых объектов.

Наиболее массовыми памятниками Лубенского района являются курганы, располагающиеся на мысах вторых террас р. Сулы и ее притоков (13% случаев), водоразделах (13%) и у края плато высоких берегов рек (74%). Курганы преимущественно

образуют группы, состоящие из 1—3 более крупных и 3—10 мелких насыпей (84% от общего числа курганов). Одиночные курганы сравнительно редки (9%). Всего картографировано 589 курганов, в том числе в составе 84 групп — 538 насыпей. Насыпи 2% курганов имеют следы разрушения селитроваренным производством XVII—XIX вв., 1% — раскопок XIX — начала XX вв. Большинство курганов распахивается, всего 11% насыпей задернованно.

Наиболее крупные группы курганов расположены в 1 км к западу от с. Мацкова Лучка (26 насыпей высотой 0,2—2,2 м и диаметром 14—45 м), в 0,3 км к западу от с. Мгарь (25 насыпей высотой 0,15—3,2 м и диаметром 8—30 м) и в 0,4 км к северо-западу от с. Луки (11 насыпей высотой 0,3—6,4 м и диаметром 8—32 м).

Среди случайных находок в распахиваемых или разрушенных курганах района — каменное полированное сверленое навершие булавы с тремя срезанными коническими выступами эпохи ранней бронзы (с. Новаки), каменный полированный сверленый боевой топор середины II тыс. до н. э. (с. Мгарь), железный меч-акинак с антенным навершием и бабочковидным перекрестием VI — первой половины V в. до н. э. (с. Окоп) (рис. 8; 1—2, 7).

Группы курганов скифского времени расположены к северо-востоку от с. Пулинцы (18 насыпей), к юго-западу от с. Малый Вязовок (12 курганов) и у северо-западной окраины с. Вязовок (более 60 насыпей). В их составе — курганы высотой 0,1—0,8 м и диаметром 8—25 м. Вероятно, это остатки некрополя городища скифского времени у с. Малый Вязовок. Обнаружен могильник VI—V вв. до н. э. в с. Енковцы, из которого происходят бронзовая крестовидная бляха «ольвийского» типа и железный наконечник копья (Кулатова, 1988). Могильник состоит из пяти небольших насыпей высотой 0,2—0,3 м диаметром 12—15 м, расположен у северной окраины села, на мысу высокого берега р. Удай, занятом современным кладбищем. Открыта также ранее неизвестная часть древнерусского могильника в ур. Шимберево у с. Хитцы. К 13-ти известным насыпям могильника древнерусского городища в ур. Коломак (Горюнов, 1973; 1981) добавилось еще 16 курганов высотой 0,25—1,2 м и диаметром 5—11 м, расположенных в лесу, у края возвышения первой террасы правого берега р. Удай, в 30—90 м к югу от ур. Шимберево.

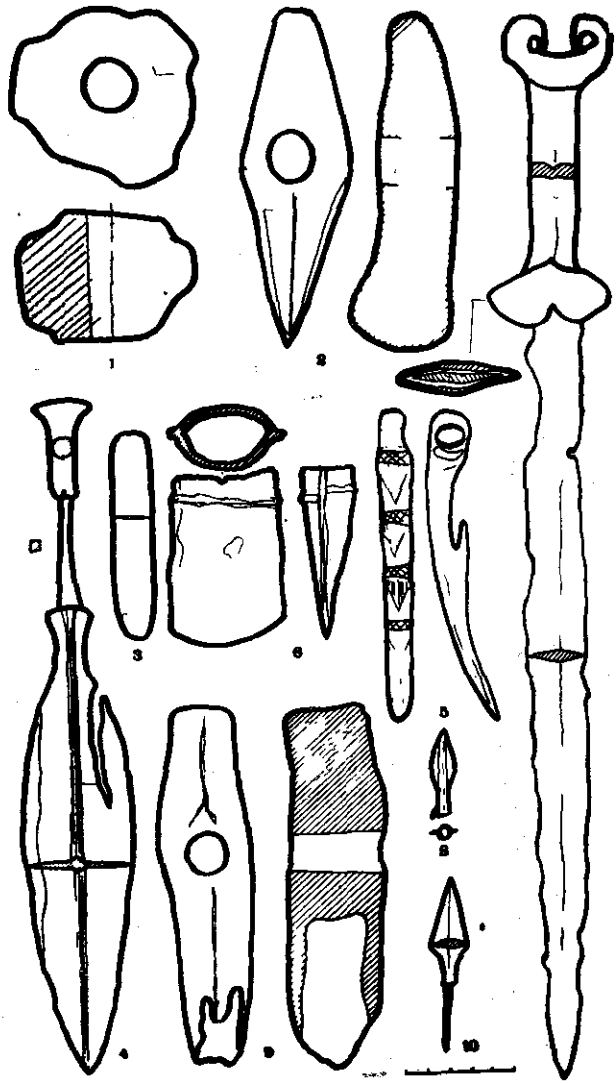


Рис. 8. Находки с территории Лубенского района: 1 — с. Новаки; 2 — с. Мгарь; 3 — с. Хитцы; 4, 6, 8— с. Вовчик; 5, 9, 10—с. Жданы; 7— с. Окоп.
1—2 — камень; 3—4, 6 и 8 — медный сплав; 5, 9 — кость; 7, 10 — железо.

Разведкой выявлено несколько поселений. Материалы эпохи энеолита, ранней и средней бронзы (в том числе бронзовый нож с параллельными лезвиями), древнерусского времени происходят из распаханной дюны площадью 0,6 га (40 х 150 м) в 0,7 км к северо-западу от с. Хитцы; керамика бондарихинской культуры обнаружена на поселении в ур. Летники, в 0,35 км к западу от с. Чернече и на местонахождении в ур. Маляриха (пункт 2) в 0,6 км к востоку от с. Тишки. Среди находок в окрестностях с. Вовчик — *бронзовый кинжал с клинком листовидной формы*, имеющим утолщение с неврюрой посредине, дуговидный упор в основании клинка, черенок в виде квадратного в сечении штыря, завершающийся расширяющейся рукоятью, и безушковый, чуть расширяющийся к лезвию, овальный в сечении кельт с тонким валиком, опоясывающим втулку, эпохи поздней бронзы (рис. 8; 4, 6); в черте с. Жданы — массивный костяной кочедык (?) с прочерченным металлическим орудием орнаментом в виде опущенных вершинами вниз заштрихованных треугольников (рис. 8; 5).

Уточнена площадь городища скифского времени в ур. Сад в 1,4 км к северо-востоку от с. Клепачи. *Она составляет* 8,5 га (260 х 335 м). Установлено, что с напольной стороны валы городища опоясывает трапециевидный в сечении ров шириной 2,5—4 м и глубиной 0,5—1,5 м. Участок вала между северо-западным и западным въездами уничтожен местным колхозом в 1970-е гг.

Поселения черняховской культуры обнаружены на мысах первых террас рр. Сулы и Сулицы в 0,5 км к северо-западу от с. Козубовка — 1,8 га (60х250 м), в ур. Летники у с. Чернече — 2 га (100 х 200 м) и на юго-восточной окраине с. Песок — 2,4 га (80 х 300 м). Селища с материалами середины — третьей четверти I тыс. н. э. выявлены на *низких мысах* первой террасы р. Удай в сс. Халепцы (ур. Аренда) — 3,5 га (100х350 м) и Тишки (ур. «У писках») — 1,5 га (100х150 м). Остатки поселений древнерусского времени обнаружены в 0,3 км к востоку от с. Жданы (ур. «У горбах») и в 1,3 км к юго-западу от того же села, на юго-восточной окраине с. Крутой Берег, в ур. Гайдуцкий горб.

Результаты разведки будут учтены при подготовке статей для «Свода памятников истории и культуры» и составлении каталога-справочника по археологическим памятникам Лубенского района. Безусловно, значительная часть обследованных па-

мятников будет поставлена на учет и взята под охрану как ценные объекты древнейшего прошлого нашего края. Полтавской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры следует и далее продолжать практику целевого выделения средств на археологическое изучение отдельных районов области, в том числе и обследовавшихся ранее. По крайней мере, более трети археологических памятников в ходе разведки по Лубенскому району было выявлено впервые.

Т. Н. НЕРАДЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ОХРАННОЙ РАБОТЫ В ЧИГИРИНСКОМ РАЙОНЕ ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ

1. Как известно, сейчас в республике развернута широкая работа по подготовке «Свода памятников истории и культуры Украинской ССР». Его издание будет способствовать улучшению охраны памятников в областях.

В 1987 году в ходе подготовки материалов для «Свода...» нами было проведено обследование памятников археологии Чигиринского района Черкасской области. В задачи исследования входил осмотр состояния взятых на государственный учет памятников, изучение в соответствии с требованиями «Свода...» известных в научной литературе памятников, выявление новых памятников древней культуры. Было изучено состояние охраны памятников в районе.

2. На начало обследования в районе было взято на учет 70 памятников археологии, среди них 62 кургана, 8 городищ и поселений. В ходе проведенных разведок было установлено неудовлетворительное состояние охраны этих памятников. Это касается не только состояния самих памятников, но и охранной документации. Например, в с. Тиньки курган превращен в мусоросборник, в с. Субботово при строительстве площади в центре села разбита каменная стела XII—XIII вв., курган на окраине с. Ивановка распахан, культурный слой раннеславянского поселения у с. Стецовка смыт разливами р. Тясмин. Приняты соответствующие меры.

3. Кроме указанных памятников, взятых на учет, обследованы и другие памятники. Сведения о некоторых из них упоминаются В. Б. Антоновичем в «Археологической карте Киев-

ской губернии» (1895 г.). Часть была открыта в первой половине 1950-х и 1970-х гг. А. И. Тереножкиным, В. А. Ильинской, Е. Ф. Покровской, В. И. Полтавцом и другими исследователями. Не поставленные вовремя на государственный учет и не изученные, многие из них теперь погибли: курганы распаханы (сс. Ивановка, Топливка и др.), культурный слой поселений разрушен паводками, разливами рек, пахотой, затоплен Кременчугским водохранилищем (г. Чигирин, сс. Витово, Боровица и др.).

4. В настоящее время в Чигиринском районе известны 231 курган, 20 поселений и городищ.

Выявлены одиночные курганы и курганные группы. Последние насчитывают от 3 (сс. Боровица, Чернече, Вершенцы, Субботово, Стецовка и др.) до 63 насыпей (у Мотроненского городища). Привлекают внимание курганные могильники, расположенные на окраине г. Чигирина (10 курганов), у сс. Ивановка (11), Матвеевка (8 и 23), Тиньки (15), Новоселица (14). Дату и культурную принадлежность каждого из этих памятников определить трудно. Однако, судя по немногочисленным раскопанным в районе курганам, на его территории известны курганы эпохи бронзы (древнеямная культура) и раннежелезного века (скифский период).

Самый большой курганный могильник Чигиринского района расположен в Креселецком лесничестве, на юг и на юго-запад от Мотроненского городища VI—IV вв. до н. э. Здесь было выявлено 44 насыпи в юго-западной и 19 в южной группе. В 1988 году здесь начала комплексные работы археологическая экспедиция ИА АН УССР.

Из бытовых памятников надо отметить (кроме Мотроненского городища) Субботовское городище чернолесской культуры, поселение эпохи бронзы и городище чернолесской культуры в с. Ивановка, поселение черняховской культуры в с. Стецовка, поселение раннескифского времени в с. Чмыревка. В районе известны также поселения других культур и эпох: неолитические, черняховской и зарубинецкой культур, культуры многоваликовой керамики.

5. Подводя итог археологической разведки в Чигиринском районе Черкасской области, необходимо отметить следующие моменты.

Исследование показало, что работа по охране памятников археологии в районе находится не на должном уровне. Памят-

ники, стоящие на государственном учете, разрушаются. На многих нет охранных знаков. Огромное количество курганов и древних поселений вообще не взяты на учет и под охрану, с течением времени могут погибнуть. Необходимо разработать комплекс мероприятий по охране этих памятников, который будет включать в себя: постановку на учет всех известных памятников с установкой охранных знаков и определением охранных зон; постоянный контроль за соблюдением договорных охранных обязательств, проведение шурфовок и разведочных раскопок с целью более глубокого изучения и определения культурно-исторической ценности каждого отдельного памятника; проведение спасательных работ на разрушающихся объектах (прежде всего, по берегам и в поймах рек, на берегу Кременчугского водохранилища); привлечение квалифицированных специалистов-археологов, представителей местных властей и широкого круга общественности для проведения этих и других мероприятий.

А. И. СЕМЕНОВ

УТРАЧЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ ПАМЯТНИКОВ ПЕРЕЩЕПИНСКОГО КРУГА

Недостаток сведений об обряде памятников перещепинского круга увеличивает значение состава комплексов. Обстоятельства их открытия таковы, что, исключая раскопанную археологами Вознесенку, проверки заслуживают данные и о полноте, и о чистоте состава находок. Существует предположение о том, что Перещепинский «клад» включает инвентарь нескольких погребений одного могильника. Высказывалось мнение о Макуховской находке, как о части перещепинского комплекса (Мацулевич). Известны сомнения в принадлежности Келегейскому сокровищу включенных в его коллекцию монет (Зограф, Кропоткин). В Императорской Археологической Комиссии неоднократно ставился вопрос о достоверной принадлежности Перещепинской находке поступавших разрозненно предметов. Тем не менее, и в Комиссии и в Эрмитаже Перещепинскому комплексу приписывались отдельные вещи, несомненно ему не принадлежащие (покупка Пещанского). Еще и теперь, по эрмитажной описи, коллекции из Перещепины хранятся наряду с керамикой

нового времени и предметами крестьянского быта времени открытия клада.

Изучение состава комплексов перещепинского круга затрудняют многочисленные утраты и перемещения вещей. Макуховская находка известна только по литературным и архивным данным, и по копии из собрания Полтавского музея. В годы Великой Отечественной войны утрачена хранившаяся в Полтавском музее коллекция из Перещепины (уцелели два солида Ираклия). Утрачены отдельные вещи из перещепинской коллекции Эрмитажа. Неясна судьба части предметов из Келегеев. Остатки Вознесенки рассредоточены, по крайней мере, по четырем музеям: Харькова, Днепропетровска, Киева и Запорожья, причем, судя по дате переизданных наконечников стрел из Исторического музея в Киеве (Строкова), их принадлежность сожжению из Вознесенки уже забыта. «Дублируемые в больших количествах» стремена и удила Вознесенки «из числа случайных археологических раскопочных материалов» исключены в 1958 г. из основного фонда Днепропетровского музея «в связи с необходимостью организации в районах области музейных комнат и школьных музейных уголков». Не найдена большая часть находки в Новых Санжарах, вывезенная из Полтавского музея в годы войны.

Предлагаемые реконструкции состава комплексов перещепинского круга основаны на двух источниках: часть предметов восстанавливается по их сохранившимся следам в составе самих коллекций, другие — по архивным данным.

МАЛАЯ ПЕРЕЩЕПИНА. Главное внимание уделяется обычно предметам из драгоценных материалов. Возможность немаловажных заключений предлагают органические остатки. Пропитанные окислами бронзы ремни конской сбруи сберегли отпечатки бляшек, указывающие их относительное расположение (попарно) и расстояния.

К сожалению, не уцелели обломки дощатых брусьев, зафиксированные Н. Е. Макаренко и определенные им как дубовые. Все же, в коллекции Эрмитажа представлены фрагменты древесины от нескольких предметов, достаточные для ксилотомических диагнозов и некоторых соображений. Куски стержня с поперечным сечением овальной формы (размеры по главным осям 1,25 х 1,60 см) извлечены из золотых обкладок скипетра. Деревянная основа инсигнии изготовлена из взрослой стволовой

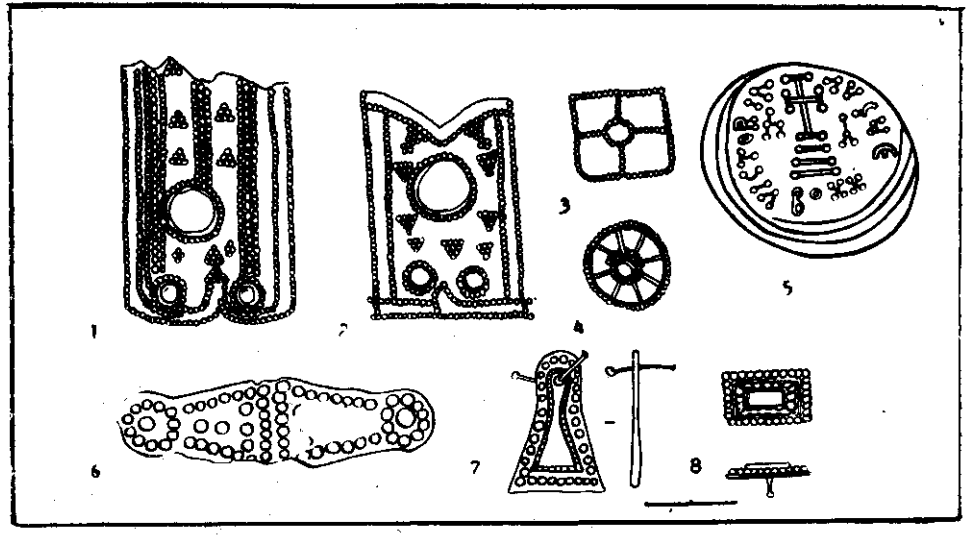


Рис. 9. Утраченные предметы из памятников перещепинского круга:
1—5 — Макуховка, 6— Новые Санжары, 7 — Вознесенка, 8 — Малая Перещепина. По архивным материалам: 1—5 — И. А. Зарецкого (Полтавский краеведческий музей), 6 — А. К. Тахтая (ИА АН УССР), 7 — А. Л. Мацулевича (АН СССР), 8— Я. И. Смирнова (ГЭ), реконструкция.

древесины ясеня. Небольшое число диагностированных аналогий в археологическом материале — основы позднекочевнических скипетров или посохов — и этнографические параллели дают чаще других древесину семейства Розоцветных. В сопоставимом по социальному уровню захоронении из Таганчи отмечено древко серебряного скипетра из грушевого дерева (Хойновский).

В проушине железного топора сохранились пропитанные окислами железа древесные волокна рукояти, судя по признакам микроскопического строения, березовой.

На железном клинке палаша с кольцевидным навершием и внутри золотой бутероли с зернью, принадлежащей другому экземпляру оружия, определены волокна ножен, вырезанных из древесины семейства Саликациевых. Применение этих пород (ива, тополь) в той же функции известно для разнокультурных памятников раннего средневековья: на аварском палаше с территории Венгрии (Чаллань, *Ласло*), на сабле из скального могильника аланского периода Эшкакон на Северном Кавказе, на одном из клинков Верхнего Салтова и на основе портупейной петли ножен клинка из Борового.

По описанию Я. И. Смирнова, сохраненному архивом Эрмитажа, восстанавливается устройство золотой прямоугольной бляшки, украшенной изумрудом (рис. 9; 8). Она была предложена для покупки через Б. И. Ханенко, но не приобретена Эрмитажем.

МАКУХОВКА. Снимок с фотографии из архива А. И. Зарецкого, хранящейся в Полтавском музее (получен через А. Б. Супруненко), существенно уточняет облик вещей (рис. 9; 1—5), известных прежде по приблизительной зарисовке с копий Полтавского музея, выполненной в 1930 г. Н. А. Крыжановской, и описанию И. А. Зарецкого. Различием тонов фотография проясняет вопрос о копиях, — очевидно, что копией на снимке является только оборот солида Ираклия, но точное воспроизведение деталей подтверждает предложенную раньше узкую дату (737—738 гг.) и дает надежду на опознание монеты в дальнейших поисках.

НОВЫЕ САНЖАРЫ. ВОЗНЕСЕНКА. Архивные материалы А. К. Тахтая и А. Л. Мацулевича позволяют сопоставить сходные предметы их двух комплексов (рис. 9; 6, 7) и высказать предположение об их назначении. Обкладки являлись украше-

нием венчиков деревянных сосудов или наконечниками ремней. Близкие по форме обкладки известны в княжеских погребениях гуннского периода (Апахида, Надьсекшош, Силадьшомлио), встречаются и в комплексах VII в. на Днепре (Келегеи, 1 экземпляр) и на Дону (Дорофеевский могильник, 3 штуки).

Из Вознесенки происходят пять обкладок.

В. В. ПРИЙМАК, Л. И. БЕЛИНСКАЯ

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КОНЦА I — НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НА СУМЩИНЕ

Изучение волынцевско-роменских и древнерусских памятников на территории Сумской области продолжается уже несколько десятилетий. Однако охранные раскопки на них начались только с середины 80-х гг. Пока они носят ограниченные масштабы, ведутся Сумским краеведческим музеем самостоятельно или в рамках деятельности Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР, при этом привлекаются средства бюджета музея, областной организации УООПИК, а также организаций, ведущих строительные работы.

Весьма интересные материалы были получены в ходе раскопок поселения у с. Солдатское (птицеферма) Великописаревского р-на. На поселении, расположенном на левом берегу р. Ворсклицы, исследованы две полуземляночные постройки. Интересен керамический комплекс жилища № 1, имеющий сходство с материалами жилища № 12 поселения Хитцы (Горюнов Е. А., 1981, рис., 50; 9, 11—15). С волынцевскими древностями, помимо керамики, сближают данное жилище и некоторые детали домостроительства, в частности, наличие стационарного смонтированного на печи противня. Гончарная волынцевская керамика в данном жилище, как и вообще среди материалов поселения, отсутствует. Ввиду того, что этому факту традиционно придается решающее значение при определении культурно-хронологической принадлежности памятника, остановимся на данном вопросе подробнее. По мнению ряда исследователей, наличие или отсутствие гончарной волынцевской керамики зависит от удаленности памятника в западном или северо-западном направлении от основного ареала распространения волын-

цевских древностей (Щеглова О. А., 1986, с. 22; Петрашенко В. А., 1938, с. 99), при этом принимается во внимание и датировка памятников. Последнее обстоятельство, по-видимому, для памятников бассейна р. Ворскла является определяющим. Ведь от основной группы памятников, где в большом количестве встречается гончарная волынцевская керамика (Битица, Токари, Вовки), поселение у с. Солдатское удалено на 60—80 км к востоку. К тому же, именно в этом направлении находится основной ареал распространения салтовской гончарной керамики, встреченной на всех упомянутых памятниках. Уместно будет, в связи с вышесказанным, привести наблюдения исследователей относительно неоднородности комплексов третьего горизонта поселения Хитцы (Обломский А. М. и др., 1987, с. 183—184).

Спасательные исследования также были проведены на посаде городища у с. Заречье Тростянецкого р-на, в ходе которых раскопаны несколько хозяйственных ям роменской культуры и древнерусских XII—XIII вв. Керамический материал из роменских объектов близок обнаруженному на городище в ходе раскопок П. Н. Третьякова (Третьяков П. Н., 1947).

В ходе охранных работ на посаде древнерусского города Вырь (первое упоминание в Поучении Владимира Мономаха, по-видимому, под 1113 г.) исследованы несколько жилых и хозяйственных построек XII—XIII вв.; постепенно локализуется территория этого древнерусского города.

На территории г. Сумы к древнерусскому времени относятся два памятника: т. н. Берлицкое городище, к настоящему времени уже не существующее, а также городище и обширное селище в бывшем с. Тополи. В 1987 и 1988 гг. на окраине этого селища, в связи с начинающимся строительством, были проведены охранные раскопки. В двух раскопах вскрыты две полуземляночные постройки хозяйственного назначения, а также четыре большие хозяйственные ямы. Роменская и ранняя гончарная посуда, присутствующая на городище (Ляпушкин И. И., 1961) и ближайшем к нему участку селища, в наших раскопках вообще не была встречена, что, вероятно, отражает динамику роста поселения. Отсутствие жилищ на окраине селища находит аналоги на ряде других древнерусских памятников и, возможно, является случайным совпадением. Данный памятник является одним из наиболее крупных, входивших в округу, центром которой был комплекс у с. Зеленый Гай Сумского р-на.

В ближайшие годы, наряду с проведением охранных исследований в зонах новостроек, необходимо доисследовать памятники, подвергшиеся бесконтрольным разрушениям ранее, что потребует привлечения средств Сумской областной организации общества охраны памятников истории и культуры.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОСУЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ

На Суле и ее притоках в XI—XIII вв. было сконцентрировано подавляющее большинство летописных городов Переяславской земли. Археологически выявлено и обследовано более сорока древнерусских укреплений, связанных с охраной границы и торговых путей.

Нами выявлено три основных оборонительных узла границы. Северный участок включает укрепления верхнего течения реки и ее притоков: крепости по реке Терн тяготели к курскому Посемью, а сторожевые пункты по р. Ромен административно относились к черниговскому Задесенью, составляя его восточный рубеж. Среднее течение Сулы от Ромена до Лукомля, а также сульско-удайское междуречье в XII в. именовалось «Посульем» и являлось крупнейшей волостью Переяславской земли. Нижнесульский участок границы с севера ограничивался течением р. Оржицы, а на юге упирался в русло Днепра.

Начало укрепления Посульской границы положил Владимир Святославович, и длился первый этап приблизительно до 1015 г. — до года последнего самостоятельного прихода печенегов на Русь. На этом этапе близ устья Сулы возникла крепость — гавань Воинь, 13 значительных по площади открытых поселений, частично заселенных «мужами лучшими» из более северных областей Руси; к этому же времени относится постройка некоторых отрезков «змиевого вала». Из 13 крупных открытых поселений подавляющее большинство было устроено на нижнесульском, наиболее угрожаемом участке (Чутовка, В. Буримка, Лящевка, Клищинцы, Жовнино). На северной Суле подобные поселения известны в Свиридовке, Сенче, Повстине и Мацковцах.

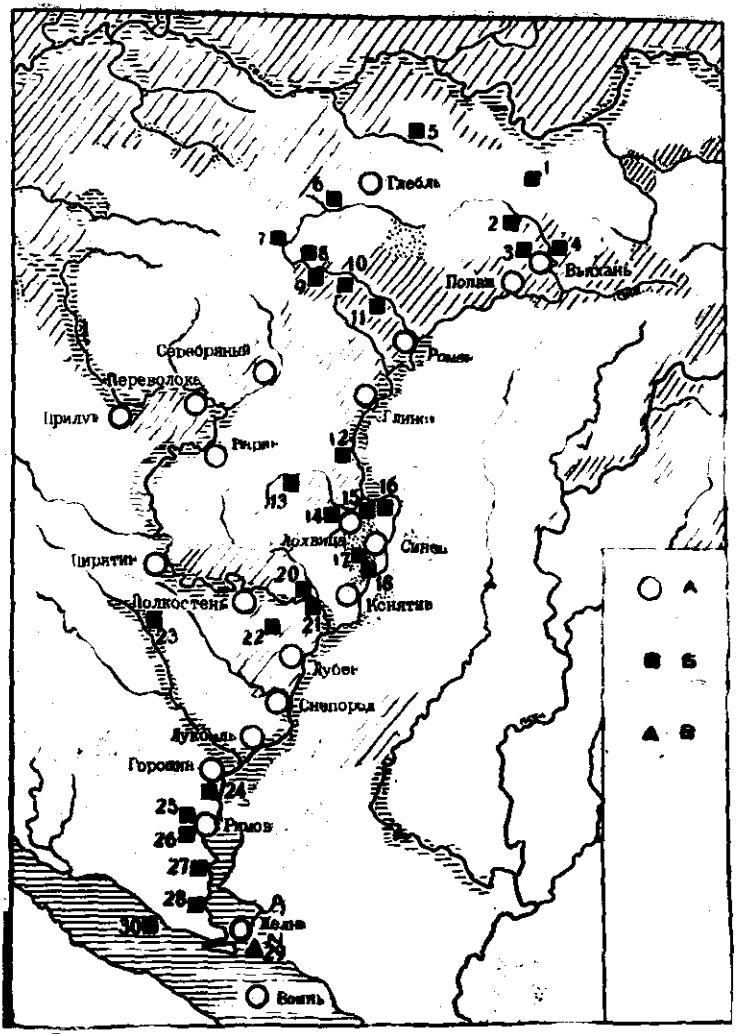


Рис. 10. Древнерусские укрепления посульской границы: А — летописные города; Б — городища; В — селища, 1 — Николаевка, 2 — *Кубраково*, 3 — *Боярское*, 4 — *Бабаково*, 5— Кросна, 6— В. Самбор, 7— Гайворон, 8 — Красный Колядин, 9— Грицевка, 10 — *Липовое*, 11 — *Медвежье*, 12 — *Свиридовка*, 13 — *Бербеницы*, 14 — *Безсалы*, 15 — Высокие Лазирки (Лохвица), 16 — Гаевщина, 17 — Сенча (Никольская Горка), 18 — *Сенча (Сампсоннев Остров)*, 19 — Чернухи, 20 — Городище, 21 — Хитцы, 22 — Клепачи, 23 — Гребенка, 24 — Чутовка, 25 — В. Буримка (Мисто), 26 — В. Буримка (*Городок*), 27 — Ляшевка, 28 — Клищинцы (Кизивер), 29 — Жовнин (Палянивщина), 30 — Миклашевский.

Опираясь на вновь созданные укрепленные рубежи, Владимир Святославич остановил печенежскую экспансию, и все же, на этом этапе на Левобережье основной оставалась старая граница по р. Трубеж.

С появлением вблизи русских границ половцев и по выделении по разделу Ярослава Переяславского княжества, на Суле наблюдается резкое увеличение количества крепостей. На втором этапе формирования границы (конец XI — рубеж XI—XII вв.) на нижнесульском, наиболее угрожаемом, участке упомянуты Воинь, Горошин, Римов; возникли укрепления в Чутовке, В. Буримке, Миклашевском; преобладает материал этого времени в Лящевке, Жовнине и на Палянивщине. На рубеже XI—XII вв. укрепление нижней Сулы было в основном закончено.

С 1086 г. половецкие пути перемещаются на слабо защищенное Посулье и в конце XI в. оно начинает активно укрепляться: «поставлены» Ромен, Синец, Кснятин, Лубен, Снепород, Прилук, Варин, Переволока. На рубеже XI—XII вв. появилась крепость в Сенче (Сампсониев Остров).

На Верхней Суле возведены оборонительные сооружения Глебля (Шевченково), Вьяханя, В. Самбора и Николаевки.

Третий этап формирования границы относится к началу — первой половине XII в. В это время полностью закончено укрепление нижнесульского участка (Желни, Кизивер, В. Буримка), продолжалось и усиление Посульской волости: упомянут Полкостень, появились укрепления в Глинске, Гребенке, Клепачах. Близ Лохвицы построено две крепости для «торков переяславских» — Бербенцы и Лазирки.

На верхней Суле построены крепости Кросна, Гайворон, Липовое, может быть, Николаевка.

Последний, четвертый этап формирования границы относится к середине — второй половине XII в. Материал этого времени преобладает в Хитцах, Безсалах, Городище, Чернухах, Лохвице, Пирятине, Лукомле; обновлены роменские укрепления в Гаевщине, упомянут Серебряный. На этом укрепление Посулья было закончено.

На Верхней Суле в середине XII в. был построен летописный Попаш, а оборона Вьяханя была усилена Бабаковской сторожевой крепостью. Последние форпосты построены на р. Ромен — в Грицевке и Медвежьем.

Два наиболее поздних укрепления известны на р. Терн: Боярское и Кубраковское городища содержат материал не ранее конца XII в.

Таким образом, анализ археологического материала и привлечение летописных источников позволяет выделить четыре этапа формирования и развития степной границы Южной Руси по р. Суле, показывает всю сложность и многообразие приемов и методов организации и постройки надлежащего заслона оседлого населения от кочевой опасности.

А. В. ГРИГОРЬЕВ

ГОРОДИЩЕ У с. ХИТЦЫ

Городище, расположенное к югу от с. Хитцы Лубенского р-на Полтавской обл., хорошо известно в литературе и неоднократно обследовалось (А. Лютецкий, Ф. Б. Копылов, М. П. Кучера, О. В. Сухобоков). На основе подъемного материала время существования этого памятника суммарно было определено VIII—XIII вв. С целью уточнения внешних параметров городища, времени возведения его укреплений и выяснения соотношения напластований роменской и древнерусской культур в 1988 г. было проведено очередное обследование памятника, включившее в себя, кроме топосъемки, шурфовку и разрез вала (Ю. Ю. Моргунов).

Городище занимает мыс третьей надпойменной террасы р. Удай и возвышается над уровнем поймы на 55—60 метров (рис. 11; 1а). Его площадка имеет подтрапециевидную в плане форму размерами 90—215х115—125 м (по линиям запад-восток и север-юг соответственно). Общая площадь городища около 1,9 га. Склоны городища, за исключением наиболее крутого, *юго-западного, эскарпированы.* С *южной напольной* стороны городище отделено от широкого (свыше 80 м) перешейка валом высотой до 1,2 м. Остатки валов прослеживаются также на наиболее пологом склоне в СЗ углу укрепления и вдоль эскарпа по северному склону. Ров в оборонительной системе городища не фиксируется.

Три шурфа, заложенные в различных частях площадки, показали, что культурный слой мощностью до 0,7 м содержит лепную роменскую, а также круговую керамику X века и второй

половины XII — первой половины XIII вв. Подавляющее большинство фрагментов керамики (свыше 70%) относится к роменской культуре. Керамика «курганного типа» и «великокняжеского периода» встречена примерно в равном соотношении... и распространялась по всей толщине культурного слоя.

Дифференцировать эти материалы позволяет разрез вала в юго-западной части городища (рис. 11; 1г). Впервые этот участок укреплений был сооружен в роменское время. На подсыпке из плотной белой глины был поставлен сруб, следы нижнего венца которого прослеживались в виде небольших углублений, заполненных древесным тленом. Клети были забутованы переотложенным слоем, содержащим лепную роменскую и круговую керамику «курганского типа» (рис. 11; 1в). Аналогичный материал был обнаружен в заполнении частично исследованного жилища, непосредственно примыкавшего к внутренней стороне укреплений. Первое оборонительное сооружение и постройка погибли в результате пожара, возможно, одновременно.

Жизнь на городище возобновляется, вероятно, не ранее середины XII в. При этом вал, образовавшийся в результате разрушения первой стены, был подсыпан коричневым суглинком, а по его гребню был пущен частокол, следы которого читались в профиле (рис. 11; 1г). Культурный слой, перекрывающий этот вал, а, следовательно, датирующийся второй половиной XII — первой половиной XIII вв., как уже отмечалось, содержал, в основном, материалы более раннего времени.

На основании полученных материалов можно предположить, что время сооружения городища и наиболее активной его жизни находится в пределах X в., о чем говорит сочетание в его керамическом комплексе материалов роменской и киево-русской культур. Как и большинство роменских городищ, оно погибло в результате пожара. Время пожара пока остается неясным. Находки в нижней части позднего культурного слоя шиферного пряслица с широким стверстием и двустороннего костяного гребня с циркульным орнаментом (рис. 11; 1б, 2, 3), учитывая характер слоя, а также архаичность самих вещей, можно отнести к раннему периоду функционирования памятника. В этом случае время гибели городища можно определить второй половиной X — началом XI вв. Характерной чертой роменского слоя поселения, наряду с наличием керамики «курганного типа», является отсутствие местной, роменской раннекруговой керамики. Этот факт отличает рассматриваемый памятник от расположен-

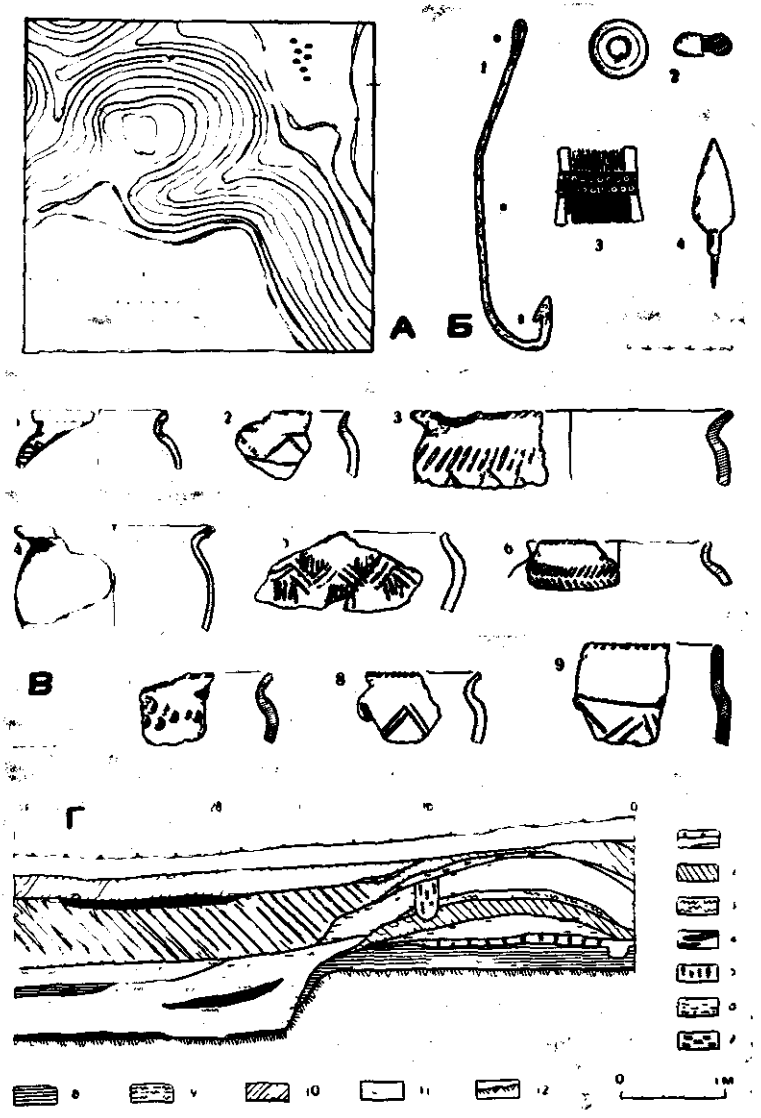


Рис. 11. Городище у с. Хитцы. А — план городища; Б — индивидуальные находки; В — керамика X в.; Г — разрез вала: 1 — дерн. 2 — сер. лесной суглинок, 3 — золистый слой, 4 — уголь, 5 — древесный тлен, 6 — коричневый суглинок, 7 — обожженная глина, 8 — белая глина, 9 — гумусированный суглинок с золой; 10 — серо-коричневый суглинок, 11 — желтый суглинок, 12 — материк.

ных весьма близко синхронных памятников типа городища Монастырище у г. Ромны, и в то же время сближает его с памятниками Средней Десны и Нижнего Сейма.

Возникшее после длительного перерыва, древнерусское поселение в основном располагалось на примыкающем к городищу селище, хотя укрепления его были возобновлены, столь активной жизни, как в роменское время, на городище в XII—XIII вв., видимо, уже не было.

Л. Н. ЛУГОВАЯ

ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В КУРГАНАХ ЮГА ПОЛТАВЩИНЫ

1. Археологическая экспедиция Полтавского краеведческого музея в 1978—1980 гг. и 1988 г. проводила охранные исследования курганов в зонах строительства оросительных систем на юге Полтавской области. В процессе этих работ было выявлено и исследовано 6 погребений средневековых кочевников, впущенных в курганы эпохи бронзы.

2. **СВЕТЛОГОРСКОЕ** с., Кобелякский р-н (кург. 1, п 1). Погребение находилось в центральной части насыпи высотой 0,9 м непосредственно под пахотным слоем. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой к западу на деревянном настиле. Кисти рук покоились на тазовых костях. Слева от погребенного и на одном уровне с ним находились череп и ноги коня. На черепе животного лежала половинка железного кольца от удил диаметром 4,7 см. Возле левой руки погребенного обнаружены железный однолезвийный нож, кремень и половинка прямоугольной железной пряжки. У ног погребенного находились обломки стремян с полукруглой узкой (2,5 см) подножкой и уплощенной дужкой. Под тазовой костью справа лежал железный четырехгранный стержень с одним обломанным концом.

БАБИЧЕВКА с., Глобинский р-н (кург. 2, п. 3). Погребение впущено в центральную часть насыпи высотой 1,1 м, сформировавшейся в ямное время. Погребальное сооружение не прослеживалось. От скелета сохранились кости ног и пальцев левой руки, по которым определяется вытянутое на спине положение погребенного и его западная ориентация. Под костями

прослеживался тонкий слой трухи от деревянного настила. У левой ноги погребенного были положены предметы конской упряжи: пара железных стремян, между ними фрагменты деревянной луки седла, слева на костях ног коня — железная пряжка. Справа от погребенного встречались мелкие фрагменты рассыпавшегося железного изделия. Стремена, с полукруглой узкой (3,7 см) подножкой в верхней нерасплющенной части петли, имели разрез для ремня. Пряжка — плоская овальная с вогнутыми длинными сторонами и подвижным язычком.

ОРЛИК с., Кобелякский р-н (кург. 1, п. 3). Погребение совершено в 2 м к северу от условного центра кургана высотой 0,9 м. Погребенный лежал головой на северо-запад вытянуто на спине. Слева от него, в той же ориентации, находились череп и кости ног коня. При погребенном выявлены: бронзовая пуговица в виде бубенчика грушевидной формы с петлей, крестовидной прорезью низа, украшенного резным орнаментом, и горошиной внутри; железные шарнирные ножницы с остатками ткани гроденаплевого (полотняного) переплетения; железные односоставные удила, зажатые в зубах коня.

ТИМАШОВКА с., Глобинский р-н (кург. 1, п. 1). Погребение обнаружено в центральной части насыпи высотой 1 м. Сохранившиеся в анатомическом порядке кости ног определяют юго-западную ориентацию и вытянутое положение погребенного. Сопутствующие вещи: железные удила без перегиба, железная скоба, а также зубы и кость ноги коня. Разрушенный череп коня, обнаруженный в насыпи соседнего кургана 2, вероятно, также представляет собой остатки кочевнического погребения.

ПЕТРАШОВКА с., Глобинский р-н (кург. 6, п. 1). Погребение находилось в насыпи кургана высотой 1,5 м в 3 м к северу от центра. Сверху перекрывалось тонким деревянным настилом. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой к востоку. Правая рука полусогнута в локтевом суставе. Справа от него и между ног находились череп (с западной ориентацией) и кости ног коня. Погребальный инвентарь представлен парными железными стременами с полукруглой узкой (2,7 см) подножкой и уплощенной округлой дужкой; 4-мя железными черешковыми наконечниками стрел, железным однолезвийным ножом, кремнем, фрагментом железной пряжки прямоугольной формы и несколькими неопределенными обломками железных изделий.

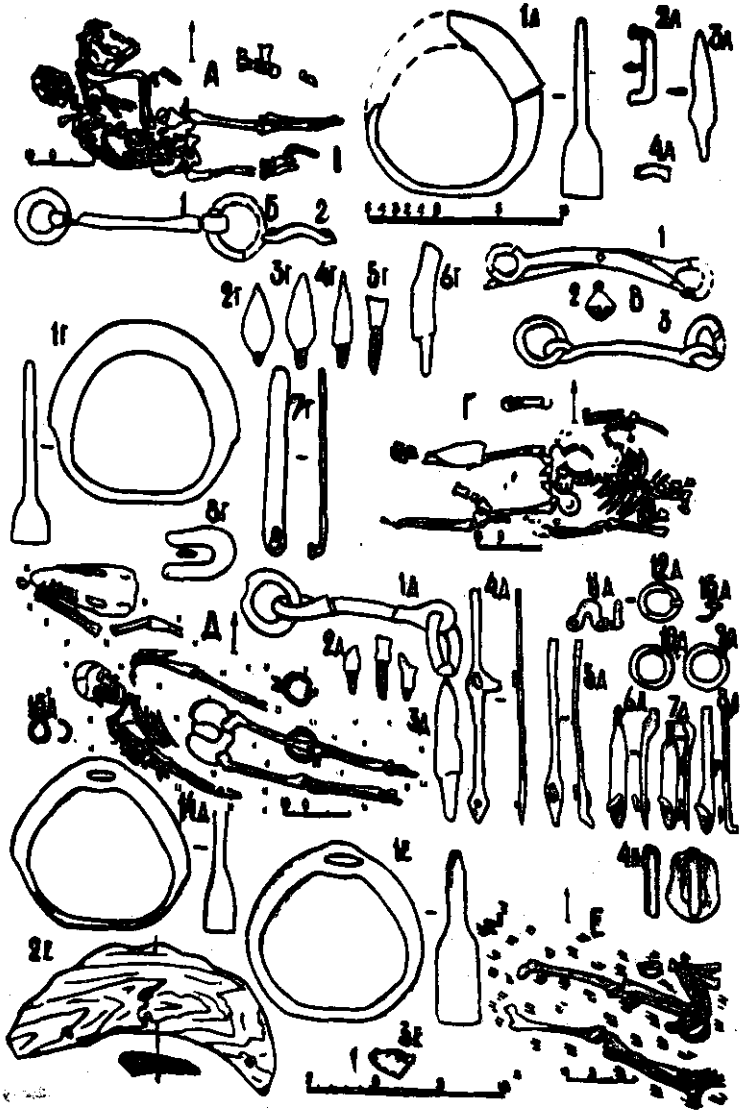


Рис. 12. Кочевнические погребения X—XI вв. на Полтавщине и находки из них: А (1—4)— с. Светлогорское, к. 1, п. 1; Б (1—2) — с. Тимашовка, к. 1, п. 1; В (1—2)—с. Орлик, к. 1, п. 3: Г (1—8) — с. Петрашовка, к. 6, п. 1; Д (1—15)— с. Кагамлык, к. 5, п. 1; Е (1—4) — с. Бабичевка, к. 2, п. 3.

КАГАМЛЫК с., Глобинский р-н (кург. 5, п. 1). Погребение совершено на вершине кургана ямного времени высотой 1,5 м. Яма не прослеживалась. Сверху над погребением был устроен тонкий деревянный настил. Скелет взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине головой на запад—северо-запад. Слева от него, в той же ориентации, находились череп и ноги коня. В зубах животного зажаты железные удила без перегиба. На колене левой ноги железные стремена с полукруглой узкой (3,3 см) подножкой и уплощенной с прорезью для ремня дужкой; между костями таза и левой руки — кремень; у ее предплечья — железный однолезвийный нож; возле головы— золотые серьги в виде простого несомкнутого кольца; вдоль правой руки, с внешней стороны, — бронзовая, круглая плоская пряжка и целый набор железных изделий: 2 кольца, скоба, гвоздик, 3 фрагмента черешковых наконечников стрел и несколько неопределенных фрагментов изделий, очевидно из состава конской упряжи.

3. Описанные выше погребения характеризуются единством погребального обряда и однотипностью сопровождающего инвентаря (рис. 12).

По типу погребального обряда (вытянутое на спине положение, западная ориентация, непременное захоронение чучела коня слева от погребенного и с той же ориентацией) их можно отнести к печенежским древностям X—XI вв. Не противоречат этой датировке и комплексы вещей из погребений, в состав которых входят стремена с полукруглой узкой подножкой и уплощенной дужкой с прорезью для ремня, удила без перегиба с кольцами небольших размеров, овальная подпружная пряжка с вогнутыми длинными сторонами, время бытования которых ограничивается X—XI вв.

Некоторые отличия в погребальном обряде прослежены в погребении из Петрашовки. Восточная ориентация погребенного, характерная для более позднего, половецкого времени, вероятно указывает на его смешанный печенежско-половецкий погребальный обряд и позволяет ограничить его нижнюю дату серединой XI в.

В. П. КОВАЛЕНКО, Ю. Н. СЫТЫЙ

ЛЕТОПИСНЫЙ УНЕНЕЖ

(К постановке проблемы)

Летописный Уненеж принадлежит к числу немногих древнерусских городов, не только история, но даже и местоположение которых до сих пор остается неизвестным. Причины такого явления кроются не столь даже в отрывочности и немногочисленности летописных известий, сколько в упоминании в письменных источниках XI—XII вв. сразу трех созвучных топонимов. Первым из них является «Нежатина нива» (1078 г.), но Новгородская I летопись содержит указание на ее расположение «у Чернигова». Вторым упоминается Нежатин (1147 г.), но из контекста ясно, что находится он на территории Переяславского княжества, где-то у р. Альты. Наконец, последний — Уненеж (1147 г.) — локализуется на юге Черниговского Задесенья. К сожалению, письменные источники не содержат сведений, позволяющих четко определить место расположения указанных топонимов и однозначно отождествить их с конкретными археологическими объектами. Вследствие этого, в отечественной историографии сложилось несколько гипотез по вопросу о локализации летописного Уненежа.

1. Уненеж = г. Нежин. Гипотеза сформулирована еще Н. М. Карамзиным, поддержана и развита К. А. Неволиным, Н. А. Надежденым, Д. И. Багалеем, Д. И. Иловайским, М. П. Погодиным, Филаретом (Гумилевским), М. Домонтовичем, М. Максимовичем, Н. Василенко, Н. Бережковым, В. Барвинским, А. М. Лазаревским, А. Н. Насоновым, А. К. Зайцевым и др.

2. Уненеж = г. Ивангород (П. В. Голубовский).

3. Уненеж = с. Омбыш (Н. С. Арцыбашев и Н. Е. Марков).

Особо отметим точки зрения Н. П. Барсова, относившего Уненеж к Переяславскому княжеству, и С. М. Соловьева — к городам, локализация которых неопределенна.

И хоть другая группа исследователей (А. Ф. Шафонский, Н. Е. Марков, С. М. Соловьев, Н. Гербель, Н. Аристов, В. Г. Ляскоронский, Н. П. Барсов, М. И. Лелеев) склонна была локализовать в г. Нежине Нежатину Ниву или Нежатин (или да-

же оба сразу), очевидно, что подавляющее большинство ученых (в т. ч. и современных) считают возможным отождествлять с современным Нежином летописный Уненеж.

Остатки укреплений и древнерусский культурный слой известны на территории современного Нежина, но находятся они на левом берегу Остра, т. е. на территории Переяславского княжества, в то время как Уненеж относился к Черниговскому. Однако, еще в конце XIX в. А. М. Лазоревским было высказано предположение о тождественности летописного Уненежа с городищем в ур. Городок (Узруй-коммуна, или Коммуна Красных Партизан) на правом берегу р. Остер. Его обследование показало, что памятник практически полностью уничтожен в ходе многократных перепланировок и перестроек. Следы оборонительных сооружений не прослеживаются. Культурный слой на сохранившихся участках содержит керамику XI — XIII вв., и XVII—XIX вв. Вблизи городища выявлено поселение XI—XIII вв. Однако стационарные исследования памятников еще не проводились.

И все же ряд археологических находок позволяет предположить, что уже в конце X в. здесь, при пересечении двух важных транспортных магистралей (водный путь Остер—Сула—Днепр и сухопутный — единственный проход между Смолежскими и Остерскими болотами), существовал крупный населенный пункт. В пользу этого свидетельствует знаменитый клад сребреников, найденный в 1852 г. на окраине Нежина Магерки, который включал около 200 монет Владимира Святославича (II—IV типов), Святополка и Петра (I—II типов). Кроме того, в 1962 г. при мелиоративных работах на Остре были найдены детали снаряжения конного дружинника XII в.: удила, стремена, фрагменты конского оголовья со следами серебрения и обрывки кольчуги.

Возможно, основание города, как и Лубен, следует связывать с градостроительной политикой Владимира Святославича 980-х годов, когда он «почя ставити городы по Десне, и по Оустрьи, по Трубешеви, и по Суле, и по Стугне».

А. Л. КАЗАКОВ, П. Н. ГРЕБЕНЬ

НОВЫЕ РАСКОПКИ ОСТЕРСКОГО ГОРОДЦА

Среди городов Переяславской земли, часть которых ныне находится на территории Полтавской области, одним из самых интересных, и в то же время малоизученных, является Остерский Городец.

Впервые письменные источники упоминают о нем в 1098 г., когда «...заложи Владимир город Востри». В XII в. Остерский Городец неоднократно упоминается на страницах летописи.

Занимая важное стратегическое положение на границе Киевской, Черниговской и Переяславской земель, город много раз переходил из рук в руки. Особенно бурным в его истории был XII в., что связано, в первую очередь, с активной политикой Юрия Долгорукого и его сына Глеба. Именно на это время приходится самый интенсивный рост территории города.

Остерский Городец постоянно привлекал внимание исследователей (А. Г. Розанов, В. А. Богусевич), но главным образом изучались остатки известной Михайловской церкви (М. А. Константинович, Н. Е. Макаренко). В наше время памятник неоднократно осматривался археологами (М. П. Кучера, О. В. Сухобоков, Ю. Ю. Моргунов, В. П. Коваленко, А. В. Шекун).

Но, несмотря на это, основные этапы существования города и сегодня остаются невыясненными.

Остерское городище (площадь ок. 0,7 га) округлое в плане, расположено в южной части современного города, на правом берегу р. Остер. С севера, запада и востока его окружает большой посад, который имеет три линии укреплений, сохранившихся до наших дней (улицы Кирова, Дзержинского, Сеспеля, Коммунаров). Общая укрепленная площадь города составляет не менее 60 га.

На правом берегу р. Остер, на юг и запад от детинца, размещался посад древнего города. Некоторые улицы Остерского

посада и сейчас сохраняют характерное название — Старогородская, Посадская.

В 1987 г. в Остре начаты работы экспедиции Черниговского исторического музея. В центральной части города (детинец, окольный город), а также на подоле были проведены небольшие разведывательные работы. Траншеей (4 х 12 м) перерезана западная часть площадки городища, где выявлен культурный слой мощностью 1,8—2,0 м, сильно поврежденный позднесредневековыми перекопами. В этом месте комплексы, относящиеся к периоду ранее XII в., отсутствуют. Но в переотложенных слоях обнаружены обломки керамики конца XI в. Остатков вала по стратиграфии не зафиксировано.

Вал окольного города был перерезан в северо-западной части траншеей 2 х 6 м. В настоящее время он имеет высоту 2,5—3,0 м при ширине 6—8 м. Насыпь возведена из культурного слоя, в котором встречаются фрагменты керамики XI—XII вв., но у его подошвы материалов XII в. не обнаружено.

В западной части подола обнаружен культурный слой мощностью 0,6—2,4 м. Его нижний горизонт сильно насыщен керамикой XII—XIII вв., а в верхних слоях имеются фрагменты посуды XVII—XVIII вв.

В ходе исследований в различных частях старого города собраны археологические материалы: предметы быта — ножи, замки, точильные бруски, костяные накладки и проколки, фрагменты голосников и амфор, в т. ч. с граффити и т. п.

Особенно следует выделить большое количество обломков стеклянных браслетов (около 100 экз.) на сравнительно малой площади (48 кв. м) первого раскопа.

Таким образом, значительное количество керамики, найденной на территории окольного города, свидетельствует о том, что он был заселен не позднее середины XI в.

Наиболее вероятно, что в конце XI в. небольшой природный холм, находящийся на правом берегу р. Остер, занимая господствующее положение над окружающей поймой, был обнесен укреплениями и стал детинцем. Позже или одновременно с ним появляется еще одна линия укреплений на территории окольного города.

Будущие полевые исследования дадут возможность более точно установить дату возникновения города и формирования третьей и четвертой линии городских укреплений.

А. В. ПОТАПОВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ФАУНЕ ДРЕВНЕГО ОСТЕРСКОГО ГОРОДЦА В XII—XIII ВВ.

В результате археологических работ, проведенных в 1986 г. на территории детинца древнего Остра, получен значительный остеологический материал, требующий статистической обработки и интерпретации. 342 экз. костных остатков происходят минимально от 55 особей домашних и диких животных. На долю домашних животных приходится 327 (95,6%) костей, которые принадлежали 47 особям (85,5%).

По видовому составу домашние животные распределяются в таком соотношении: а) крупный рогатый скот — 78 костей от 17 особей — 36,1%; в) свинья — 105 экз. костных остатков, которые принадлежали 14 особям — 298%; г) конь — 19 костей от 3 особей — 6,4%.

Низкий процент коня в сопоставлении с другими видами по количеству особей наглядно демонстрирует небольшую роль данного животного как поставщика мясной продукции на исследованном участке памятника.

Анализ материала и возрастной состав дал для домашних животных следующие данные:

молодых	— 21 особь (44,6%),
полувзрослых	— 7 особей (15%),
взрослых	— 19 особей (40,4%).

Преобладающее количество молодняка принадлежит мелкому рогатому скоту (10 особей) и свинье (8 особей). Доминирующее положение среди взрослых особей принадлежит крупному рогатому скоту (10 особей).

Среди диких животных по остеологическим остаткам обнаружены только копытные. Исследуя видовой состав диких животных, которым принадлежит 15 особей от 8 (14,5%) животных минимально, получена следующая картина.

благородный олень	— 1,
лось	— 5,
косуля	— 2.

Дальнейшее изучение древнего Остра, одного из городов Переяславского княжества, на предмет фауны значительно скорректирует или внесет исправления в процентное соотношение между животными дикими и домашними.

В. Н. НОВИЦКАЯ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ГОРОДА ПОЛТАВА

Время основания города Полтавы до сих пор окончательно не установлено, как не выяснено и происхождение его названия. Единственным древнерусским источником, упоминающим Лтаву, отождествленную с Полтавой, считается запись Ипатьевской летописи под 1174 г. (1171 г. по пересчету Н. Г. Бережкова): «...Игорь Святославичь ...поиха противу Половцемь, и переиха Вросколъ оу Лтавы (вариант: Волтавы) къ Переяславлю... (ПСРЛ. Т. 2, 1962, С. 568). Под названием «Полтава» город впервые упоминается в 1430 г. в родословии князей Глинских.

Основываясь на свидетельстве Ипатьевской летописи, В. П. Семенов отмечал: «Существует предположение, что первое поселение находилось в урочище Олтаве, по которому протекала река: по имени этой последней поселение названо «по Олтаве» (ИГОНО, Т. VII, 1903, С. 294). Это мнение является наиболее распространенным. Однако, при более внимательном рассмотрении этой версии создается впечатление искусственности способа образования названия «по Олтаве», который не имеет аналогов в современной топонимике. В этой связи интересно мнение Л. В. Падалки о самостоятельности названия «Полтава». Имя «Лтава», если бы его принять в таком виде, стояло бы совершенно изолированно в ряду других племенных обозначений в южных пределах великой равнины, — и в нем, в этом имени «Лтава», мы не нашли бы внутреннего смысла (Падалка, 1914. С. 34). В документах, вплоть до XVII в., город иногда называется Плотавой (Платавой), что требует иного объяснения происхождения названия города. Существование параллельных названию «Полтава» гидронимов с тем же корнем ПОЛТ — на территории Украины (напр.: Полтва в басс. Горыни, Полтва во Львове и др.) позволяет сделать предположение о самостоятельности названия «Полтава». Какое же название имела река, на которой возникло поселение? В современной топонимике существует следующая закономерность: «...После того, как город получает название по реке, на которой основан, название самой реки во избежание омонимии — совпадения — приобретает уменьшительную форму» (Горбаневский, 1983. С. 15). Это

свойственно для словообразования славянских гидронимов. Так, р. Орел — г. Орел — р. Орлик, р. Коломна — г. Коломна — р. Коломенка и др. По нашему мнению, вполне возможно, что первоначально именно река имела название Полтава (Плотава), возникшее поселение было названо по реке Полтавой, а вследствие этого река получает производную форму с диурентным суффиксом -к- Полтавка, которая существует под таким названием до настоящего времени.

Какова же семантика названия 'Полтава'? Лингвистический анализ показывает, что оно состоит из корня ПОЛТ- и суффикса -АВА. Архаичный суффикс — АВА сохранился в славянских, балтийских и готском языках. Здесь необходимо учитывать, что для славянских языков очень характерны балтийские и готские заимствования. До настоящего времени в латышском языке суффикс -АВА обозначает 'место', 'вместилище'. В готском -АВА — 'река', 'вода'. Именной корень ПОЛТ-, ПАЛТЕ— в переводе с латышского означает 'лужа'. Если считать, что первоначально река называлась Полтавой, то семантика ее названия может расшифровываться как ПАЛТЕ-АВА — 'мокрое место, т. е. маленькая, мелкая, неполноводная река. Что касается семантики древнерусского корня ПОЛТ-, ПЬЛЬТ-, то он, — по мнению Л. В. Падалки, — выражает понятие о плетне или заборе, об ограждении. Таким образом, наименование ПОЛТ-АВА может выражать еще и понятие об огражденной, т. е. пограничной со степью реке.

Судя по тому, что названия с суффиксом -АВА отсутствуют в топонимике Болгарии и Южной Сербии, можно полагать, что в славянских языках этот суффикс утратил свою дееспособность уже к началу балканских войн (Кобычев, 1973, с. 136). Тем самым можно приблизительно определить и время названия реки или поселения — не ранее конца VI—начала VII вв., если считать это название славянским. Такого же мнения придерживается В. П. Семенов, считая, что известность Полтавского края относится к глубокой древности, а именно к исходу VII в. Археологические изыскания И. И. Ляпушкина в 1940 и 1945 гг. свидетельствуют, что на территории Полтавы в VIII в. существовало славянское поселение, отнесенное к роменским древностям. В 60-х годах в бассейне Ворсклы (в том числе у села Абазовка, близ Полтавы, было найдено несколько сельских славянских поселений середины — третьей четверти 1 тысячелетия н. э. (Третьяков, 1982, с. 95). Нужно сказать, что неко-

торые исследователи подвергают большому сомнению славянскую принадлежность топонимов и гидронимов с формантом --АВА. Поэтому, на данном уровне исследования, первоначальную семантику названия 'Полтава' с полной уверенностью определить все же нельзя. Окончательный ответ возможен лишь в том случае, если будет определена этническая принадлежность названия 'Полтава', что позволит определить и время основания города. Думается, что будущие археологические исследования территории Полтавы позволят расширить хронологические рамки ее древней истории.

Г. П. ЗАИКА, А. Г. ЗАИКА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ЛИНИИ

Среди исторических памятников Полтавщины, а также Харьковской и Днепропетровской областей, значительный интерес вызывает одно из самых крупных фортификационных сооружений XVIII в. — Украинская линия.

С целью защиты южных границ русского государства от набегов татарских орд Причерноморья и Оттоманской Порты в первой половине 30-х годов XVIII в. между Северским Донцом и Днепром, по рекам Берестовой и Орели, усилиями десятков тысяч людей сооружается Украинская оборонительная линия с множеством крепостей, редутов, реданов и форпостов. Вскоре она становится северной границей театра военных действий в русско-турецкой войне 1735—1739 гг.

История возведения и обороны Украинской линии в той или иной мере нашла свое отражение в дооктябрьской и советской историографии. Тема затрагивается в трудах Ф. Ласковского, А. К. Байова, Д. И. Багалия, А. Скальковского, В. М. Кабузана, В. А. Голобуцкого, Е. М. Апанович, А. Г. Слюсарского и др. Но монографического исследования, подобного работам В. П. Загровского о Белгородской и Изюмской черте, еще не создано.

Если сопоставить данные различных авторов, то они настолько противоречивы, что без критического осмысления всего ранее написанного и знакомства с архивными документами, истину установить трудно. Например, нелегко разобраться с количеством и особенно с названием крепостей. С учетом их офи-

циальных переименований в 1738 г. известно 18 различных вариантов количества, порядка расположения и названия крепостей.

Ф. Ласковский под 1731—1832 гг. крепости располагает, начиная от Северского Донца, в следующем порядке:

«1. Донецкая, при устье речки Сухой Беречки; 2. Бузовая, при Бузовом плессе; 3. Кисель, при речке Кисель; 4) Лузовая, при речке Лузовой; 5. Берецкая, при верховьи речки Береки; 6. Троецкая, при Тройчатых буераках; 7. Св. Прасковии; 8. Св. Иоанна; 9. Девятая, между крепостями св. Прасковии и св. Иоанна; 10. Десятая, при Пархомовых буерах; 11. Новая (Дриецкая), при устье р. Берестовой; 12. Крутоярская на р. Орле; 13. Нехворошская, при р. Орле; 14. Маячковская, близ местечка Маячки; 15. Пятая из новых, близ Царичении; 16. Шестая, при устье р. Очепа» (Ласковский, 1865. — Ч. III. — С. 69—70).

Под 1766 г. Ф. Ласковский перечисляет крепости, начиная от Днепра, в ином порядке (там же, с. 716):

«1. Борисоглебская, 2. Ливенская, 3. Васильевская, 4. Рясская, 5. Федоровская, 6. Козловская, 7. Белевская, 8. Св. Иоанна, 9. Орловская, 10. Св. Параскевии, 11. Ефремовская, 12. Св. Алексея, 13. Св. Михаила, 14. Слободская, 15. Тамбовская, 16. Св. Петра» (рис. 13).

Своеобразный перечень крепостей Украинской линии и порядок их расположения, вызывающий недоумение у исследователей, помещен у А. Скальковского (Скальковский, 1836. — Ч. I. — С. 48).

Д. И. Багалей размещает крепость «Нехворошская» близ местечка Маячки (Багалей, 1887. С. 303). Е. М. Апанович утверждает, что после 1738 г. Нехворощанская крепость стала называться Рясской, Маячковская — Васильевской, а Шестая (при устье р. Очепа) — Ливеновой. (Апанович, 1969). Вместе с тем, общеизвестно, что вблизи Нехворощи находилась крепость Васильевская, вблизи Маячки — Ливенская, а в устье р. Очепа — Борисоглебская.

А. Г. Слюсарский также допускает ряд неточностей (Слюсарский, 1954. С. 131). Один из главных строителей Украинской линии генерал-майор де-Бринн (встречается де-Бриньи, Дебриньи) становится просто «майор Дебриньев»; крепость Переволочна почему-то отнесена к Украинской линии; вместо крепостей Царичанской, Ливенской и Рясской появились «Царицинськ», «Липенська», «Рязанська».

УКРАИНСКАЯ ЛИНИЯ

Рис. 13. Украинская линия (по Ф. Ласковскому).
Земли полков:
1 — Тамбовского, 2 — Слободского, 3 — Ефремовского, 4 — Орловского, 5 — Белевского, 6 — Козловского, 7 — Ряжского, 8 — Ливенского, 9 — Борисоглебского.

Таким образом, и количество крепостей, их названия и порядок расположения, разные авторы определяют по-разному.

Важное место в обороне Украинской линии отводилось редутам. Количество редутов различные авторы определяют по-разному — 15, 49, 56, 142, 200 и «значительное число».

Нет единого мнения и относительно протяженности Украинской линии. Цифры приводятся самые разнообразные — от 285 км до 400 верст.

Нет единого мнения относительно периода строительства, количества участников сооружения линии, численности войск, ее охранявших, времени заселения ландмилицкими полками. По-разному трактуется социально-экономическое и военно-политическое значение линии. В ее истории слабо отражены героизм и патриотизм, тяготы и лишения солдат русской регулярной армии и ландмилиции, украинских казаков и посполитых, борьба угнетенных масс, слабо показаны примеры дружбы между братскими украинским и русским народами. В освещении данной темы вовсе отсутствуют важнейшие источники познания истории края — археологические, этнографические, топонимические и фольклорные.

Надо полагать, что в ряде музеев имеются некоторые памятники, связанные с историей Украинской линии. Но пока известно их немного. Например, в 1988 г. краевед И. В. Вовкун из с. Ливенское подарил Полтавскому краеведческому музею солдатский котелок, изготовленный из меди. Его высота 15,2 см, диаметр 17 см, толщина стенок — до 0,1 см. Края котелка в верхней части имели небольшой рубец с загибом наружу; вверху находились две проушины для крепления металлической ручки. Сохранилась одна проушина, согнутая из толстой (до 0,5 см) медной проволоки. Крепится она к котелку овальной медной пластиной размером 4,8 х 3,4 см и двумя медными заклепками. В верхней наружной части корпуса нанесена острым предметом хорошо сохранившаяся надпись «Антонъ Астапенко», указывающая имя его владельца (рис. 14). Котелок, с большой вероятностью, принадлежал ландмилиционеру (поселенному воину) Ливенского ландмилицкого полка. Он найден в массиве одного из реданов Украинской линии в Максимовском овраге в ур. Червонивка, севернее с. Ливенское Новосанжарского района в 1987 г.

При проведении описи Полтавского полка по р. Орели значковым товарищем Данилом Захариевым и писарем Сокольской

Рис. 14. Медный котелок из окрестностей с. Ливенское Новосанжарского района и прорисовка надписи на нем.

Антонъ астапенко

сотни Семеном Ивановым весной 1731 г. среди коренных казаков и посполитых Маячковской сотни фамилия «Астапенко» еще не встречается: Пикинеры Донецкого полка, как правило, не поселялись. Фамилия же «Остапенко» широко распространена в этой местности и в настоящее время. Таким образом, находку можно датировать серединой 30-х годов XVIII в.

Укрепления Украинской линии необходимо окончательно избавить в литературе от отождествления со Змиевыми валами и древними городищами, которых нет в Поорелье. Необходимо принимать во внимание и наличие многочисленных противотанковых рвов, сооруженных вдоль рр. Орели в сентябре 1941 г.

При современных условиях представляется возможным воссоздание одной из крепостей; к примеру Ливенской, имеющей уникальную фортификационную архитектуру. Ее остатки находятся в центре с. Маячка, южнее конторы колхоза им. Щорса. Эта крепость первоначально была построена в виде бастионного четырехугольника, но оказалось слабой. Комиссией, под председательством фельдмаршала Миниха, заседавшей в Изюме 5 февраля 1736 г., был утвержден новый проект — в виде пятиугольника со стороной 120 сажень с двумя равелинами на фронтах. Возможно также воссоздание и части линии с редутом и другими инженерными сооружениями того времени. В крепости можно организовать краеведческий музей интереснейшего, но слабо изученного региона — бассейна р. Орели. Остатки Украинской линии во многих местах хорошо сохранились и до настоящего времени. Поэтому необходимо этот уникальный памятник поставить на государственный учет и под охрану как ценный объект фортификационной архитектуры. Многоплановые вопросы истории Украинской линии незаконно забыты. Они ждут широкого освещения в специальной, научно-популярной и художественной литературе.

Л. Г. СИВОЛАП

СПЕЛЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ В г. УМАНЬ

1. Изучение подземной части средневековых городов Украины проводилось в 1970—80-х гг. спелеоархеологической группой под руководством А. Б. Авагяна, и опыт подобных работ был использован при обследовании подземных сооружений в

г. Умань, осуществленных летом 1988 г. по заданию правления Черкасской областной организации общества охраны памятников истории и культуры.

2. В ходе обследования было выяснено, что подземелья сосредоточены, в основном, в районе старого города, вокруг центра и в кварталах, примыкающих к заповеднику «Софиевка». Наиболее перспективны для дальнейших обследований подземные ходы в районе рынка.

3. Здесь открыто подземное сооружение, центральный ход которого имеет направление с ЮВЮ на СЗС и представляет собой коридор шириной 1,3—1,5 м, высотой 1,5—1,7 м и длиной 20 м. Большая его часть, с овальным сводом, обложена кирпичом. Там, где кирпичная кладка заканчивается, форма свода подземелья не типична для лессовых пещер Украины: закругленные линии свода сходятся к вершине под углом.

В средней части центральный коридор подземного хода завершается монолитной лессовой стенкой, нарушенной обвалами. Боковые ответвления подземелья, которых насчитывается восемь (три западных и пять восточных), обложены кирпичом лишь в той части, которая примыкает к центральному коридору. Ответвления имеют длину до 5 м и все, кроме первого от входа, восточного, заканчиваются монолитными стенками, в различной степени нарушенными обвалами. Первое от входа восточное ответвление имеет полузасыпанное, зауженное продолжение, которое очень сильно нарушено обвалами и имеет направление на восток. Просматриваемая длина этого хода составляет 3—4 м.

Данное подземное сооружение, по-видимому, имело основным хозяйственное назначение, но в период осады, штурма или захвата города могло использоваться как укрытие или скрытый выход из уманской крепости, на территории которой оно и расположено.

4. Район бывшей уманской крепости изобилует следами древних подземных сооружений. На основе обследования мест провалов и отдельных подземелий, сбора информации от очевидцев была составлена примерная карта расположения этих памятников в данном районе, а также в других частях города. В целом на карте отмечено около 30 пунктов действительного или предположительного расположения подземелий.

5. Ввиду недостаточной разработанности вопроса о классификации и хронологии подземных сооружений, в данное время,

на начальном этапе изучения, уманские подземелья могут быть датированы в пределах XVII—XIX вв. Уточнение даты каждого отдельно взятого памятника возможно на основании дальнейших спелеоархеологических исследований.

6. Исходя из полученной в ходе обследования информации, можно сделать вывод, что город Умань действительно имеет целую сеть совершенно неизученных подземелий. Многие из этих памятников уже безвозвратно уничтожены при современном строительстве. Но некоторая их часть сохранилась и представляет определенный интерес для науки. Изучение этих памятников необходимо для того, чтобы составить цельную картину системы фортификационных, хозяйственных, культовых и др. сооружений позднесредневековой Умани, для выяснения общих вопросов ее истории. В дальнейшем отдельные подземелья, после реставрации, могут быть музеефицированы и использованы как оригинальная экспозиционная площадь. Кроме того, картографирование сети старых подземных ходов имеет важное народнохозяйственное значение, т. к. они могут представлять скрытую опасность для современных сооружений.

И. Н. НАЛИВАЙКО

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛИТРОВАРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПОЛТАВЩИНЕ

Значительное количество остатков курганных насыпей, разрушенных селитроваренным производством XVII—XIX вв., известно на Полтавщине. Они наглядно свидетельствуют о масштабах хорошо организованного позднесредневекового промысла и его географии. Наиболее типичные остатки селитроваренного производства — майданы неоднократно описывались и картографировались археологами (И. А. Зарецкий, В. Г. Ляскоронский, Н. Е. Макаренко, М. Я. Рудинский и др.). Итоги исследований предшествующих лет обобщены (В. П. Андриенко). Новые полевые исследования в Глобинском, Козельщинском и Новосанжарском районах области последних лет (В. П. Андриенко, Л. Н. Луговая, И. Т. Черняков) позволят, видимо, пролить свет на еще далеко до конца не решенные проблемы, связанные с происхождением, датировкой майданов и майдановидных сооружений.

Важным этапом в изучении и сохранении этих ценных памятников истории производства, исторического ландшафта, археологии, наконец, сырьевого источника для улучшения плодородия почвы является проведенный членами секции памятников археологии Полтавской областной организации Общества охраны памятников истории и культуры учет и картографирование майданов в бассейнах Псла, Ворсклы, Сулы и Орели в 1986—1988 гг.

Не менее важно и изучение истории становления селитроваренного производства на Полтавщине.

Еще Г. Боплан указывал, что «казаки весьма искуссны в добывании селитры, которою изобилует Украина, и в приготовлении пушечного пороха».

Постоянные грабительские войны, которые вела Речь Посполитая, непрерывные военные походы, подавление выступлений украинского народа за свою независимость требовали большого количества пороха. Именно это обстоятельство и заставило королевское правительство выделить в отдельное «государство» все места с селитроваренными промыслами. Для руководства ими была создана специальная администрация, которой подчинялась почти вся Левобережная Украина. Первое же место в «селитроваренном государстве» принадлежало Полтавщине.

Польский король Сигизмунд III 21 августа 1621 г. издал специальный указ, которым назначил шляхтича Бартоломея Обалковского управителем селитренных варниц в Киевском воеводстве и на Левобережной Украине, а также передал ему во владение небольшие города Березань, Быково, Яблунево и Миргород с селами и хуторами. В нем, в частности, говорится: «Разрешаем Бартоломею Обалковскому и даем ему полную власть и силу вырабатывать эту селитру во всей Киевской земле и по всей Украине: в диких полях Белгородских, Очаковских, Путивльских, около Муравских Татарских шляхов, и возле рек Псел, Ворскла и Орели, и во всех пустощах, где бы находились годные для производства селитры городища, могилы и прочие места, какие бы он мог усмотреть и обеспечить, и распоряжаться так, чтобы это обращалось к наилучшей выгоде нашей и Речи Посполитой».

Приведенный документ свидетельствует о том, что «селитренное государство» охватывало значительную территорию. В королевскую казну поступала значительная прибыль от селит-

ренных промыслов. Одним из наиболее значительных центров селитренного производства является район с. Бельск. Тут разрабатывались под селитру крупные насыпи курганов некрополя Бельского городища в ур. Скоробор, валы его Западного укрепления. Производство селитры здесь производилось майданным способом.

За особые заслуги перед королевством Обалковскому в 1630 г. королевской грамотой была пожалована «пустая слобода» Полтава «на реке Ворскле, над шляхом Муравским». Полтава отдавалась в собственность «со всеми полями, лугами, грунтами, лесами, озерами, реками и иными принадлежностями», с правом основания сел и городков. Но в грамоте четко было записано, что владелец не имеет права производить поташ в лесах и пущах, а также добывать селитру, соль и металлы.

О том, что польское правительство всегда оставляло за собой исключительное право на селитренные промыслы, свидетельствует и такой документ. Скарбовый писарь шляхтич Петр Мировицкий за верную службу 16 февраля 1632 г. получил от короля в награду «2 пустых городища, называемые Глинск и Бельск, выше Полтавы, над рекой Ворсклой, за рекой Псел, возле кургана, называемого Скоробор». Далее указывалось, что, «получив вышеназванные имения в свое владение и пользование со всеми землями, полями, лугами, сеножатями, боронами, лесами, пасеками, реками, озерами, прудами, мельницами, корчмами и со всеми прочими принадлежностями, которые заключаются в их границах, шляхетный Петр Мировицкий волен будет очищать и заселять их как села; населять подданными со всякими доходами, которые могут быть измышлены его ловкостью, исключая, однако, селитру и лесные товары, которые без особого нашего распоряжения не могут изготовляться».

Но украинский народ никогда не склонял голову перед поработителями, и с оружием в руках защищал свою землю. Множество казацких селений, не выдержав угнетений шляхты, переселялось в Московское государство, к своим единокровным братьям. Рабочие, обслуживающие «буды», тайно от польской администрации переправляли селитру повстанцам и на пороховые заводы России. Широкое распространение таких действий, особенно в канун освободительной войны, заставило польского короля Владислава IV издать 20 января 1643 г. специальный универсал о запрещении вывоза селитры из Украины в Русское и др. государства. В нем, в частности, говорилось, что «находят-

ся такие люди, которые, несмотря ни на закон, ни на наши универсалы, осмеливаются украдкой и необычными дорогами вывозить селитру в Москву»...

Вероятно, «селитренное государство», созданное польским правительством, прекратило свое существование в годы освободительной войны 1648—1654 гг. Но и после воссоединения Украины с Россией полтавский край не утратил славы одного из крупнейших поставщиков сырья для производства пороха. Даже через два столетия, в 1848 г., в Полтавской губернии действовало 88 селитренных заводов, давших селитры на 324 тыс. руб. лей.

А. М. ТКАЧЕНКО

КУРГАНЫ ЛОХВИЦКОГО РАЙОНА

В ходе работ по подготовке «Свода памятников истории и культуры народов СССР» по Полтавской области сотрудниками Полтавского краеведческого музея проводились обследования территории Лохвицкого района Полтавской области с целью картографирования курганов и установления состояния известных по архивным и литературным источникам памятников. До этого времени о курганах района имелись неполные сведения (Макаренко, 1917; Сидоренко, Махно, Телегін, 1982).

В результате работ картографировано 418 насыпей — 19 майданов, 100 курганных групп и 131 одиночный курган. Около 300 из них обследовано впервые.

Три четверти курганов расположено на господствующих возвышениях плато и водоразделах на расстоянии более 2 км от речных долин. Высота курганов обычно не превышает 2 м, хотя имеются насыпи, достигающие 4—7 м.

Из всех курганных насыпей только 50 осталось задернованными. Они находятся у сел Вишенки, Дедов Яр, Западинцы, Свиридовка, Сенча, Харьковцы, Червоные Луки, Червоная Слободка и др. Около половины всех курганов расположено в северной и западной частях района. Самая высокая насыпь — Красная могила — возвышается в 3,2 км к северу — северо-западу от с. Свиридовка. Это майдан, высота которого достигает 7 м. В плане он имеет подковообразную форму с проходом с северо-востока.

Одна из самых крупных курганных групп находится между сс. Песочки и Червоные Луки. Она расположена на пологом склоне плато левого высокого берега р. Сулы. Состоит из девяти распахиваемых насыпей, вытянутых неровной цепочкой в широтном направлении на 0,5 км. Высота курганов 0,4—1,6 м, диаметр 10—25 м.

Еще большее количество курганов выявлено севернее поселка Выришальный. Это четыре курганные группы, вытянутые по оси восток—запад. В их составе 23 распахиваемых кургана. Расстояние между группами от 0,7 до 1,5 км. Высота курганов 0,3—1,6 м, диаметр 8—30 м. Известные по публикациям курганы у сс. Бербеницы, Бсдаква, Васильки (Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 65) разрушены или повреждены распашкой.

Проведенные разведки позволят включить указанные курганы в «Свод памятников истории и культуры», наладить их охрану и осуществить постановку на государственный учет.

В. Н. ЖУК

ПОДЗЕМЕЛЬЯ — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КРЕПОСТЕЙ ПОВОРСКЛЬЯ

В древности подземные ходы густой сетью пронизывали не только территорию Полтавской крепости — Старого города, но и форштадта (предместья), от Солнечного и Петровского парков до Круглого переулка с юга на север и от ул. Парижской Коммуны до ул. Шевченко с востока на запад. В форштадте были зафиксированы в разные времена провалы, свидетельствующие о сети подземных ходов, в районе нынешней ул. Октябрьской, Комсомольской, Гоголя, Котляревского, Шевченко и др.

Дореволюционные исследователи И. А. Зарецкий, В. Е. Бучневич, Л. В. Падалка и др., а также многие старожилы Полтавы подтвердили местонахождение в различных частях старой крепости и форштадта искусственно сооруженной целой системы подземных лабиринтов, входов, выходов-лазов, люков типа колодцев для спуска в подземелья. Они, в основной массе, располагались на глубине 3—6 сажен (6,3—12,6 м) от поверхности. Высота их была в человеческий рост и более, ширі-

на — 3 и более аршин (аршин = 71,12 см). Существовали и большие подземные погреба. Обследованные полтавские подземелья были во многих местах укреплены дубовыми креплениями-ставнями или кирпичом, которые исследователи относили к XVII—XVIII вв.

При застройке Полтавы в послевоенные годы были обнаружены подземелья далеко за пределами Старого города и форштадта: в районе ул. Фрунзе и Баяна, на Кобыщанах и Павленках. Имеются подземелья и на Монастырской горе.

Известно, что летописная Лтава была разрушена ордами Батыя. Только в XIV в. мы встречаем в документах название Полтава, когда вел. кн. литовский Витовт подарил Полтаву, Глинск да Глиницу в 1430 г. татарскому мурзе, выходцу из Золотой Орды Лексаде Мансурксановичу — Александру Глинскому, родоначальнику князей Глинских. Известно также, что тогда же Лекса — Александр Глинский соорудил крепости в этих поселениях. С конца XV ст. начинаются набеги не менее опасных врагов, чем предыдущие, — крымских татар, которые отделились от Золотой Орды и стали вассалами Турецкой империи. Еще при Витовте, с целью защиты юго-восточных и южных окраин Литовского княжества, начинается возрождение старых или сооружение новых городов-крепостей Поворсклья. По мнению исследователей полтавских подземелий XIX в., еще в столь отдаленные времена, население Полтавщины стало использовать подземные сооружения для укрытия.

Среди многочисленных набегов крымских татар на украинские земли особенно опустошительным было нападение хана Менгли-Гирея 1482 г. Вероятно, тогда снова была уничтожена деревянная крепость Полтава и все поселения вокруг нее, так как до начала XVII в. она упоминается в документах, как «слобода пустая», «пустеля». Возрождается Полтава уже в первых десятилетиях XVII в.

Ко времени Северной войны все укрепления города обветшали. Полтава защищена была очень слабо. Поэтому, когда стало известно, что Карл XII повернул со своими войсками на Украину, Петр I направил сюда гарнизон русских войск во главе с полковником А. С. Келиным. На протяжении зимы 1708—1709 гг. этот гарнизон — около 4200 человек и 2500 казаков Полтавского полка — отремонтировали, возобновили укрепления, в т. ч. и подземные. Вероятно, часть подземых ходов была продлена, сооружена вновь. Это и ввело в заблужде-

ние некоторых историков, считавших, что подземные сооружения были созданы на рубеже XVII—XVIII вв. или в начале XVIII в. Как известно, полтавские подземелья широко использовались защитниками крепости Полтава во время почти трехмесячной осады ее шведами, с 1 апреля до конца июня 1709 г.

На территории Полтавщины было много городов-крепостей, составной частью фортификации которых были подземные ходы. До рубежа XIX—XX вв. хорошо сохранились подземные ходы в бывшем сотенном, затем волостном местечке — Великих Будищах (ныне село Диканьского р-на), которое в свое время было по количеству населения значительно больше Полтавы. Здесь подземные ходы сооружены по тому же принципу, что и в Полтаве. Один из таких подземных ходов Великих Будищ был обследован в конце XIX в. на расстояние 20—25 метров. Ширина хода достигала 3-х метров, высота — больше человеческого роста. Он был аккуратно выструган в глинистой почве, вверху имел полукруглый свод. Во время Северной войны в Великих Будищах со 2 марта до конца апреля 1709 г. находилась штаб-квартира Карла XII. Большинство жителей местечка тогда стояло лагерем в лесу на правом берегу Ворсклы, откуда совершались набеги на шведов и мазепинцев. Население прятало провиант, одежду, ценные вещи в подземных тайниках, которые устраивали в селах, лесах, на полях. Прежде, чем проникнуть в эти глубокие подземелья, надо было пробираться специальными лазами, длиной в 11—12 футов (фут — ок. 30,38 см).

Подземные ходы были и в древнем центре гончарства Опошне (ныне поселок Зеньковского р-на), которая была одним из хорошо укрепленных пунктов Поворсклья. До начала XX в. вблизи поселка сохранялись остатки древнего городища и подземных ходов, хотя высокие берега Ворсклы уже поросли вековым лесом, а местность эта издавна разрабатывалась: население брало здесь глину для гончарных изделий.

В бурных событиях конца XIV в. были уничтожены крепости в Бельске и Кузмине. И можно предполагать, что были там и подземные укрепления. Тем более, что остатки бельской каменной крепости сохранялись хорошо еще до конца XVIII в.

Л. В. Падалка собрал в начале XX в. сведения от местных корреспондентов о следах подземных сооружений в ряде населенных пунктов Полтавщины, в т. ч. вблизи Диканьки, на правом берегу Ворсклы, посреди векового леса, где существовала

глубокая пещера. Как подтвердила автору полтавская старожилка Н. В. Андреева, в 1940-х гг. она сама спускалась в одно из таких больших подземных укрытий в Парасоцком лесу. В этом подземелье могли даже поместиться лошади с подводами. Это подтверждает рассказы старожилов, записанные дореволюционными историками, в которых говорилось, что часто в подземельях население пряталось со всем своим домашним имуществом и даже со скотом.

Подземелья составляли часть укреплений и ниже по Ворскле: в Старых Санжарах (ныне село Решетники Новосанжарского р-на), Беликах, Кобеляках, других поселениях, которые основаны были в XVI—XVII вв. и находились во владении Немиричей.

Следовательно, подземелья, как часть крепостных укреплений, — это довольно частое явление (если не обязательное) в наших городах в древности. Эти же выводы делает и советский исследователь городов Левобережья XVIII в. Л. А. Пляшко (1980). Вылазки — подземные ходы, которые использовались, когда надо было выйти на огород, в сад (за пределы крепости), по воду или во время осады иметь запасной выход за город, она называет в Нежине, Батурине, Борзне, других городах, показывает на плане г. Лубен 1769 г.

Профессор Н. И. Петров, исследовавший подземелья Киева, Кременца, Каменца-Подольского, отмечал, что возраст подземных ходов разный, начиная от дотатарских времен и до XVI—XVII вв. включительно. Строились они с разной целью: для того, чтобы во время нападения врага в них могло прятаться население и его имущество, чтобы доставлять воду из рек в осажденную крепость, когда другим путем нельзя было выйти из нее; для содержания в подземных погребах запасов оружия, пороха и др. С последней целью они использовались уже и после воссоединения Украины с Россией русскими гарнизонами.

Подобные выводы можно сделать и о полтавских подземельях. Вероятно, они сооружались в древности; сначала использовались природные особенности, природные пещеры, для защиты от кочевников. Позже их могли возобновить уже во времена Александра Глинского. В дальнейшем реставрировали в XVII в., а затем, фундаментальная их реставрация и, вероятно, расширение сети, проведены зимой 1708—1709 гг.

Подземные лабиринты Полтавы, как других населенных пунктов Поворсклья, — это исключительно ценные памятники

истории. В настоящее время мы имеем определенные данные о сети полтавских подземелий. К сожалению, те исследования, которые проводились исследователями-энтузиастами в конце XIX — начале XX вв. и отдельные, зафиксированные места провалов уже в наше время, не могут дать исчерпывающие ответы на все вопросы, которые касаются этой интереснейшей страницы истории нашего края. Этот вопрос требует серьезного и всестороннего изучения.

Некоторые из полтавчан рекомендуют вместо открытого на Ивановой горе, рядом с усадьбой И. П. Котляревского, ресторана «Лилея» создать там какой-то культурный уголок. А рядом воссоздать засыпанный в послевоенные годы вход в подземелье. По свидетельствам старожилов, рядом с нынешней «Лилеей» существовал вход в большой каменный погреб с такими же кирпичными колоннами-подпорами, из него было два хода: один в направлении Успенского собора, другой — в сторону ул. Парижской Коммуны. Отреставрировав этот уголок, можно было бы создать в нем небольшую экспозицию о полтавских подземельях и поместить здесь карту-схему древних подземных «коммуникаций» города, что представляло бы несомненный интерес как для полтавчан, так и для многочисленных гостей Полтавы.

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ

А. А. ФОРМОЗОВ

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЯХ ГОГОЛЯ

1. В 1834 г. Гоголь объявил в печати о готовящейся им «Истории малороссийских казаков». Упоминания об этой работе часты в его письмах 1833—1834 гг. Неясно, какая часть текста была написана. До нас он не дошел. Восстановить его основные черты можно по другим записям и произведениям Гоголя.

2. В 1830 г. вышло второе издание подробной «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. Но Гоголь был уверен, что скажет «много того, чего до меня не говорили» (письмо М. А. Максимовичу от 3-XI-1833). Можно выделить четыре момента, нашедшие отражение в творчестве Гоголя, но отсутствующие у Бантыш-Каменского:

а) начало истории казачества не с XVI, а с XV, если не с XIII — XIV вв.;

б) определение его роли в истории мира — спасение Европы от турок;

в) попытка связать национальный характер с природной средой;

г) желание нарисовать ряд ярких портретов народных героев.

3. Первоначально Гоголь очертил широкий круг источников: «древние монеты и редкости, которые отыщутся в наших местах, стародавние... книги, ...антики, ...стрелы, которые во множестве находимы были в Пле, записи народных песен, рукописи «про времена гетманщины» (письмо М. И. Гоголь от 2-II-1830).

4. Бесспорно знакомство Гоголя с книгами Д. Н. Бантыш-Каменского, Г. Боплана, В. Г. Рубана, Ф. Г. Туманского, А. Шерера и рукописями С. И. Мышецкого, Г. А. Полетики, А. И. Ригельмана, А. Ф. Шафонского. Вскоре Гоголь почувствовал разочарование в «украинских летописях», отдавая предпочтение народным думам (письма М. А. Максимовичу от 9-XI-1833 и И. И. Срезневскому от 6-Ш-1834). «Тарас Бульба» создан на основе не столько письменных, сколько фольклорных источников.

5. По-видимому, разочаровался Гоголь и в вещественных источниках. В «Гетьмане» об Украине говорится как о «стране, где древностей почти не было». В «Кровавом бандуристе» читаем: «верх церкви с теми изгибистыми деревянными шестью куполами, которые установила испорченная архитектура византийская, еще более изуродованная варваризмом подражателей...». Так оценены памятники украинского барокко, знакомые Гоголю по Полтавщине и по киевским впечатлениям.

6. Оставив мысль о научных трудах по истории Украины, Гоголь никак не откликнулся на публикацию в 1840-х гг. «Истории Малороссии» Н. А. Маркевича и рукописей Мышецкого, Полетики, Ригельмана и Шафонского. Но интерес к памятникам материальной культуры возродился. Письма 1849 г. А. А. Иванову и А. М. Вьельгорской свидетельствуют о любовном изучении Гоголем средневековой архитектуры Москвы. Это показывает, что во взглядах на памятники материальной культуры Гоголь проделал ту же эволюцию — от непонимания их ценности к признанию ее, — как и во многом чуждые ему В. Г. Белинский и А. И. Герцен. Это отражало углубление знаний о наследии отечественной культуры, многообразно проявившееся по мере развития русского общества середины XIX в.

А. В. СУПРУНЕНКО

ИЗ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ О Ф. И. КАМИНСКОМ

Имя Ф. И. Каминского (1845—1891) — одного из первых исследователей археологических памятников Днепровского Левобережья, первооткрывателя украинского палеолита, до сих пор остается малоизвестным. Хотя подвижническая археолого-краеведческая и музейная деятельность лубенского педагога

оказала значительное влияние на ход дальнейшего изучения Нижнего Посулья и формирование музейных учреждений Левобережья.

Довольно узок круг источников о жизни и исследовательской деятельности Ф. И. Каминского (Киевская старина, 1891, т. 33, с. 313—314; Борисковский, 1953, с. 11—14; Махно, 1965, с. 185—188).

Для восстановления некоторых биографических подробностей и знакомства с археологическими исследованиями Ф. И. Каминского важно его эпистолярное наследие. Часть документов, по свидетельству В. Г. Ляскоронского (1892, с. 263—264), была уничтожена Каминским в Круглике перед смертью. Остальная часть архива хранителя Лубенского музея осталась у Е. Н. Скаржинской. Частично переписка Федора Ивановича сохранилась в фонде Е. Н. Скаржинской в Государственном архиве Полтавской области (ф. 222). В нем находится более 20 писем корреспондентов Ф. И. Каминского и 3 письма исследователя.

Письма корреспондентов знакомят с интересами и связями Ф. И. Каминского, дополняют сведения к его биографии. Несколько писем связаны с новыми поступлениями музея (А. Р. Эллинек, В. Г. Ляскоронский) (ед. хр. 58, лл. 1—2; 92, л. 2), одно — отражает курьезный случай приобретения сосуда марьяновской культуры из кургана VIII раскопок Д. Я. Самоквасова 1888 г. в Аксютинцах и наглядно показывает обычное для того времени отсутствие налаженного учета и контроля за работами (Рудинський, 1928, с. 29—31). Письмо С. Г. Кирьякова, датированное январем 1887 г., сообщает об атмосфере VIII археологического съезда, выставке на съезде и о внимании исследователей к коллекции из Круглика (ед. хр. 72, л. 2).

Письма называют и имена друзей Ф. И. Каминского — С. К. Кульжинского и А. Г. Кирьякова (ед. хр. 85,л. 1; 183, л. 1).

Официальные корреспонденции сообщают важные факты из биографии Ф. И. Каминского. В. Б. Антонович уведомляет об избрании лубенского педагога действительным членом Общества Нестора-летописца (ед. хр. 20), редакция «Киевской старины» просит подготовить предисловие к отрывку из Каталога Лубенского музея (ед. хр. 153, л. 2). О подготовке этого Каталога Ф. И. Каминским свидетельствует несколько сохранившихся карточек из инвентарной картотеки музея (ед. хр. 13,

лл. 6—10), написанных рукой исследователя. Наконец, сохранился Открытый лист, выданный в марте 1870 г. Московским археологическим обществом на право раскопок курганов в Минской и Полтавской губерниях на имя Ф. И. Каминского (ед. хр. 790).

Интересны письма украинского писателя, публициста и этнографа В. П. Горленко, появившиеся в ходе подготовки заметки для «Киевской старины» о музее Е. Н. Скаржинской (ед. хр. 53). Так, В. П. Горленко обращается с просьбой об ознакомлении с коллекцией к Ф. И. Каминскому, «под руководством которого формируется музей» (л. 24). В другом письме сожалеет «о постигших его семейных утратах» (л. 26). В письмах высказывается идея о передаче музея земству «для открытого доступа к нему» (л. 22), о городском музее (л. 8).

Наиболее ценны 3 письма Ф. И. Каминского к Е. Н. Скаржинской, адресованные в Москву (ед. хр. 69, лл. 3—6) и датируемые январем—октябрем 1883 г. В первом из них Каминский советует посетить ряд музеев и Московское археологическое общество, просит проконсультироваться по находкам, найти аналогии предметов. Здесь же сообщает о состоянии своего здоровья — «работает бодро лишь до завтрака». Работа по музею «идет ровно и основательно... То, что обработано, — пишет Ф. И. Каминский, — может представлять интерес для лучшего европейского ученого... и занять место в самом изящном музее» (л. 6). Здесь же приводится концепция музейной экспозиции в Круглике, основанная на разработанной Каминским периодизации древностей региона (лл. 7—8) (Супруненко, 1988, с. 14).

Во втором письме Ф. И. Каминский рассказывает о своих находках в курганах на Лысой Горе у Лубен. Он разделяет их на две группы: эпохи бронзы и скифского времени. Не будучи хорошо знакомым с античными древностями, он просит проконсультироваться в Историческом музее по «привозным» сосудам в скифских погребениях, относя к импортным лепной лощеный глубокий черпак из кургана № 11 (Ляскоронский, 1892, с. 268, табл. 1,1). В третьем письме Федор Иванович описывает новый экспонат музея — матрицу литейной формы серпа срубной культуры из с. Березняки, одну из старейших археологических находок на Полтавщине, выявленную еще в 1840 г. «среди пещаных дюн» левого берега р. Сулы. Исследователь точно определил назначение изделия и отливки, датировал его

эпохой бронзы и указал, что «этот предмет имеет особое значение), являясь доказательством, «1) что в Южной России употреблялись бронзовые орудия и 2) что они были не только привозные, но и отливались здесь на месте, даже в нашей Полтавской губернии» (лл. 3—4).

В Научном архиве Полтавского краеведческого музея сохранился один из полевых дневников Ф. И. Каминского (ед. хр. ОЗ-144/2). В нем приведено краткое описание объектов разведок и раскопок археолога в 1876 и 1882 гг. в окрестностях Лубен. Большинство из этих данных представляет несомненный интерес для современных исследователей Посулья.

В дневнике помещено первое археологическое описание городища скифского времени в ур. Сад, в 1,6 км к северо-западу — северу от д. Клепачи. Ф. И. Каминский не датирует памятник, но приводит ряд ценных сведений. В частности, указывает площадь городища, мощность культурного слоя (0,3—1 м), описывает валы, въезды, указывает, что поверхность площадки и укрепления покрыта углублениями, называет находки, приводит глазомерный план городища (лл. 1—5).

В ур. Осаково, в 0,25 км к северо-западу от городища, в лесу Ф. И. Каминский обнаружил курганный могильник из 15 насыпей, в составе которого исследовал 2 кургана. Они содержали погребения в вытянутом положении на спине «лицом к востоку», сопровождавшиеся 2 серебряными проволочными перстнями, серьгой и разрушившимися бронзовыми украшениями. Погребения, видимо, принадлежали древнерусскому времени. Их описания снабжены измерениями и ссылками на антропологические работы (лл. 5—7).

В дневнике имеется описание местонахождения в ур. Парпуривщина, в 2,1 км к северу от Клепачей, расположенного на останце и соседнем мысу высокого берега ручья, рядом с оврагом Богатыривщина. После вспашки здесь собрано множество находок различного времени, в т. ч. шиферные пряслица, украшения. В 0,4 км к северо-востоку от урочища находились 6 курганов (лл.7—8об.), распаханные насыпи которых сохранились до настоящего времени.

Упоминается также местонахождение обломка бивня мамонта в ур. Кулишово: близ д. Александровка, в обнажении «валунного слоя» (лл. 8 об. — 9 об.). Эта находка осуществлена исследователем при геологических наблюдениях, проводимых с особой тщательностью (Левингсон-Лессинг, 1889, с. 9).

Помещенная далее запись о раскопках кургана в ур. Роги у с. Гонцы изобилует подробностями. В кургане выявлено погребение бронзового века с северной ориентацией и развалом сосуда, в тесте которого имелись примеси толченого кварца и гранита (лл.10—11 об.). Ф. И. Каминский приводит аналогии указанным примесям (курган Перепетовка, погребения Западной Европы).

Обследуя «бурты» у с. Карпиловка в ур. Дубина исследователь приводит описание крупного майдана диаметром более 140 м (лл. 12—13 об.). В его центре он обнаружил остатки печи для производства селитры, но не понял предназначения сооружения, связывая его, вслед за преданием, с замком XVIII в.

Запись 1882 г. посвящена раскопкам насыпи кургана в ур. Замковщина (Замок) у Лубен. Ф. И. Каминский исследовал комплекс впускного погребения с восточной ориентацией, сопровождавшегося лепным горшком зарубинецкой культуры, обломком железного копья (?), остатками жертвенной пищи (кости лошади и свиньи), а также лепной орнаментированной позднескифской курильницей (Тр. VIII АС, 1897, т. IV, табл. 81, 51), назначение которой правильно определено автором раскопок. В литературе работы на памятнике, вслед за записью «Каталога» Полтавского музея, ошибочно датированы 1881 г. (Махно, 1965, с. 185—187; Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 27, 68).

Среди материалов Археологической комиссии в Архиве Ленинградского отделения ИА АН СССР, в деле о раскопках И. К. Зинченко, имеется упоминание об участии Ф. И. Каминского в исследовании трех курганов скифского времени у Мгарского Спасо-Преображенского монастыря в 1889 г., в т. ч. кургана «св. Афанасия», датируемого концом V—IV вв. до н. э. (Ильинская, 1968, с. 55). Сохранилась опись находок раскопок, составленная Ф. И. Каминским (ф. 1, 1889, ед. хр. 4, лл. 41—44).

Таким образом, получены новые материалы, характеризующие Ф. И. Каминского как одного из первых исследователей археологических памятников Посулья и Полтавщины, который провел раскопки более 20 курганов и разведки в Лубенском уезде. Результаты этих работ не были опубликованы в силу болезни и кончины автора, а позже — из-за изменения характера научной и собирательской деятельности музея Е. Н. Скаржинской в 1890-е годы.

Б. С. ВАНЦАК

И. Я. СТЕЛЛЕЦКИЙ: АРХЕОЛОГ, ИСТОРИК, РОМАНТИК

Перед сыном сельского псаломщика Игната Стеллецкого открывалась карьера служителя церкви. Окончив церковную школу, он успешно поступил в Киевскую духовную академию. Рядом — древний Киево-Печерский монастырь со знаменитыми пещерами, которые увлекли своей загадочностью любознательного юношу.

После окончания академии Игната Яковлевича посылают в Палестину для инспекции созданных русским «Палестинским обществом» духовных учебных заведений. И там — многочисленные подземные ходы, пещеры, остатки разрушенных крепостей... Не удивительно, что после возвращения И. Я. Стеллецкий оканчивает только что открывшийся в Москве Археологический институт. И это был выбор на всю жизнь.

В 1899 г. был подведен своеобразный итог многолетних поисков легендарной библиотеки Ивана Грозного в подземельях Кремля (да и в других местах). «Журнал Министерства народного просвещения» писал тогда: «После обстоятельного и подробного исследования Белокурова вопрос о царской библиотеке может считаться исчерпанным. Отыскивать следы мнимых рукописных сокровищ Ивана IV станет только ученый, увлекающийся беспочвенным воображением и не доверяющий исторической критике».

Таким исследователем оказался И. Я. Стеллецкий. С 1909 г. он начал знакомство с Кремлем и в очень драматических, но, вместе с тем, романтических обстоятельствах не прекращал своей деятельности вплоть до начала Великой Отечественной войны. В 1949 г. старый ученый-спелеолог тяжело заболел, утратил работоспособность и более не мог возвратиться к делу своей жизни.

Библиотеку он не нашел, но открытий и находок сделал множество, опубликовав ряд работ в различных изданиях.

В жизни И. Я. Стеллецкого был период (1917—1922 гг.), связанный с древним городом Лубны на Полтавщине. Тут, в семье нотариуса окружного суда, родилась Анна Супруненко (1883—1962). Она окончила местную женскую гимназию, потом — исторический отдел Одесских женских педагогических

курсов, высшие женские курсы в Москве. В период революции 1905—1907 гг. Анна Супруненко пишет революционные стихи, публиковавшиеся в «Литературно-научном вестнике» и Лубенской газете «Хлебороб», закрытой властями за печать антиправительственных материалов.

В Москве Анна Васильевна в 1909 г. вышла замуж за И. Я. Стеллецкого и в 1914 г. также окончила Археологический институт. Правда, не эта профессия явилась для нее основной в жизни, а педагогическая деятельность, которую она с 1916 г. начала на родной Лубенщине. Благодаря ей и прожил в годы революции и гражданской войны И. Я. Стеллецкий в Лубнах.

Известно, что еще в 1885 г. у Лубен, в с. Круглик, помещица и член нескольких научных обществ России Е. Н. Скаржинская открыла один из первых на Украине музеев, подаренный в 1906 г. Полтавскому земству. А в 1918 г. И. Я. Стеллецкий смог собрать в Лубнах и селах уезда множество ценных предметов древности и открыл новый музей, от которого ведет свое летоисчисление и современный Лубенский краеведческий музей. Значительное количество экспонатов было добыто в предшествующих созданию музея раскопках И. Я. Стеллецкого. С Харьковщины были перевезены две половецкие «каменные бабы» XII—XIII вв., сохранившиеся и ныне у стен музея.

И. Я. Стеллецкий основал Лубенское общество охраны памятников древности. Для тех тяжелых лет это был смелый подвижнический труд. Стеллецкий производил археологические исследования на территории города — на Верхнем Валу и в подземных ходах у Мгарского монастыря, привлекая для работ взрослых и детей. Он выступал с лекциями (сохранились сведения о таких из них: «Прошлое Украины и Лубенщины с доисторических времен», цикл «Путешествия по Востоку»). К работе общества привлекались и лубенские краеведы. В Лубенском краеведческом музее экспонируется объявление, датированное октябрем 1920 г. о том, что в музее «в зале научных заседаний, состоится очередное заседание историко-филологической секции с докладами: 1) «Змеиный остров под Лубнами и его история» (И. Я. Стеллецкий, А. Л. Лазовский), 2) «Райзеры — предки Скаржинской» (М. Г. Астряб)».

Знакомство с увлеченной жизнью ученого, основателя Лубенского музея, в которой переплелись и теоретические знания,

и непосредственная практика, а иногда и наивная романтика, безусловно, необходимо сегодня — и в познавательном плане, и в воспитании новых поколений историков-краеведов.

Т. Н. ДЯЧЕНКО

МУЗЕЙ Е. Н. СКАРЖИНСКОЙ

В истории музейного дела на Украине Е. Н. Скаржинской принадлежит особое место. Дворянка по происхождению, Екатерина Николаевна резко выделялась разносторонними общественными интересами среди представителей своего класса. Ее чрезвычайно беспокоило сохранение историко-культурного наследия края.

Рис. 15. Дом Е. Н. Скаржинской в Круглике. (По рисунку Г. И. Нарбута, 1914 г.)

Журнал «Киевская старина» в 1890 году писал, что «общественные учреждения южных городов проявляют разительное и темное равнодушие к сбору и сохранению научных коллекций предметов старинного быта и культуры, естественно-исторических, археологии, этнографии». Но такие собрания все же возникали благодаря труду и заботе отдельных частных просвещенных лиц. Одним из таких собраний стала коллекция Е. Н. Скаржинской. В 1885 году Скаржинская открыла музей в своем селе Круглик, отведя для этой цели специально построенный двухэтажный дом. В скором времени музей стал известен далеко за пределами Полтавщины. Будучи избранной членом нескольких научных обществ, почетным членом Полтавской ученой архивной комиссии, Е. Н. Скаржинская выделяла средства для проведения научных исследований, в частности археологических.

Писатель и фольклорист В. П. Горленко свидетельствовал, что в музее находились предметы церковной старины и быта времен крепостного права, нумизматические коллекции, старопечатные книги, рукописи известных писателей, портреты и пр. Но самое значительное место в экспозиции занимали археологические находки.

Коллекции древностей собирались и другими помещиками в Лубенском уезде: Леонтовичами, Ограновичами, Кирьяковыми. Но музей Е. Н. Скаржинской отличался своей доступностью, совершенно безвозмездно он был открыт для всех. Сама Скаржинская так сформулировала задачи своего музея:

«1. Собирать и сохранять как научный материал разные памятники старины, преимущественно местной, обращая особое внимание на памятники быта (древние и современные).

2. Способствовать усвоению этого научного материала каждым желающим учиться и развиваться...»

Заслуженный врач УССР С. А. Тимофеев, уроженец г. Лубен, в своих воспоминаниях писал: «Для объяснений был специальный человек, которого публика называла «музейщик». Публика посещала музей очень охотно, ходили туда и экскурсии учебных заведений, и отдельных лиц». Из ведомости посещений мы видим, что за три года, начиная с 1898, количество гостей музея возросло с 62 человек до 771.

Музей занимался пропагандой своих коллекций и краеведческих знаний. В Москве были изданы научные труды К. П. Бочкарева «Очерки Лубенской старины» и С. К. Кульжинского

«Описание коллекции народных писанок». Сергей Климентиевич Кульжинский, действительный член Русского географического общества, был последним заведующим музея. Прибыв совсем молодым человеком в имение Е. Н. Скаржинской, он до конца своей жизни жил в Лубнах.

Поистине многогранна научно-просветительская и благотворительная деятельность музея. В Круглике Е. Н. Скаржинской были открыты народная школа, чайная, читальня с библиотекой, организовывались вечерние чтения для народа.

В 1906 г., собираясь в Швейцарию, Е. Н. Скаржинская хотела подарить свой музей (20 тысяч экспонатов, архив и более 4 тысяч томов научной библиотеки) г. Лубнам при условии, чтобы город признал за ней «пожизненное право» на участие в последующей деятельности этого учреждения и соорудил специальное помещение для городского музея. Но городская дума не изыскала возможностей, чтобы принять этот ценнейший подарок, и он был передан Полтавскому земству. Известный советский археолог М. Я. Рудинский назвал эту коллекцию «краеугольным камнем» собрания Полтавского краеведческого музея. К сожалению, значительная часть предметов Лубенского музея была утрачена во время Великой Отечественной войны. В полтавских краеведческом и художественном музеях сохранилась лишь незначительная часть собрания Е. Н. Скаржинской. В Государственном архиве Полтавской области сохранилась часть ценных для истории края документов Е. Н. Скаржинской.

Находясь в Швейцарии, Екатерина Николаевна оказывала материальную помощь русским революционерам-эмигрантам, занималась издательской деятельностью. После Великого Октября она жила в Лубнах, в доме по улице Гоголя. Из документов мы узнаем, что в 1925—1926 гг. Е. Н. Скаржинская получала персональную пенсию, назначенную, как она пишет в одном из своих писем, В. И. Лениным.

В доме, где некогда помещался музей Е. Н. Скаржинской, до войны некоторое время находился детский дом. В Лубенском краеведческом музее недавно появились интересные экспонаты — фотографии этого дома и парка в Круглике, переданные одним из старожилов села. Из всех строений имения до нашего времени сохранилось только помещение флигеля для слуг.

Известный украинский художник-график Г. И. Нарбут, будучи женатым на племяннице Екатерины Николаевны лубен-

чанке Вере Кирьяновой, был хорошо знаком и с ней самой. Он оставил рисунок дома Е. Н. Скаржинской в с. Круглик (1914 г.), с которым история связывает основание одного из первых музеев Украины (рис. 15).

В. И. УЛЬЯНОВСКИЙ

УНИКАЛЬНЫЕ СТАРОПЕЧАТНЫЕ КНИГИ И ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЛУБЕНСКОГО МУЗЕЯ Е. Н. СКАРЖИНСКОЙ

Основанный в 1885 г. Екатериной Николаевной Скаржинской музей в имении с. Круглик, выросший к 1906 г. в огромное собрание экспонатов, уникальное архивохранилище и библиотеку, стал ценнейшей коллекцией разного рода письменных, материальных, изобразительных и др. источников по истории, археологии, нумизматике, этнографии, искусствоведению Полтавщины, Украины, России, отчасти славянских народов и Востока.

Подробное описание экспонатов музея было осуществлено еще его первым заведующим Ф. И. Каминским и подготовлено к печати после его смерти (1891) А. П. Зосимовичем под ред. проф. В. Б. Антоновича (ГАПО, ф. 222, оп. 1, ед. 2. 125 л.). Полная опись музея Е. Н. Скаржинской так и осталась неизданной. До 1941 г. исследователи имели возможность изучать и использовать собрание музея непосредственно. К настоящему времени коллекция, библиотека и архив Скаржинской сохранились далеко не полностью. Поэтому особо возрастает значение рукописного каталога музея, записи которого в ряде случаев являются единственным свидетельством о фактах, имеющих большую научную ценность.

Это, в первую очередь, касается собрания старопечатных книг. В коллекции Е. Н. Скаржинской находилось около двух десятков старопечатных книг, местонахождение которых в настоящее время остается неизвестным. Среди них наибольшую ценность представляли два издания, одно упоминание которых в каталоге музея имеет несомненное научное значение для истории славянского и отечественного книгопечатания.

1. Страничка церковно-славянского служебника, изданного в Венеции в 1519 г. Это издание является уникальным, каждый

экземпляр его стоит на особом учете во всех международных каталогах.

2. Евангелие 1590 г. киевской печати. В настоящее время принято считать, что первая типография в Киеве была основана при архимандрите Киево-Печерского монастыря Елисее Плетенецком (1615 г.). Гипотеза об основании типографии в этом же монастыре кн. К. И. Острожским, известным меценатом и покровителем монастыря, в 30-х г. XVI в., которую активно поддерживал историк церкви митрополит Самуил Миславский, считается недостоверной из-за отсутствия памятников ранней киевской печати. Упоминание в каталоге музея (№ 907) издания 1590 г. может служить одним из доказательств в пользу более раннего основания киево-печерской типографии.

Книга размером в 2°, в деревянном, обтянутом холстом переплете, не имела титула и двух первых листов. На первой заставке над началом Евангелия от Матфея в середине квадрата был вписан год , то есть. 1590. Шрифт и типографское оформление книги имело «чрезвычайное сходство» с Московским Апостолом 1564 г. Ивана Федорова. В Евангелии было помещено до 100 гравюр. На стр. 376 содержалась вкладная запись 1628 г. Михайла и Пелагеи в церковь Димитровскую с. Городиславова (Городиславича?). А в июле 1704 г. Евангелие было подарено жителем с. Белякова Хорольского уезда Симеоном Гмиренко в церковь Иоанна Богослова с. Радиловки (ГАПО, ф. 222, оп. 1, ед. 2, л. 55, ед. 3, л. 11 об.).

Данные о Евангелии киевской печати 1590 г. из музея Скаржинской позволяют пересмотреть начальную историю отечественного первопечатания, а также представления об историко-культурных, литературных и книжных центрах средневековья.

Кроме того, в коллекции музея находились ценные экземпляры западноевропейских старопечатных изданий, например, хроника Мацея Стрыйковского (1581).

Уникальные вещи содержал также архив музея, часть которого находится в настоящее время в ГАПО (ф. 222, 2647 ед.) и Полтавском краеведческом музее (грамоты, указы, свидетельства, пр. XVIII—XIX вв.).

Самыми древними документами были две заверенные выписи из грамот 1536—1537 гг. вел. кн. Литовского Свидригайла и короля польского Сигизмунда Мушатичам (ф. 222, ед. 594—595).

В связи с большой работой по изданию Литовских статутов, действовавших на Украине вплоть до конца XVIII в., поиском их списков, представляет интерес народный список статута XVIII — нач. XIX в. из музея Скаржинской в кожаном переплете, большого формата (ед. 766). В каталоге говорится и о существовании специального алфавитного указателя к статуту, который до настоящего времени не сохранился (ед. 2, л. 61 об.).

Прямое отношение к истории позднего казацкого летописания имеет рукопись «О начале казацкого имени и коего племены и рода казаки, купне же и о давнейших их действиях вкратце» (ед. 770). В историографии давно известны легендарные письмо султана Махмуда III к запорожцам и ответ последних. В коллекции Скаржинской сохраняется один из вариантов данной «переписки», где письмо запорожцев имеет подпись «Захарий Кошевой» (ед. 884). Геральдика Украины представлена в Коллекции любопытными рисунками гербов Лазаря Барановича и Адама Киселя (ед. 591).

Из материалов по истории России заслуживает внимание список (редакция—?) «Канона ангелу грозному воеводе» Парфения Юродивого, авторство которого приписывается Ивану IV Грозному (ед. 458; ед. 2, л. 60); Столбец 1692 г. — «данная грамота» генералу П. И. Гордону на купленную усадьбу в Московской Новонемецкой Слободе с прекрасно сохранившейся печатью Земского приказа (ед. 246); список «Записок о России» Х. Г. Манштейна (ед. 768—769); копии указов Екатерины II 1767—1770 гг. о наказании крестьян за подачу челобитных на помещиков и запрещении созыва крестьян в селах колокольным звоном (ед. 323) и др.

В коллекции Скаржинской находились (и отчасти сохранились до настоящего времени) автографы Суворова, Румянцева, Потемкина, Григория Сковороды (письма к Н. Н. Ермолову, ед. 2, л. 67); факсимиле (с 1557 г.) и целые комплексы из документов фамильных архивов Райзеров, Кирьяковых, Неженцевых, Агроновичей-Корниевичей, Кудашевых, Кулябко, Ладыгиных, Стороженко, Тырковых, Павловичей, Яновичей, пр.

Подробная опись исторических документов музея Скаржинской была осуществлена около 1900 г. М. Г. Астрябом и включала описание 3713 единиц (ед. 2656—137 л.).

Учитывая большое значение для науки сведений о музее Е. Н. Скаржинской, считаем крайне необходимым научное издание каталогов музея 1891 г. и его архива (1900 г.) с подроб-

ными комментариями о сохранившихся экспонатах и рукописях, их научной ценности, а также оценки уникальности сведений, каталогов о вещах и материалах, местонахождение которых в настоящее время неизвестно.

Д. Е. МАКАРЕНКО, О. Е. ФРАНКО

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ НИКОЛАЯ ЕМЕЛЬЯНОВИЧА МАКАРЕНКО

Богат талантами украинский народ. Во все времена нашей истории он выдвигал из своих недр щедро одаренных людей, которые, не колеблясь, отдавали свою жизнь на алтарь науки. Таким был и наш земляк известный ученый-археолог и искусствовед Николай Емельянович Макаренко. Все, что связано с именем Николая Емельяновича, принадлежит уже истории, исследование которой только начинается.

Родился Н. Е. Макаренко 4 февраля 1877 г. в с. Москалевка Роменского уезда Полтавской губернии (теперь Сумская обл.). Простая крестьянская хата под соломенной крышей стояла в центре села на берегу реки Сулы. Деревянная церковь, пять ветряных мельниц, начальная школа и паром — вот и все достопримечательности дореволюционного села на 170 дворов. У родителей было пятеро детей — два сына и три дочери. После начальной школы Николай Емельянович успешно оканчивает Лохвицкую гимназию. Затем он вступает в С.-Петербургскую художественную школу барона А. Л. Штиглица, а после — в Археологический институт.

Глубокие теоретические знания, исключительное трудолюбие и сотрудничество с такими выдающимися художниками, археологами, искусствоведами, литераторами, архитекторами как Н. К. Рерих, Б. Н. Рерих, А. А. Спицин, В. А. Верещагин, Н. Н. Врангель, Г. С. Вашкевич, Д. В. Айналов, А. И. Миловидов, В. Я. Курбатов, Н. П. Кондаков, М. Т. Беляшевский, Г. И. Нарбут, А. В. Орешников, П. П. Семенов-Тян-Шанский и мн. др. позволили Н. Е. Макаренко стать широко эрудированным специалистом-искусствоведом. Будучи сотрудником императорского, а позже Государственного Эрмитажа, Николай Емельянович получил доступ к сокровищам цивилизаций всех времен и народов. Там же хранились и многочисленные архео-

логические и художественные ценности, вывезенные с Украины. Составленный им в 1916 г. на 307 страницах краткий путеводитель «Художественные сокровища императорского Эрмитажа» по своей полноте и глубине проработки не имеет себе равного. В дореволюционное время профессор Макаренко сотрудничал в весьма популярном тогда журнале «Старые годы», на страницах которого не только публиковал свои статьи, но и знакомил широкую общественность со всеми новыми изданиями в области искусства и археологии.

Воодушевленный верой революционных преобразований на Украине, Николай Емельянович, как и многие другие истинные патриоты, в 1919 г. переезжает в Киев. Его принимают действительным членом Всеукраинского Археологического комитета Всеукраинской Академии наук. Это были тяжелые времена разрухи, голода, чисток, выискивания врагов народа и беззастенчивого уничтожения бесценных памятников искусства и архитектуры. В 1932—34 гг. археология, как и другие науки, переживает кризисную ситуацию. Апологеты сталинского толкования науки, такие как ученый секретарь ВУАКа П. П. Куринный, впоследствии сбежавший с фашистскими захватчиками, беззастенчиво издевались над настоящими учеными. Такие оборотни само название «археология» считали реакционным. В трудах маститых ученых они усматривали ультра-спиритуалистическое направление последования, «классификационный фетишизм», «педантизм», «надклассовый протоколизм», «социологическую партизанщину», «политическое эмигрантство», «аполитизм», «национализм». Этих «обвинений» тогда было достаточно, чтобы свести счеты с любым ученым. Протестуя против различного рода издевок, невыдачи открытых листов на право производства археологических исследований, Н. Е. Макаренко порой выходил из состава сотрудников ВУАКа.

Как человек высоких принципов, бесконечно преданный высоким идеалам науки, Н. Е. Макаренко единственный из членов комиссии, кто, не колеблясь, не подписал акт на уничтожение Михайловского златоверхого собора и строительство правительственной площади в Киеве. Последовал арест, «дознание» и ссылка в Казань. Последние годы жизни и смерти Николая Емельяновича, несмотря на реабилитацию в 1969 г., до конца не выяснены и противоречивы даже в справочной литературе.

В течение всей своей научной деятельности Николай Емель-

янович много сделал для изучения археологических памятников Украины вообще и Полтавской области в частности. Он был действительным членом многих археологических обществ и архивных комиссий, в том числе Полтавской ученой архивной комиссии. Начиная с 1907 г., он исследует городища роменского типа (Монастырище, Медвежье, Опошня, Липлява и др.). Ряд работ он посвятил изучению торевтики скифо-сарматского времени, салтовской культуре, находкам кладов X—XI веков. Широко известны его фундаментальные исследования трипольской культуры.

Среди памятников древнего зодчества следует назвать исследования Юрьевской божницы возле Остра, возведенной в 1098 г., Троицкого собора Густинского монастыря вблизи Прилук, Черниговского Спаса, сооруженного в начале XI века, Покровской деревянной церкви в Ромнах, построенной в 1764 г. и позже перевезенной в г. Полтаву.

В области изучения памятников искусства труды Макаренко изобилуют интересными и разносторонними сведениями. Они посвящены описанию коллекций картин князей Л. М. и Е. Л. Кочубей, высокохудожественных изделий церковной утвари, истории гравюры на Украине, искусству книгопечатания и орнаментации книги, исследованию древних фресок и стенописи, эмальерному искусству. Много сил и энергии отдал Николай Емельянович на возвращение музейных экспонатов, вывезенных в 1914 г. из бывшего музея Ханенко в Киеве, основанию и развитию краеведческих музеев в Полтаве и Ромнах.

Изучение научного наследия проф. Макаренко только начинается. В настоящее время оно насчитывает более ста произведений. Проведение глубокого исследования, всесторонне освещающего жизненный путь и научное творчество Н. Е. Макаренко — задача ближайшего будущего.

Н. М. ВЫСТАВКИНА

И. А. ЗАРЕЦКИЙ — СОТРУДНИК ОРЕНБУРГСКОГО МУЗЕЯ

Иван Антонович Зарецкий, известный полтавский краевед, археолог, музейный работник, переехал в город Оренбург, в 1915 году. До того — годы работы в Полтавском музее, занятия археологией и этнографией Украины, возрождение кустар-

ных промыслов. Некоторое время он живет в Петербурге и Воронеже.

В 1915 году Оренбургская губернская управа приглашает И. А. Зарецкого как специалиста «по кустарному делу» для исследования кустарных промыслов края и их организации. По плану, составленному Зарецким в 1916 году, в Оренбурге создаются учебно-показательные мастерские. Одновременно начинается изучение им Оренбургского края, его природы, истории, быта населения. Он становится членом Оренбургской Ученой архивной комиссии. В 1920-е годы И. А. Зарецкий некоторое время заведует фаянсовым заводом. При заводе организуется учебно-показательная школа-мастерская, при ней — художественные классы. В 1927 году И. А. Зарецкий заключает договор с Обществом Казахстана о проведении археологических раскопок. Им раскопано 20 курганов по р. Илек. Большинство из них — позднекочевнические.

С 1928 года И. А. Зарецкий — сотрудник Оренбургского музея. Созданный в 30-е годы XIX века, Оренбургский музей к началу XX века имел богатую экспозицию. В годы гражданской войны многое в музее было утеряно и похищено. А при разделе Оренбургского музея с Казахским (в 20-е годы Оренбург — столица Казахстана) большая часть исконных богатств музея передается Казахстану. Предстоит огромная работа по воссозданию музея. Начинается большая собирательная работа. Археологические раскопки И. А. Зарецкий производит на основании открытых листов, выдававшихся Государственной Академией истории материальной культуры им. Марра. В Академию он высылает планы и отчеты об археологических работах. В 1929 году им ведутся раскопки близ хут. Белошапочного в Губерлинских горах (найденные при раскопках предметы относятся к двум эпохам — бронзовому веку и поздним кочевникам — половцам). В 1933 году вновь исследуются в Губерлинских горах курганы поздних кочевников. Археологические отчеты Зарецкого в музее не сохранились. Но, как видно из письма 1935 года Академии истории материальной культуры в Оренбургский музей, объекты раскопок И. А. Зарецкого расцениваются как «археологические памятники исключительного научного значения». Каждый год музейный сотрудник занимается научной охотой в пределах области. Сам препарирует животных и растения. Изучает местность, собирает отдельные растения, образцы почв, минералов, много фотографирует. Он

ведет большую просветительскую работу. В экспедициях Зарецким собираются предметы народного обихода. Он фотографирует типы жилых построек местного населения. Материалы по этнографии высылаются им в Институт изучения народов. В 1935 году И. А. Зарецкий избирается членом-корреспондентом ГИМа СССР. Одновременно он привлекается к работе Комиссии по охране памятников. На 15-м Пленуме Государственной академии истории материальной культуры в 1936 году И. А. Зарецкий выступает с сообщением о варварском отношении оренбургских властей к музею и к историческим памятникам области.

И. А. Зарецким ведутся также и геологические изыскания. В 1931 г. им найдены огнеупорная глина и кварцевый песок — ценное сырье для получения огнеупорного кирпича; открыты залежи замечательного каолина, представляющего почти готовую фарфоровую массу.

19 июня 1936 года И. А. Зарецкий выехал на археологические исследования, где вскоре раскопал 3 кургана у пос. Красногор, обнаружив много интересных археологических находок. 14 августа 1936 г. исследователь умер на месте полевых работ. Похоронен на станции Кувандык Оренбургской железной дороги.

Ж. А. КОНОНЕНКО, О. Е. ФРАНКО

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛТАВЩИНЕ

(по материалам личных фондов В. В. Хвойки и Ф. К. Вовка (Волкова)

В научном архиве Института археологии АН УССР, в личных архивах дореволюционных ученых В. В. Хвойки (1850—1914) и Ф. К. Вовка (1847—1918), среди других, имеются документы о научных исследованиях на Полтавщине. Известно, что на протяжении ряда лет В. В. Хвойка проводил археологические раскопки в Полтавской губернии. Будучи действительным членом Московского Археологического общества, он вел научную переписку с графиней Уваровой, которая с большим вниманием относилась к исследовательской деятельности В. В. Хвойки. Об этом свидетельствуют ее письма и документы, хранящиеся в научном архиве. Подписывая ученому Свидетельство

на право раскопок за № 947 от 8 апреля 1902 г., в котором говорится, что «он действительно рекомендуется Обществом в Полтавскую губернию для производства раскопок летом сего года...» (ф. 2, № 729). Уварова тут же пишет ему письмо с предупреждением о том, что «Полтавский губернатор человек придирчивый и поэтому советую Вам стараться задобрить местные мелкие власти и стараться, чтобы они Вам не мешали» (ф. 2, № 728).

Еще один документ сообщает о раскопках В. В. Хвойки на Полтавщине. Свидетельство от 10 мая 1904 г. за № 650 «...дано сие... Викентию Вячеславовичу Хвойко в том, что он действительно командируется Обществом, этим летом в Полтавскую губернию для археологических исследований и раскопок городищ и курганов по рекам Орели, Ворскле и Псле...» (ф. 2, № 753). А в 1904 г. в «Древностях...» (Труды Императорского Московского Археологического общества, т. 20), опубликована работа В. В. Хвойки «Раскопки могильника при с. Броварки Гадячского уезда, Полтавской губернии».

Ученый не ограничивался одними отчетами о раскопках, отсылаемыми в Археологическую Комиссию в Петербурге и Московское Археологическое общество, но и писал научные работы, связанные с его ценными открытиями, выступал на археологических съездах с докладами.

В апреле 1903 г. В. В. Хвойка получает от Московского Археологического общества «Свидетельство» за № 374 на право исследований в Константиноградском уезде Полтавской губернии для подготовительных работ к XIII Археологическому съезду в Екатеринославе (ф. 2, № 734).

Доклады В. Б. Хвойки были заслушаны на XI, XIII, XIV археологических съездах, на XII Международном съезде доисторической антропологии и археологии, состоявшемся в Париже и на Конгрессе во Флоренции.

Долгие годы В. В. Хвойка был хранителем Киевского городского музея, создал богатейший археологический отдел, ставший впоследствии базой Киевского государственного исторического музея. Он общался с учеными Полтавы, обменивался отдельными вещами из раскопок, что также отразилось в материалах его личного архива.

Полтавчанин по происхождению (с. Крячковка Пирятинского уезда) Ф. К. Вовк (Волков), известный археолог, этнограф и антрополог всю жизнь поддерживал связи с учеными и рево-

люционными деятелями Полтавщины, проводил исследования края, посещал Полтаву с научной целью.

После окончания Киевского университета (1871) Ф. К. Вовк, как член Юго-Западного отделения Русского географического общества, занялся работой по сбору этнографических материалов, подготовил и дважды издал «Программу...» по их сбору, опубликовал несколько статей о народных названиях растений на Украине и применении их в народной медицине, о ярмарках, об особенностях украинского орнамента (в том числе полтавского). Ф. К. Вовк один из организаторов переписи населения Киева, III Археологического съезда, участник археологических экспедиций.

В эмиграции (Тульча, Бухарест, Женева, Париж) Ф. К. Вовк продолжает революционную деятельность, начатую в Киеве в середине 1870-х гг., пишет работу «Робітницька справа у Західній Європі і думки про спільне громадське життя», издает «Кобзар» Т. Г. Шевченко с запрещенными в России стихотворениями и др. Взгляды Ф. К. Вовка характеризует автограф его статьи «Научные основания социализма» (ф. 3, В-385-386), однако последователем научного социализма ученый не стал. С начала 90-х годов XIX в., занявшись серьезно научно-исследовательской деятельностью, он постепенно отходит от активного участия в революционном движении, хотя поддерживает связи с Украиной и в частности с Полтавой. Как ученый (член Антропологического, Исторического, Доисторического обществ, научного общества им. Шевченко, соавтор нескольких парижских и русских журналов; Ф. К. Вовк не порывает связей с Родиной и знакомит французскую и мировую общественность с достижениями отечественной научной мысли. В 1892 г. он публикует в Париже этнографическую работу «Свадебный ритуал и обряды на Украине», в которой фигурируют и материалы Полтавщины. На Всемирной выставке в 1900 г. Ф. Вовк — один из ее организаторов. Здесь и нашли признание мировой общественности вещи из Опошни — одного из самых известных центров украинского народного искусства. С 1900 по 1905 г. Федор Кондратьевич преподает в Русской Высшей школе общественных наук в Париже. В его записях упоминаются этнографические материалы Полтавщины. Сохранились фотографии построек домов, мельниц, подсобных помещений в Мануйловке и Диканьке, в Зеньковском уезде. Среди рукописей — запись Г. Онисько «Свадьба Гадячского уезда, Полтавской губ.»

(с. Ципки) и свадебные «Весільні пісні, записані од молодиці з Оржицьких хуторів, Пирятинського повіту, Полтавської губернії» (1895 г., 215 л.) (ф. 3, В-219). С 1906 по 1918 г. Ф. К. Вовк преподавал в университете и был одним из организаторов и хранителей этнографического отдела Русского музея в Петербурге, где нашли место и хранятся до сих пор его коллекции, в том числе собранные на Полтавщине. В сборе и исследованиях, кроме него, принимали участие жена, друзья и ученики. Особенно много на Полтавщине работали А. Шульгин, С. Руденко и Л. Чикаленко. Сам Вовк несколько раз приезжал в Полтаву и пользовался коллекцией Е. Н. Скаржинской, исследованиями Н. Е. Макаренко и др.

А. М. ВЕЛИЧКО-БЕРЕЗОВАЯ

Н. А. СТАН — СОТРУДНИК ПОЛТАВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ, АРХЕОЛОГ, ХУДОЖНИК

В Полтавском краеведческом музее, со времени его основания, ряд сотрудников занимался археологическими исследованиями (И. А. Зарецкий, В. М. Щербаковский, М. Я. Рудинский, А. К. Тахтай и др.). Среди них были известные ученые и начинающие, но увлеченные археологи. К ним относится и Н. А. Стан, жизнь которого оборвала Великая Отечественная война.

В архиве Полтавского краеведческого музея хранятся документы, дневники археологических разведок Н. А. Стана, воспоминания о нем, которые позволяют более полно раскрыть биографию этого человека.

Никита Антонович Стан (1906—1943) был заведующим отделом древней истории (археологии) Полтавского краеведческого музея в 1936—1941 гг. Родился он в 1906 г. в с. Калужино Днепродзержинского района Днепропетровской области в многодетной крестьянской семье. Отец погиб в первую мировую войну. Мать — Агафия Стан — осталась вдовой с шестью детьми.

Уже в детские годы Н. А. Стан серьезно увлекался рисованием, был способным учеником. До 1924 г. работал в хозяйстве матери. В 1924—1925 гг. его призывают в ряды Крас-

ной Армии. В 1925 г. Н. А. Стан стал комсомольцем, принимал участие в ликвидации неграмотности и малограмотности в ряде сел.

Сдав экстерном экзамены за среднюю школу, он поступил на рабфак Киевского художественного института, где учился с 1929 по 1932 гг. За годы учебы был агитатором комсомольской организации и редактором стенгазеты, в 1930 г. избран членом бюро комсомольской организации института, позже был заведующим политкабинетом института. Как ударник в учебе и общественно-политической работе в 1930 г. был избран депутатом Киевского горсовета. Перейдя на четвертый курс института, Н. А. Стан из-за болезни вынужден был оставить учебу. С декабря 1933 по март 1934 г. он работал заведующим лекторским бюро, а с мая 1934 г. по октябрь 1935 г. — ученым библиотекарем Всеукраинского исторического музея имени Т. Г. Шевченко (г. Киев). В 1934 г. Н. А. Стан стал аспирантом при Киевском государственном университете, но был отчислен в 1935 г. по указанию Министерства высшего образования как не имеющий такового на время поступления.

В 1936 г. он перевелся на работу в Полтавский краеведческий музей заведующим отделом древней истории (археологии) и написал преддипломную картину к окончанию художественного института «Расстрел революционного митинга в Народной аудитории г. Кременчуга в 1905 г.» (размеры 150 х 90 см.). Эта работа экспонировалась в тематическом отделе капитализма музея и погибла во время войны.

Работая в музее, Н. А. Стан вел активную общественно-политическую деятельность, был секретарем комсомольской организации и пропагандистом. Здесь он был принят в ряды Коммунистической партии. В 1940 г. на выставке творческих работ художников Полтавщины к 23-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции экспонировались его этюды и эскизы. Лучшие работы экспонировались также на республиканской выставке в г. Киеве в 1941 г.

В 1941 г. он добровольно вступает в ряды Советской Армии рядовым. Его зачисляют в редакцию фронтовой газеты «За правое дело» как художника и корреспондента. В апреле 1943 г. часть, в которой служил Н. А. Стан, попала в окружение в районе г. Красноград. Н. А. Стан пропал без вести.

Среди документов Н. А. Стана, которые хранятся в Полтавском краеведческом музее, обращает на себя внимание «Откры-

тый лист» на проведение археологических разведок от 15 мая 1941 г., выданный Институтом археологии АН УССР на его имя.

Н. А. Стан открыл поздпепалеолетическое местонахождение у с. Днепрово-Каменка, обследовал могильник и поселение черняховской культуры в с. Новоселовка (ст. Свинковка), обнаружил остатки поселения неолита ямочно-гребенчатой керамики, эпохи ранней бронзы и черняховской культуры в ур. Рогизна в Полтаве, материалы роменской культуры и древнерусского верени на Красной площади города.

В архиве музея хранится «Дневник шлюпочного похода кружка юных туристов 26-й НСШ». Начало дневника — 13.VI. 1941 г., окончание — 22.VI. 1941 г. Некоторые записи сопровождаются схемами и рисунками. 22 июня 1941 г. Н. А. Стан обследовал урочище «Шпиль» у с. Днепрово-Каменка, собрал коллекцию фрагментов керамики, стрел на площади около 1 гектара и здесь впервые узнал о начале войны, о чем поместил запись в своем дневнике.

Такова судьба одного из сотрудников Полтавского краеведческого музея — Никиты Антоновича Стана, о котором мы храним благодарную память.

Список сокращений

АС	— Археологический съезд.
ВУАК	— Всеукраинский археологический комитет.
ГАПО	— Государственный архив Полтавской области.
ГИМ СССР	— Государственный исторический музей СССР.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж.
ИА АН СССР	— Институт археологии АН СССР.
ИА АН УССР	— Институт археологии АН УССР.
ИЗ АН СССР	— Институт зоологии АН СССР.
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
НА ПКМ	— Научный архив Полтавского краеведческого музея.
ПКМ	— Полтавский краеведческий музей.
ПСРЛ	— Полное собрание Русских летописей.
СВ	— Северо-восток.
СЗС	— Северо-запад — север.
ЮВЮ	— Юго-восток — юг.
ЮЗЮ	— Юго-запад — юг.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андриенко Владислав Петрович — доцент кафедры археологии Донецкого государственного университета, кандидат исторических наук (г. Донецк).

Белинская Лариса Ивановна — ст. научный сотрудник сектора археологии отдела охраны памятников Сумского краеведческого музея (г. Сумы).

Белоус Анна Петровна — директор Полтавского краеведческого музея (г. Полтава).

Бовкун Иван Васильевич — рабочий коммунхоза, краевед (пгт Новые Санжары).

Ванцак Борис Сидорович — зав. отделом редакции газеты «Червона Лубенщина», заслуженный журналист УССР (г. Лубны).

Величко-Березовая Анна Михайловна — зав. отделом истории дооктябрьского периода Полтавского краеведческого музея (г. Полтава).

Выставкина Наталия Михайловна — зав. научной библиотекой Оренбургского областного краеведческого музея (г. Оренбург).

Гавриленко Игорь Николаевич — ст. консультант правления областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (г. Полтава).

Гаврин Петр Акимович — ст. преподаватель Полтавского государственного педагогического института (г. Полтава).

Гребень Петр Николаевич — научный сотрудник сектора археологии Черниговского исторического музея (г. Чернигов).

Григорьев Александр Вадимович — сотрудник Посульской комплексной археологической экспедиции ИА АН СССР, ИА АН УССР (г. Москва).

Григорьев Владимир Павлович — начальник Черкасской Лесостепной археологической экспедиции (г. Черкассы).

Дяченко Тамара Николаевна — мл. научный сотрудник Лубенского краеведческого музея (г. Лубны).

Жук Вера Никаноровна — преподаватель Полтавского государственного пединститута, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры УССР (г. Полтава).

Заика Анатолий Григорьевич — рабочий Полтавского электромеханического завода, краевед (г. Полтава).

Заика Григорий Пименович — художник АТП 15354, краевед (г. Полтава).

Коен Вадим Юрьевич — ст. лаборант ИА АН УССР (г. Киев).

Кононенко Жанна Александровна — ст. лаборант Научного архива ИА АН УССР (г. Киев).

Костенко Юрий Васильевич — постоянный представитель Украинской ССР при международных организациях в Вене, сотрудник МИД УССР (г. Киев).

Кулатова Ирина Николаевна — мл. научный сотрудник НИ сектора археологии отдела охраны памятников Полтавского краеведческого музея (г. Полтава).

Коваленко Владимир Петрович — зав. кафедрой истории СССР Черниговского государственного пединститута, кандидат исторических наук (г. Чернигов).

Казаков Андрей Леонидович — зав. сектором археологии Черниговского исторического музея (г. Чернигов).

Луговая Любовь Николаевна — зав. НИ сектором археологии отдела охраны памятников Полтавского краеведческого музея (г. Полтава).

Милованова Наталья Александровна — мл. научный сотрудник сектора археологии отдела охраны памятников Сумского краеведческого музея (г. Сумы).

Моргунов Юрий Юрьевич — мл. научный сотрудник ИА АН СССР (г. Москва).

Макаренко Дмитрий Елисеевич — зам. директора Института геологических наук АН УССР, зав. отделом мезозойских отложений, доктор геолого-минералогических наук (г. Киев).

Мокляк Владимир Александрович — ст. редактор районной библиотеки, краевед (пгт Новые Санжары).

Наливайко Иван Никитович—зам. председателя правления Полтавской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (г. Полтава).

Нераденко Татьяна Николаевна — ст. научный сотрудник отдела охраны памятников истории и культуры Черкасского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук (г. Черкассы).

Новицкая Виктория Николаевна — научный сотрудник Центрального Государственного архива Октябрьской Революции и Высших органов государственной власти и государственного управления УССР (г. Киев).

Островерхов Анатолий Степанович — научный сотрудник ИА АН УССР, кандидат исторических наук (г. Одесса).

Потапов Александр Владимирович — научный сотрудник сектора археологии Черниговского исторического музея (г. Чернигов).

Приймак Виктор Владимирович — зав. сектором археологии отдела охраны памятников Сумского краеведческого музея (г. Сумы).

Сапожников Игорь Викторович — мл. научный сотрудник ИА АН УССР, кандидат исторических наук (г. Одесса).

Семенов Александр Ильич — сотрудник отдела истории первобытной культуры Государственного ордена Ленина Эрмитажа (г. Ленинград).

Сиволап Лариса Григорьевна — преподаватель СПТУ-10, краевед (г. Черкассы).

Сиволап Михаил Павлович — начальник отряда Черкасской Лесостепной археологической экспедиции (г. Черкассы).

Сергин Виктор Яковлевич — ст. научный сотрудник ИА АН СССР, кандидат исторических наук (г. Москва).

Супруненко Александр Борисович — зав. отделом археологии Полтавского краеведческого музея (г. Полтава).

Ткаченко Александр Михайлович — ст. лаборант археологической экспедиции Полтавского краеведческого музея (г. Полтава).

Ульяновский Василий Иринархович — ст. научный сотрудник Республиканского дома научного атеизма, кандидат исторических наук (г. Киев).

Франко Оксана Емельяновна — зав. научным архивом ИА АН УССР, кандидат исторических наук (г. Киев).

Формозов Александр Александрович — ведущий научный сотрудник ИА АН СССР, кандидат исторических наук (г. Москва).

Чичкало Борне Васильевич — зам. председателя Полтавского облисполкома, председатель областной редколлегии тома «Свода памятников истории и культуры Полтавской области», председатель правления Полтавской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (г. Полтава).

Шрамко Борис Андреевич — профессор Харьковского государственного университета, доктор исторических наук (г. Харьков).

Шрамко Ирина Борисовна — руководитель археологических кружков Харьковского Дворца пионеров и школьников (г. Харьков).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Чичкало Б. В. Подготовка археологической части «Свода памятников истории и культуры Полтавской области» 3
Белоус А. П. Археология в Полтавском краеведческом музее . . 5

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛТАВЩИНЕ. ИЗ ОПЫТА ОХРАННОЙ РАБОТЫ В СОСЕДНИХ ОБЛАСТЯХ

Сергин В. Я. Гонцовское палеолитическое поселение 10
Сапожников И. В. М. Я. Рудинский и проблема выделения историко-культурных регионов в позднем палеолите Украины . . . 12
Милованова Н. А. К вопросу о значении палеонтологической находки у села Кулешовка 14
Гавриленко И. Н. Памятники эпохи мезолита в междуречье Сулы и Ворсклы 16
Коен В. Ю. О жилище Бузьковского неолитического поселения . . . 19
Гавриленко И. Н., Коен В. Ю. Некоторые результаты раскопок 1988 г. мезолитического поселения Вязовок на Полтавщине 22
Костенко Ю. В. Новые материалы с неолитического поселения в ур. Белая Гора вблизи Полтавы 27
Кулатова И. Н., Супруненко А. Б. Охранные исследования курганов в Нижнем Поворсклье 28
Сиволап М. П. Новые материалы ямной культуры Левобережной Черкащины 33
Островерхов А. С. Химико-технологическая характеристика фаянсов из катакомбного погребения у села Кампанийцы 37
Бовкун И. В., Мокляк В. А. Археологические разведки на территории Новосанжарского района 39
Шрамко Б. А. Культурно-исторические связи древнего населения Полтавской области в раннем железном веке 41
Григорьев В. П. О времени появления скифов в Левобережной Приднепровской террасовой лесостепи 44
Андриенко В. П. О материалах раскопа 11 поселения Пожарная Балка 2 47
Гавриш П. А. Керамическая посуда с поселения скифского времени у с. Саранчевка 49
Шрамко И. Б. Способы упрочения железных изделий ремесленниками бассейна Ворсклы в VII—IV вв. до н. э. 52
Кулатова И. Н. Разведки в Лубенском районе Полтавской области 54
Нераденко Т. Н. Некоторые итоги охранной работы в Чигиринском районе Черкасской области 58
Семенов А. И. Утраченные предметы памятников Перещепинского круга 60
Приймак В. В., Белинская Л. И. Охранные раскопки археологических памятников конца I — начала II тысячелетия на Сумщине . 64
Моргунов Ю. Ю. Динамика формирования и развития Посульской границы 66
Григорьев А. В. Городище у с. Хитцы 69
Луговая Л. Н. Погребения средневековых кочевников в курганах юга Полтавщины 72
Коваленко В. П., Сытый Ю. Н. Летописный Уненеж (к постановке проблемы) 76

Казаков А. Л., Гребень П. Н. Новые раскопки Остерского Городца 78
Потапов А. В. Некоторые данные о фауне древнего Остерского Городца в XII — XIII вв. 80
Новицкая В. Н. К вопросу о происхождении названия города Полтава 81
Заика Г. П., Заика А. Г. Некоторые вопросы истории Украинской линии 83
Сиволап Л. Г. Спелеоархеологические обследования в г. Умань . . 88
Наливайко И. Н. Из истории селитроваренного производства на Полтавщине 90
Ткаченко А. М. Курганы Лохвицкого района 93
Жук В. Н. Подземелья — составная часть крепостей Поворсклья . 94

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ

Формозов А. А. Памятники материальной культуры в исторических изысканиях Гоголя 100
Супруненко А. Б. Из новых материалов о Ф. И. Каминском . . . 101
Ванцак Б. С. И. Я. Стеллецкий: археолог, историк, романтик . . 106
Дяченко Т. Н. Музей Е. Н. Скаржинской 108
Ульяновский В. И. Уникальные старопечатные книги и документы из Лубенского музея Е. Н. Скаржинской 111
Макаренко Д. Е., Франко О. Е. Жизненный путь Николая Емельяновича Макаренко 114
Выставкина Н. М. И. А. Зарецкий — сотрудник Оренбургского музея 116
Кононенко Ж. А., Франко О. Е. Исследования на Полтавщине (по материалам личных фондов В. В. Хвойки и Ф. К. Вовка (Волкова) 118
Величко-Березовая А. М. Н. А. Стан — сотрудник Полтавского краеведческого музея, археолог, художник 121
Список сокращений 124
Сведения об авторах 125
Оглавление 129

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ ВТОРОГО ОБЛАСТНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА 18—19 МАЯ 1989 ГОДА «ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ»

Подписано к печати 20.12.1988 г. БЗ 05718. Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л.-отт. 8,25. Усл. печ. л.-отт. 7,67. Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 550. Зак. 8750. Цена 50 коп. Типография издательства «Полтава». 314000, ул. Котляревского, 38/40.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

стр.:	строка	: напечатано	: следует читать
6	4-я сверху	неолетических	неолитических
33	I0-я сверху	концом	серединой
I26	I0-я сверху	преподаватель	доцент

50 коп.